

**Лариса Григорьевна Михайлова Валери Фрайрайх
Родриго Гарсиа-и-Робертсон Джон Маддокс
Робертс Лорел Винтер Метте Брюль Нина Люкке
Алексис де Токвиль Владимир Сыромятников
Татьяна Лаврова Владимир Авинский Андрей
Синицын**

Сверхновая американская фантастика, 1995 № 04

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 10

FineReader 12 <http://lib.rus.ec/b/488682>

Fantasy & Science Fiction

СВЕРХ / 1995

4 НОВАЯ

американская фантастика

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Выходит с июля 1994 г.

Колонка редактора

Лариса Михайлова
Космос — это прекрасно

Многие, вероятно, могут припомнить, что греческий корень в слове «Космос» означает «прекрасное». Манящие дали космоса вечно будут оставаться неизмеримо прекрасными для человеческого духа. Это можно утверждать без боязни оказаться ложным пророком. Любые теперешние неувязки с космическими программами — лишь досадные задержки в бесповоротном движении к единению человека с мирозданием. А для фантастики, давно обживающей этот новый дом человечества, тут и вопроса никакого нет.

Поэтому писатели-фантасты сегодня все глубже и глубже в космос отправляют своих героев, не изменяя своей «первой любви». Причем все воображаемые препоны не отвращают обитателей многочисленных планет на страницах «сверхновых» произведений от стремления к развитию цивилизации объединенного человечества. Безмерность космоса таким образом становится мерой человеческого будущего. В повести одной из писательниц, новооткрытых «F&SF» — Валери Фрайрайх («Завет» — первая ее публикация), — мы опять встречаемся с вечной темой взаимодействия преемственности, традиции и прогресса. И получается, что без опыта памяти «генетических уродов», населяющих Завет и несущих в своем сознании пласты жизненного опыта многих поколений матерей начиная от первопоселенков, развитие всей обширной Культурной Гармонии невозможно, как ни пытаются чиновники этого галактического объединения планет представить все в ином свете. Бесконечное движение по не раз уже пройденному кругу на Завете, подвергнутому искусственной изоляции, гнетет и его мудрых обитательниц. Решение этой дилеммы Фрайрайх находит просто филигранное, и мы поспешили включить «Завет» в наш «космический» номер.

С Родом Гарсиа-и-Робертсоном наши читатели уже знакомы по диалогии «Старая вера» и «Хоровод». Теперь перед вами его дебют в F&SF — повесть «На дальнем берегу на живца лучше берет», где сюжетобразующим приемом становится мимикрия подводных обитателей.

Однако инопланетные чудеса могут оказаться вовсе не безобидны для человека, в чем слишком поздно убеждается героиня рассказа «Костюм

из кожи» Джона Мэдокса Робертса. Зато непредвзятость и внимание к позиции собеседника помогают неопытной участнице космической экспедиции вполне эффективно выполнять роль эmissара человечества в «После» Лорел Винтер.

Могу утверждать, однако, что для многих читателей не меньшим открытием, чем имена новых авторов, станет публикация профессора В. С. Сыромятникова, конструктора и со времен проекта «Союз-Аполлон» бессменного руководителя космических стыковок, ныне обеспечивающего встречи станции «Мир» с самыми различными кораблями, в том числе и с американскими шаттлами. Его статья посвящена подготовке научных сил России к участию кораблей с солнечными парусами в «Космической регате-2000». И достойным дополнением к этой статье является подготовленная Т. С. Лавровой библиографическая справка о космических парусниках в литературе.

Когда номер уже был почти сформирован, редакция получила по почте от нашего читателя из Карелии Анатолия Могелайнена криптограмму, которую он составил целиком из названий космических кораблей, упоминаемых в самых различных фантастических произведениях. Поэтому мы решили предложить любителям викторин разгадать эту криптограмму.

Кстати, недолго осталось ждать и опубликования результатов конкурса «Сверхновой» на фэнтези на русском материале — в № 6 за этот год вы сможете прочитать произведения трех финалистов.

В рубрике «Инвариант» продолжаем публикацию глав книги Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», начатую в № 4 за 1994 год.

Непосредственно вслед за тем номером, что Вы держите в руках, идет выпуск, который поможет чуть лучше познакомиться с современным киберпанком в американской фантастике. Впереди у наших верных читателей знакомство еще со множеством сверхновых фантастов — первых претендентов на высшие литературные призы.

Проза

Валери Фрайрайх Завет¹

1. Каменный город

Когда Грэй Бриджер узнал, что женат, он понял, что ему, вероятно, придется убить свою жену.

— Мне очень жаль, мистер Бриджер, — сказала ему заместительница управляющего по делам эмиграции, за бюрократическим равнодушием скрывая сочувствие. — Женившись на туземной женщине, вы автоматически лишили силы разрешение на выезд из протектората Завет. Вы не можете купить билет ни до Дарьена, ни до какой бы то ни было другой планеты Культурной Гармонии.

— Что вы имеете в виду? — Пальцы Грэя стиснули пачку с таким

1 © Valerie Freireich. Testament. F&SF December 1993.

трудом заработанных денег. Кредитки Гармонии не так-то легко добыть. — Я не женат. Здесь, на Завете, даже не существует такого обычая, как женитьба.

Чиновница подняла взгляд от своего настольного компьютера и только сейчас пристально взглянула на Грэя. Ее блеклые голубые глаза сузились, когда по смуглому лицу и худощавому сложению она поняла, что перед ней туземец, а не один из сотрудников администрации, по несчастливому стечению обстоятельств застрявший на Завете.

— О! — сказала она чопорно. — Местным жителям так или иначе закрыт доступ на планеты Гармонии, мистер Бриджер. Завет находится на постоянном карантине.

Наплевав на чиновничий этикет, Грэй выразительно постучал пальцами по ее столу рядом с компьютером.

— Будьте так добры, заместитель, загляните в мой файл. Мне разрешен выезд. Я одиночка — как вы. Обычный человек, а не Измененный.

Женщина нахмурилась, но все же быстро просмотрела результаты тестов, которые прошел Грэй, чтобы доказать свое отличие от прочих туземцев, Измененных.

— Да, теперь я вижу, — сказала она, не поднимая на него глаз. — Вам был разрешен выезд, но ваш брак аннулирует это разрешение. — Чиновница ударила по клавишам компьютера, и сведения о Грее исчезли с экрана. — Вчера Объединенный Совет планеты Завет зарегистрировал ваш брак с туземкой, записанной как «дальняя родственница» по имени Дансер Бриджер. Прошу прощения, сэр, но теперь вы не вправе покинуть Завет. — И перевела взгляд на того, кто стоял за Греем.

— Чем могу помочь, сэр? — оживленно обратилась она к рослому инопланетянину, тоже чиновнику, судя по его внешнему виду.

Ошеломленный, Грэй Бриджер отошел прочь. Выйдя из отдела эмиграции и все еще сжимая в кулаке свои отвергнутые кредитки Гармонии, Грэй привалился к стене коридора и попытался обдумать происходящее. Его брак заключен декретом Объединенного Совета. Это значило, что за всем этим делом стоит его бабушка, потому что именно она главная прорицательница Купола Бриджеров и представляет его в Совете... Он ударил кулаком по стене. Тонкое металлическое покрытие отозвалось глухим удивленным звуком. Женат. Он представил себе свою жену — женщину, похожую на его сестер и на всех прочих ему известных женщин, — призраки прошлого глядели из их обманчиво юных глаз. Даже если она и не прорицательница, все равно у нее тысячелетняя душа, отпечатавшаяся в сверхъестественно мудром выражении лица. Одна из них.

— Нет, — прошептал Грэй. Он смотрел на вделанные в потолок «солнечные камни», пока не выступили слезы. — Нет. — Он убьет эту якобы жену прежде, чем одержимая призраками женщина навсегда привяжет его к Завету. Он постарается, чтобы это выглядело как несчастный случай.

Он вышел из здания, не обращая внимания на кислый привкус во рту, похожий на вкус застарелой крови. Пачка кредиток затрепетала в его кулаке под весенним порывистым ветром, вдруг напомнив Граю птиц, которые пытаются вырваться из клетки. Он затолкал кредитки в карман куртки. Распахнулась входная дверь, ударив его. Захваченный врасплох, Грэй что-то проворчал и развернулся. Он увидел человека, который стоял

за ним в очереди в отдел эмиграции.

— Извините, — мягко произнес чужак, отвечая на взбешенный взгляд Грэя.

— Все вы чересчур много извиняетесь, — огрызнулся Грэй, — да толку-то в ваших извинениях!

Человек поклонился в лучших традициях Гармонии.

— Я действительно прошу извинения. Это столкновение было совершенно ненамеренным. — Он окинул Грэя взглядом. — Вы ведь туземец, верно? Я ищу проводника.

— Меня это не интересует.

Грэй повернулся, чтобы уйти.

— Я хорошо заплачу, — сказал вслед ему чужак.

Сражаясь с ветром, Грэй зашагал к подъемникам, которые вели из контролируемой Гармонией Торговой Зоны вниз, к домам и куполам самого Каменного Города. Шаги за спиной вынудили его ускорить шаг. На склоне холма ветер был куда хуже, чем внизу, в Каменном Городе, зато вид отсюда открывался великолепный. Грэй остановился у входа в тоннель, где начинались подъемники, чтобы с высоты посмотреть на Каменный Город.

— Завет, надо же! Эту планету следовало бы назвать Энтропией. Один большой памятник мертвецам.

Грэй рывком обернулся. Иноземец последовал за ним и теперь смотрел вниз, на Каменный Город. Жестом чужак указал на купола, и яркий свет брызнул из драгоценных камней на его кольцах.

— Столица, похожая на некрополь, — сказал. — Правда, великолепно построенный.

Даже с такого расстояния семейные купола казались огромными. Первопроходцы Завета и их потомки строились на широкую ногу. Гигантские полусферы золоченого камня, порой окаймленные лентами алмазного стекла, купола тесно высились в центре Каменного Города, и рядом с ними казались карликами дома пастельных цветов, составлявшие жилые кварталы города. Купол Бриджеров был самым большим из сохранившихся куполов, и единственный с отверстием на вершине. Он назывался «Око Мира» и был шестисот футов высоты. Тем не менее этот величественный вид пробудил в Грее не гордость, а отвращение.

— Меня не интересует работа проводника, — сказал Грэй. — Если я не могу покинуть Завет, значит, мне не нужны деньги Гармонии.

Человек обернулся к нему.

— Твой брак — большое несчастье. Он законен, поскольку зарегистрирован надлежащей местной властью, а если эта женщина такая же, как все здесь, на Завете... Гармония не позволит тебе покинуть супругу и не даст разрешения на эмиграцию здешнему выродку.

Слово «выродок» обожгло Грэя — с самого совершеннолетия он слишком часто слышал его в применении к себе, когда в нем не пробудилась память многочисленных матерей рода Бриджеров.

— Кто вы такой?

Иноземец опять поклонился.

— Мое имя — Мартин Пенн. Я недавно прибыл на Завет. Невольно мне довелось услышать ваш разговор с сотрудницей отдела эмиграции. — Он снова перевел взгляд на город и жестом показал: — Что случилось с этим разрушенным куполом?

Грэй даже не потрудился глянуть в ту сторону.

— Купол Шаков рухнул примерно в то время, когда быстроходные корабли Гармонии обнаружили Завет — около ста лет тому назад. До тех пор он был самым большим куполом. Впрочем, Шаки, вернее то, что осталось от их рода, все еще используют его.

— Чтобы хоронить своих мертвецов?

— Да. — Грэй поглядел на город. С этого расстояния он казался безлюдными развалинами, реликвией незапамятного прошлого. Где-то там, внизу, его жена, Дансер. Он не знал этой женщины, зато хорошо знал, чего ему ожидать. Женщины из рода Бриджеров были смуглы, темноволосы, стройны и очень умны. Ее родовая память, вероятно, простирается до самой Земли и основательницы рода Джанет Бриджер, хотя, если только она не прорицательница, память о прошлом у нее только подсознательная, и собственный жизненный опыт тесно переплетен с духовно закаменевшей наследственностью.

— Я хочу попасть внутрь одного из этих куполов, — сказал Пенн. — И встретиться с прорицательницей, а не с шарлатанкой из Торговой Зоны, которые дурачат гармонийских туристов. Настоящие прорицательницы до сих пор отказывались встретиться со мной. — Он повернулся к Грэю.

— Вход в купола разрешен только членам рода, — сказал Грэй, отвечая на его невысказанный вопрос.

— Я плачу сто пятьдесят кредиток, — пообещал Пенн.

Это была половина цены проезда до Дарьена, за час работы — целое состояние. Грэю совсем не хотелось становиться проводником этого настырного чужака, но властные манеры этого человека и его бесцеремонность подавляли... не говоря уже о деньгах.

— Я приведу вас к Куполу Бриджеров, — медленно проговорил Грэй. — Но не могу дать никакой гарантии, что вам позволят войти.

Чужак улыбнулся и сунул руку в карман.

— Ты ведь прямой наследник в роду Бриджеров, не так ли? Прямой потомок основательницы через младших дочерей? Ты и проведешь меня вовнутрь.

2. Не принц Гамлет

Воздух в Куполе Бриджеров был пересушен и чуть отдавал гарью, словно здесь когда-то давно что-то жгли. Внутри ротонды всегда царил полумрак, потому что свет проникал только через узкие застекленные полосы вдоль стены и зияющее наверху Око, и только ночью зажигались тысячи светящихся шариков — да и то не все, а только часть. Широкие галереи поднимались до середины стен купола, которые нависали над головой, точно небесный свод из стекла и камня, застывший в нерешительности: то ли рухнуть на головы зрителям внизу, то ли взмыть в открытое пространство, видимое через Око. Мартин Пенн, стоявший рядом с Грэем, зачарованно глазел на пугающе огромную внутренность купола, заложив руки за спину и поглядывая на Око.

— Что же случилось с людьми, которые смогли сотворить такое? — спросил он. — И отчего тогда все миры, освоенные переселенцами с тихоходных кораблей, такие застойные?

Грэй лишь пожал плечами. Вероятно, прорицательницы помнили, как именно были выстроены купола, но энергичное освоение людьми Завета закончилось с прибытием первых кораблей-бросков. Прорицательницы больше ничего не строили и не планировали — они только сохраняли и

лелеяли мертвых.

— Они иные, — сказал он вслух, полный подозрений к этому пришельцу, который делал вид, что их свел случай, а сам чересчур много знал о Завете и самом Грэе. — У них больше времени на размышления.

Пенн поглядел на Грэя и потряс головой, словно пытаясь избавиться от какого-то видения.

— Инерция, — сказал он, отвечая на собственный вопрос. — Они не заняты ничем, кроме воспоминаний. — Пенн внимательно оглядел ряды галерей и закрытые двери семейных склепов, тянувшиеся вдоль нижней части купола, скользнув безразличным взглядом по любимому саду Грэя, земному саду, где сотни лет внутри купола сохранялись экземпляры земных растений, неспособных выжить на поверхности Завета — в ожидании, когда мир снаружи станет пригодным для них. Потом с энтузиазмом показал куда-то за спину Грэя.

— Это прорицательница?

Грэй обернулся. К ним приближалась старая женщина. Стройная, высокая, она была одета в изящное, длинное белое одеяние и куталась в шаль из шкуры нойса с синей каймой. Лишь седые волосы и морщины на лице выдавали ее истинный возраст. Она шла прямо к Грэю и Мартину Пенну. Пенн поклонился — это чужеземное движение казалось внутри купола еще более неуместным.

— Пожалуйста, госпожа, я хочу задать тебе кое-какие вопросы. Я вот уже неделю пытаюсь получить на это разрешение, но ни один купол еще не дал мне ответа. Я заплачу. — Он сунул было руку в карман, но женщина, подняв ладонь, остановила его.

— Нет. — Она наклонила голову, изучая чужака. — Ты не турист. Кто ты, приятель Грэя?

Пенн внимательно оглядел ее и вдруг отвесил еще один поклон.

— Я — *аманн* Академии, из Центра, столицы Культурной Гармонии Миров. Мое имя Мартин Пенн. Я хотел бы задать несколько вопросов прорицательнице, если ты, госпожа, позволишь побеседовать с тобой с глазу на глаз.

Она покачала головой, негромко посмеиваясь, точно развлекалась происходящим, затем подмигнула Грэю.

— Я не стану отвечать на твои вопросы, но скажу тебе кое-что, что тебе, вероятно, хотелось бы узнать. — Не ожидая ответа, она закрыла глаза и начала раскачиваться, сначала медленно, затем все быстрее. Грэй, забавляясь, следил за ней. Пенн широко раскрыл глаза, следя как замороженный за каждым ее движением. Из губ женщины вырвались булькающие звуки, постепенно они стали тоньше и превратились в короткие пронзительные вскрики, похожие на вопли раненого зверька. Эхо звуков раскатилось по Куполу, и Грэй ощутил, как вибрация холодком пробежала по его позвоночнику. Несколько людей, беседовавших под ближайшей аркой входа, поглядели на нее, затем отвели взгляды, улыбаясь. Вдруг женщина оборвала себя и, открыв глаза, пальцем ткнула Пенна в грудь.

— Ты ищешь нечто очень для тебя важное и найдешь его, если будешь настойчив. А теперь уходи!

Пенн против воли шагнул назад, повинувшись ее жесткому велению, затем серьезно, без тени усмешки оглядел старую женщину.

— А ты, Грэй, останься! — приказала она. — Принц Купола Бриджеров не нуждается в моральной поддержке чужака.

Грэй воззрелся на нее, на миг потеряв дар речи.

— Принц? — переспросил Пенн, с новым интересом взглянув на Грэя. Женщина махнула рукой.

— С тех пор, как женился, он превратился в принца Гамлета — видели вы такую нерешительность? А может быть, он всего лишь Пруфрок.

Пенн еще чуть помедлил, затем поклонился.

— Госпожа прорицательница, я хотел бы побеседовать с тобой еще раз, когда шарлатаны перестанут тревожить Купол Бриджеров.

Женщина хлопнула в ладоши, словно прогоняя надоедливое животное.

— Прочь отсюда! — прикрикнула она на Пенна. — Прочь! — И при этом улыбалась во весь рот.

— Вам лучше уйти, — неловко проговорил Грэй.

— Ну что ж, в другой раз, — с достоинством ответил Пенн и неспешным шагом вышел из купола, внешне невозмутимый, однако движения его были чересчур принужденными.

— Ну, бабушка, к чему было все это представление? — спросил Грэй, когда Пенн вышел.

— Впечатлился? — осведомилась она, хихикая себе под нос. Иные прорицательницы были слишком озабочены важностью своего титула, но о бабушке Грэя этого никак нельзя было сказать. — Я решила исполнить что-нибудь ему на добрую память, раз уж именно ты привел его в купол. Ты мой любимый внук. — Она поглядела в сторону, куда удалился Пенн. — Быть может, я совершила ошибку. Он как будто человек проницательный. Мы так мало знаем о Вселенной за пределами Завета! Передачи, которые мы смотрим, они подвергают цензуре, а тем, кто покинул Завет, не позволяют вернуться сюда. Но, с другой стороны, они так же мало знают о нас. — Она тяжело вздохнула и улыбнулась Грэю, который гадал, отчего это его бабушка отказалась прорицать для Пенна. Обыкновенно в куполах с охотой выслушивали вопросы иноземцев, да еще занимавших важные посты, черпая из этих вопросов информацию о Гармонии Миров. — Что же, Грэй, ты пришел навестить некрополь своей матери или познакомиться со своей невестой?

Грэй отступил на шаг, инстинктивно стараясь увеличить расстояние между собой и глазами бабушки. Он опустил взгляд, при воспоминании о браке кулаки его сами собой сжались.

— Я пришел сказать тебе, пусть на сей раз тебе удалось удержать меня на Завете, но рано или поздно я уеду. Здесь мне не место, и я никогда не буду здесь счастлив.

— Что за сантименты, Грэй, — сказал она. — Счастье не есть мера жизни. Счастье — это иллюзия, рожденная ощущением своей полезности; все остальное — себялюбие.

— Значит, ты хочешь, чтобы я оставался на Завете, себялюбивый и несчастный.

Она подошла ближе. Грэй стоял неподвижно, как солдат на параде; бабушка, близкая и дорогая, чудилась одновременно чужой и враждебной. Юноша почувствовал себя отторгнутым.

— Грэй, поскольку ты одиночка, у тебя нет воспоминаний твоих матерей, но частица нас все равно существует в твоей душе. Если ты уедешь сейчас, без Дансер, ты умрешь одиноким среди чужаков, в черной бездне звездного мира, бесполезный и в высшей степени несчастный. Ты

нуждаешься в том, чтобы за тобой стоял Завет.

— Я не просил прорицать для меня!

— Я не вольна над знанием, — проворчала бабушка. Она быстро обняла Грэя, не обращая внимания на его скованность. — Прорицание есть интуиция, обогащенная информацией. Если интуиция — подсознательный процесс, исходящий от сосредоточения фактов, значит, те из нас, кто знает больше фактов... и обладает достаточной силой разума... волей-неволей знают больше других и лучше осознают реальность. Говорю тебе, Грэй, этот брак тебе же на пользу.

— Мне ли? Может, Куполу Бриджеров, дабы тебе не пришлось переживать публичное унижение, когда потомок прямой линии покинет Завет? Моей пользы в этом быть не может. Я хочу жить там, где буду таким же, как все, там, где я буду нормальным.

— Сочувствую тебе, Грэй. Трудно быть одиночкой, даже несмотря на то, что таковыми были все основатели нынешних родов. Я видела твое разочарование и горе, когда тебе не удалось овладеть памятью своих матерей, подобно всем твоим друзьям. Но быть прорицательницей — не единственный путь служения своему народу. Идем со мной. Познакомься с Дансер. — Она протянула руку.

— Нет, бабушка, я ухожу, — упрямылся Грэй, как ребенок.

— погоди. — Бабушка взяла его под руку и с недюжинной силой повлекла за собой к саду. — Прогуляйся немного со старой женщиной. Ты явно забыл земную литературу, которой я тебя обучала, но ведь помнишь еще историю того, как мы пришли на Завет? — И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Наш корабль был третьим из тихоходных кораблей, посланных с Земли почти тысячу лет назад. Мы не знаем, что случилось с остальными — быть может, это известно Гармонии. Наши предки были изменены — тогда это слово еще не стало непристойным, — и таким образом мы сохранили память предыдущих поколений как разновидность минирасовой памяти, записанной в ДНК митохондрий. В теории, насколько я поняла, сделано это было для того, чтобы избежать потери жизненно важной информации и памяти о Земле на протяжении двух веков полета. Поскольку ДНК митохондрий наследуется только от женщин, из поколения в поколение передавались только женские воспоминания. Мужчинам этот факт прибавляет угрюмости. Однако у нас все же общее знание. У мужчин и женщин рода общая память целых поколений, общий образ жизни и отношение к жизни... у всех, кроме одиночки, подобного тебе. И роды понимают друг друга благодаря тем же, прожившим друг около друга века, поколениям. Затем явились корабли-броски, принешие презрение к нам, и тогда пришлось защищаться от невидимой угрозы. Ты обладаешь качеством, недоступным нам, — ты приемлем для Культурной Гармонии Миров. Это может нам пригодиться.

— Зачем? — взорвался он, прерывая эту лекцию. — Что такого я могу сделать, что любой другой не сделает лучше?

Они уже дошли до окраины сада. Небольшие растения с крупными цветами тянулись вдоль тропинки, по которой они шли, но гордость и слава сада, деревья, были еще впереди: высокие, изящные ветвистые силуэты, которым ни за что не пережить суровой зимы за стенами купола. Но окружающий мир тоже изменился — он стал влажнее и ароматней. Сладостные запахи не напоминали Грэю ни о чем, кроме этого же сада, но его бабушка улыбнулась, и на мгновение дымка заволокла ее глаза —

дымка минутного воспоминания. Однако когда Грэй уже совсем собрался улизнуть, бабушка сказала:

— Ты мог бы жениться на Дансер.

— Но ведь ты нас уже поженила.

— Не дуйся, Грэй. Мужчинам это не к лицу. Я хотела сказать, что ты мог бы стать ее мужем по-настоящему, привязаться к ней. Она стала бы прибежищем для тебя. Идем, увидишься с ней. Она тебе понравится. Она красивая.

Грэй остановился. Он подозревал, что где-то впереди, в потаенном уголке Земного сада, его подстерегает Дансер.

— Мне не нужна никакая жена с Завета, — сказал он. — Если ты приведешь меня к ней — клянусь, бабушка, я убью ее только для того, чтобы меня оставили в покое.

«Теперь о несчастном случае не может быть и речи, — подумал он. — Ну и ладно».

Бабушка совсем молодо рассмеялась.

— Я не верю этому, Грэй. Ты великодушен, твое сердце вынесет любой удар. Тебя огорчили, вот и потянуло на мелодраму. Ничего. Ступай домой. Ты увидишься с Дансер во время следующего посещения купола.

Грэй нахмурился:

— Она живет в куполе? Значит, она прорицательница.

— Нет-нет, — сказала бабушка. — Не прорицательница. Увидишь, что она такое, когда немного успокоишься, а теперь иди. — Она выпустила руку Грэя.

Они были в сердце сада, окруженные столь густой растительностью, что невозможно было разглядеть, что они в Куполе Бриджера. Грэй еще чуть помедлил. С самого совершеннолетия этот сад в душе он считал своим истинным домом, именно потому, что здесь ничто не напоминало Завет. Это было предвестие его будущего, единственное место, которое он всегда покидал с неохотой... Не говоря ни слова, он повернулся и пошел прочь.

3. Симметрия

Звонила Мелани Кэйн, — сообщила младшая сестра Грэя, Мид, тем же вечером, когда он вошел в кухню, чтобы помочь ей приготовить ужин. — Она спрашивала, не нужно ли тебе место в ее новой экспедиции, раз уж ты все равно женился и остаешься на Завете. — Мид улыбнулась, почти похожая на лукавую семнадцатилетнюю девчонку, но от широкой белозубой улыбки веяло чем-то древним и безжалостным.

— Кэйны никогда не отличались тактичностью, — заметила Эрис. Самая старшая сестра, она все еще жила в доме их матери, который сейчас принадлежал Мид как младшей дочери, хотя и бездетной. Грэй отодвинул Эрис и принялся дальше месить тесто, чтобы сестра, бывшая на последних месяцах беременности, могла отдохнуть.

— Мелани не хотела ничего плохого.

Скорее всего, так оно и было. Несмотря на память столетий, Мелани порой бывала на редкость бестактна. Она возглавляла несколько экспедиций охотников за нойсами, в которых участвовал и Грэй. Продажа шкур давала возможность заработать кредитки Гармонии, а для Грэя, к тому же, это был шанс избежать излишних напоминаний о своей ущербности. Охота требовала молчания, удачи и быстроты, а не опыта

поколений. В глухомани он чувствовал себя как дома.

— Жаль, что они не женили тебя на Мелани Кэйн, — со злой усмешкой заметила Мид. — Впрочем, она бы наверняка не захотела, чтобы отцом ее детей стал одиночка, так что, скорее всего, ее спрашивали и получили отказ. — Мид резала морковь для жаркого с таким видом, будто казнила ее на месте, затем смахнула нарезанное в кастрюлю.

— Оставь Грэя в покое, — сказала Эрис. — Я рада, что он остается. — Она похлопала себя по округлому животу, оставив на платье следы мучной пыли. — Ей захочется иметь дядю.

— Или вечного ребенка, чтобы было с кем играть. — Мид поджала губы. — Почему только одна я в семье называю его тем, что он есть? Выродком. Бабушка не хочет выпускать его, потому что прорицательницы не желают признаваться, что не сумели его обучить.

— Память не то же самое, что ум, — сказал Грэй. — Люди Гармонии живут припеваючи с тем, что успевают узнать за одну-единственную жизнь.

Мид засмеялась.

— Давай, Грэй, продолжай убеждать себя, что ты не хуже других. В один прекрасный день кто-нибудь да поверит.

Грэй погрузил кулаки в тесто, накидываясь на него с агрессивной энергией. Обучение детей на Завете не было экономически выгодным — здесь все с рождения помнили азы ремесел и знаний, а к совершеннолетию вспоминали и больше; правда, некоторых детей из рода Бриджеров обучали в куполе: учили читать, набивали информацией и аналитическими навыками. — Бабушка взяла в Купол Бриджеров меня, а не тебя — вот и истинная причина твоей злости. Со своей тысячелетней памятью ты так и осталась недорослем. Ты никогда не будешь прорицательницей. Быть может, это твоя вина, Мид, а вовсе не моя.

— Может быть, бабушка знала, что ты выродок, потому и взяла тебя в купол. — Мид подняла глаза от доски, на которой резала овощи, — в кухню вошел ее приятель Лернер Вольф Он поглядел на Грэя, потом — на Мид и нахмурился.

— Спорить с ним совершенно бессмысленно, — сказал Лернер. — Он не смог бы стать наследником, даже если бы не был одиночкой.

— Правда? — отозвался Грэй. — Но ведь ты, мужчина, тоже не можешь наследовать...

Лернер поглядел сквозь Грэя, словно тот был прозрачным, и обратился к Мид:

— Я сегодня узнал кое-что интересное о твоей новой свояченице. — Он облокотился на стойку. Грэй старался не слушать, но Лернер обращался и к нему, и к обеим женщинам. — Новоявленная женушка Грэя — *алия*.

Наступило минутное молчание, затем Мид взорвалась хохотом.

— Что? — спросила Эрис с отвращением. — Ушам своим не верю.

— Правда, забавно? Симметрия. Мужчина, который помнит только свою собственную жизнь, и женщина, которая так хорошо помнит все жизни минувшие, что не сама существует как личность. — Лернер хихикнул.

— Бабушка бы никогда так не поступила! — возмутилась Эрис. — Грэй... она бы никогда не причинила тебе зла. Она же любит тебя.

Грэй прервал работу. Воспоминания бабушки в сознании Эрис волей-

неволей прерывались на зачатии их матери; она просто не могла помнить ничего, что касалось бы Грэя. Он оторвал кусок теста, скатал шарик, затем швырнул на доску с такой силой, что шарик расплющился. Его не просто поймали в западню, но еще и смертельно оскорбили. Жертв синдрома алии память о всех прошлых жизнях своих матерей захлестывала с самого рождения; у алии никогда не было детства, и он или она не могли стать личностью под натиском тысячелетней памяти их женских предков. Большинство алий убивали сразу, но кое-где в глухомани жертвы синдрома алии принуждались с помощью наркотиков или гипноза разыгрывать представления, изображая различных собственных предков, причем в этих ролях они чувствовали себя ими, хотя и сознавали, что быть давно умершими не могли. Подобно храмовым проституткам некой древней мертвой религии, они развлекали своих сограждан. Как-то в небольшом селении Грэю предложили переспать с такой девушкой — предложила ее же мать, причем обе чувствовали себя этой матерью.

Алия была хранилищем памяти и более ничем. Бабушка своеобразно развязала ему руки. Одно лишь препятствие преграждало ему теперь путь с Завета — женщина, которой он никогда не встречал, но знал теперь, что она — не-личность, скопление воспоминаний в телесной оболочке, лишенное собственного «я». Он знал, что надо было предпринять, а теперь почувствовал, что сможет сделать это. Грэй взглянул на свои руки, сжал пальцы в кулак и вышел из дома. Он должен вернуться в Купол Бриджера. Туда, где находится его жена, женщина, которую он должен заставить себя убить.

4. Путешественница во времени

Бабушка стояла там же, где они встретились в прошлый раз, словно они назначили для встречи именно это место.

— Дансер в своей комнате, — сказала она и похлопала Грэя по плечу. Ладонь у нее была гладкая, как бумага, и пахла цветами. Затем она повела Грэя к противоположной стене ротонды, к открытым лифтам.

— Что она из себя представляет?

Бабушка улыбнулась.

— Это зависит от того, кем она себя сейчас считает.

Значит, это правда. Если одиночка — выродок, то алия — воплощенная мерзость.

— Она всегда изображает кого-то другого?

— Всегда, когда бодрствует. Женщины по имени Дансер не существует. — Бабушка вышла из остановившегося лифта. Грэй — за ней. Он посмотрел вниз, и от высоты у него закружилась голова. Архитектура Биржевого квартала, в подражание, как догадывался Грэй, примеру Культурной Гармонии, избегала больших открытых пространств, да и прочие здания Каменного Города были выстроены низкими из-за сильных зимних ветров.

— Иногда, — продолжала бабушка, — собственно говоря, как правило, личности прошлого так быстро, одна за другой, проходят через ее сознание, что ни одна не успевает осознать реальность. Тогда Дансер перестает мыслить.

— Так вот на ком ты меня женила. — Он облокотился о перила, которые были сделаны из камня, обтянутого сверх блестящей, рельефной

кожей нойса. Тусклые места на перилах напоминали о тысячах Бриджеров, которые столетиями касались этого покрытия; следы их ладоней, казалось, отпечатались на коже. Грэй положил свою ладонь на перила, около которых столько раз останавливались его предки, и на миг ощутил редкое для него единство с ними.

— Есть специальные препараты, — говорила бабушка, увлекая его вперед по галерее. — Ее можно удержать в одном образе на довольно долгое время. Ей как раз дали дозу перед твоим приходом. Быть может, она будет моей матерью Тилли, нашим последним общим предком. Если так — будь с ней подороже! — Бабушка усмехнулась, и в глазах ее зажглись огоньки, точь-в-точь как когда она дразнила Мартина Пенна изображением «пророчеств» туземцев. Она коснулась ладонью ничем не отмеченной двери, и та распахнулась. Бабушка отступила, пропуская Грэя вперед. — Твоя жена.

После тусклого освещения в куполе предзакатное солнце, заливавшее побеленную комнату, на миг ослепило Грэя. Пылинки плавали в потоке света, лившемся из огромной полосы алмазного стекла — слегка изогнутая, она представляла собой внешнюю стену купола. У Грэя захватило дух от открывшейся перед ним картины Каменного Города. Ближайшим куполом был купол Шаков, и его зубчатые, обрушенные останки странным образом скорее подчеркивали красоту, нежели портили — так в пейзаже необходим фокус. Вид отсюда был даже лучше, чем из Торговой Зоны — та находилась чересчур далеко от города. Отсюда Каменный Город уже не казался мертвым — он сверкал и кипел жизнью, и неподвижные развалины купола Шаков лишь подчеркивали это кипение. Грэй вошел в комнату, зачарованный светом, и лишь потом различил белый ночной столик, кресло-качалку и узкую кровать. Под белыми простынями, повернувшись спиной к двери, лежала худенькая девушка. Ее длинные черные волосы и бронзово-смуглые ладони на простыне только и проступали цветом в белой комнате. Грэй повернулся к бабушке. Она прижала палец к губам, улыбнулась, кивнула и начала закрывать дверь.

— Погоди! — воскликнул Грэй.

Дверь закрылась. Мгновение он смотрел на чистую белую стену; конечно же им управляют, но постичь глубину мотивов ему было не дано. Он повернулся к кровати. Девушка под его взглядом беспокойно зашевелилась, затем успокоилась. На сей раз она повернулась лицом к нему. Ее губы задвигались, бормоча что-то невнятное. Она нахмурилась, вздрогнула и снова затихла.

Грэй подошел к кровати, присел на корточки, заглядывая в лицо девушки, — он пытался разглядеть признаки того, что в ней есть хоть какая-то индивидуальность. Коснулся ее щеки, но спящая не проснулась. Грэй выпрямился, глядя на нее сверху вниз, затем перевел взгляд на свои ладони. Сильные ладони взрослого мужчины. Однажды он убил нойса ножом, когда ружье отказало. Он снял в свое время бесчисленное множество чешуйчатых шкур и теперь хорошо помнил ощущение крови, липнувшей к ладоням. Наклонившись, он обеими руками схватил подушку. Пальцы утонули в безвольной мякоти по обе стороны от головы девушки. Он вслушался, затем отпустил подушку. Отпечатки его ладоней почти сразу исчезли. Грэй подошел к огромному окну, держась подальше от края. Казалось, он сейчас упадет.

А может Дансер все же не просто хранилище мертвой памяти? Он не

мог бы убить человека... но была ли она человеком или же бессмысленным ходячим каркасом? Он снова вспомнил, как выдирал из нойсов мягкие ненужные внутренности и ощутил грубый запах их крови. Обернувшись, Грэй смотрел на Дансер, представлял себе поток человеческой крови, струящийся по белому полу... и его едва не стошнило. Он подошел к креслу-качалке и сел. Перед ним простирался Каменный Город, и в золотом свете солнца даже Окраинный Рынок выглядел привлекательно. Завет был его домом, другого он не знал — но этот дом превратили в гетто для Измененных, к которым Грэй не принадлежит. Он уедет отсюда. Уедет.

Прошло много времени, прежде чем Дансер открыла глаза, и сделала она это так медленно, словно не хотела просыпаться. Ее неуверенный взгляд остановился на Грэе. Он ничего не сказал, отложив все решения до того, как Дансер заговорит. Оцепенение исчезло из ее глаз; она резко села, затем натянула простыню повыше, прикрывая обнаженную грудь. Взгляд ее метнулся к окну и снова вернулся к Грэю.

— Кто ты? Где я? — Голос был настойчивый, со странным акцентом, выражение лица оставалось диковатым и испуганным.

— Ты прожила здесь всю свою жизнь, — ответил Грэй. Он подался вперед, изучая ее изменившееся лицо.

— Меня похитили! Кто вы? Что все это значит?

— Я твой муж, — сказал он угрюмо, однако в душе шевельнулся интерес. — Не помнишь?

Кресло-качалка скрипнуло, когда он откинулся на спинку. Дансер молчала, пытаясь найти у него в лице ответ на свои вопросы, не узнавая ничего. Затем осторожно обернулась и впилась взглядом в город, простершийся за стеной купола.

— Что это за место? — Голос ее смягчился, в нем появилось удивление.

— Это Каменный Город. — Он вытянул руку, обведя широким жестом вид за окном. — Мы в Куполе Бриджеров, на Завете.

— Купол Бриджеров, — повторила она, поворачиваясь к нему спиной. — Я помню. У меня брали яйцеклетки... Я спала или... случилось что-то еще? — Она покачала головой и смолкла. Все еще придерживая одной рукой простыню на груди, она провела другой по своим черным волосам, во всю длину. Затем она взглянула на эту руку, вначале поднеся ее к лицу, потом вытянув. — Что происходит? — Она опять обернулась к Грэю. — Я изменилась.

Она явно была воплощением кого-то очень древнего. Алия, с которой Грэй встречался в глухомани, понимала, где и почему находится, не выходя при этом из образа той, чьею памятью жила. И все же Дансер *только* воплощение, не более того. Он встал. Взгляд девушки последовал за ним. — Пожалуйста, помогите мне, — прошептала она, протягивая к нему руку, которую никак не могла признать за свою.

— Лучше усни, — сказал он почти так же тихо, как она. Девушка была такой беспомощной и одинокой.

— Нет! Я хочу знать... я требую... скажите мне, что происходит! Вы! Кто вы такой?

Грэй мимолетно улыбнулся этому вновь повелительному тону.

— Скажи мне лучше, кто ты.

Она колебалась, взвешивая, что стоит говорить.

— Джанет Бриджер, — сказала она наконец.

Грэй вернулся в качалку. Джанет Бриджер! Основательница рода Бриджеров. Она жила даже прежде Первопроходцев... она родилась на Земле еще до вылета сюда их корабля.

— Ты знаешь меня, — сказала она спокойно, глядя на него ясными и умными глазами, в которых не было пугающей глубины взгляда прорицательницы. — Кто ты такой?

Он облизал губы.

— Мое имя Грэй Бриджер. Я твой муж... муж Дансер, чье тело ты занимаешь. Я — потомок Джанет Бриджер по главной линии наследования, тридцать седьмое поколение.

— Люди с медленных кораблей, — сказала Дансер тихо, как бы самой себе. — Нет! Это не должно было случиться именно так!

В ее словах звучала затаенная мольба.

— Обычно такого и не случается, — сказал он. — Ты... то есть Дансер... исключение. — Женщина, глядевшая на него, была еще более несчастна, чем одиночка, и он ощутил неизъяснимую симпатию к ней. — Эти нарушения свойственны только Измененным, населению Завета, и связаны они с нашей особенной памятью.

Она слабо взмахнула руками, требуя, чтобы он замолчал. Не двигаясь, она смотрела на белые простыни, на свою руку. Джанет Бриджер умерла так давно, что даже у прорицательниц сохранились только фрагменты ее памяти, доступные их собственной; Дансер никогда и не жила. Если он намерен когда-либо убить ее, сейчас самое время. Грэй не двинулся с места; он просто не мог сделать этого.

— Прошу прощения, — бессмысленно пробормотал он и направился к двери. Он просил прощения скорее у себя, чем у этой алии, чья личность Джанет Бриджер скоро исчезнет в путанице прошедших жизней. Он не в силах убить ее, а, значит, навеки заперт на Завете.

— Подожди!

Он остановился и взглянул на нее.

— Ты сказал, что ты — мой муж.

Он кивнул.

— Но этот брак... формальность. Только для того, чтобы удержать меня на Завете. — Он колебался. В сущности, она женщина, жившая тысячу лет назад. Что сможет она попятить? — Покуда я женат на женщине со множественной памятью, Гармония не позволит мне уехать отсюда.

Девушка смотрела на него непонимающе, но взгляд Грэя вдруг отвердел. Это же не женщина со множественной памятью, это Джанет Бриджер. Как и он сам, Дансер помнит только одну-единственную жизнь. Она предстанет одиночкой на любом из тестов, которые уже проходил он.

Грэй пересек комнату и опустился на колени около кровати, заглядывая снизу вверх в удивленное лицо девушки.

— Ты поможешь мне? Я клянусь, тебе не будет причинено никакого вреда, и, быть может, мы сумеем покинуть Завет вместе!

— Покинуть? Зачем? — Она тихо засмеялась, но лицо у нее оставалось взволнованным. — Я ведь только что появилась здесь, и даже если так, я здесь не по-настоящему. Разве нет? — В ее вопросе был вызов, но Грэй услышал только преддверие отказа.

Он присел на край кровати. Девушка с надеждой смотрела на него.

— Я не знаю, как долго ты еще будешь Джанет Бриджер. Мне сказали, что есть какие-то наркотики... У прорицательниц свои способы действия. — Он покачал головой, отвечая на ее вопрошающий взгляд. —

Неважно, кто такие прорицательницы. Все, что тебе нужно знать — что вселенная за пределами Завета населена людьми, и они не позволят нам покинуть эту планету. Туземцы с Завета не могут ступить на землю Гармонии, если только не докажут, что они не Измененные. Я уже доказал это. Докажешь и ты. Я проходил психологические тесты. Если ты поможешь мне, мы вместе уедем отсюда. Быть может, мы даже полетим на Землю... если захочешь. Ближайшая к нам планета — Дарьен. Я накопил достаточно, чтобы хватило на проезд нам обоим.

Она придвинулась ближе.

— Корабли, которые летают быстрее света? Как это получается?

— Я не знаю, как действуют быстроходные корабли. И никто на Завете не знает — нам не позволено это знать, а тем, кто уезжает отсюда, не позволено возвращаться. Но в Гармонии все люди такие, как я; там я буду нормальным.

— А я нет.

Он прикусил губу.

— Если бы можно было насовсем закрепить в тебе Джанет Бриджер... Слушай, я попробую узнать, возможно ли это. Но на самом деле тебе надо решить, доверяешь ты мне или нет. Я хочу, чтобы ты оставалась в теле Дансер, чтобы была собой. Никому другому нет до этого дела. — Он заглянул в глаза девушки, но тут же вынужден был отвести взгляд, потому что не был до конца искренне уверен, что все его обещания исполнятся, а она смотрела на него с такой отчаянной надеждой. — В общем, я постараюсь, — поправился он.

— А если нет, я исчезну. — Она нервно побарабанила пальцами по спинке кровати. — Расскажи мне о себе, Грэй Бриджер, о себе и об этом мире.

Это он и сделал, растолковав ей все о непрочном равновесии между памятью и личностью, который был свойствен всем Измененным обитателям Завета, о своей и ее неполноценности. Он говорил, и, казалось, слова вытягивают из него боль — в сравнении с ее тяготами собственные проблемы казались пустячными. Приязнь, которую он испытывал к ней, превратилась в уважение, когда он убедился в ее проницательности и понятливости. А вопросы, которые она задавала, были именно теми, на какие и он хотел бы получить ответ в ее положении. Он больше не думал о ней как о Дансер для него она стала Джанет, конкретной настоящей женщиной. Она нуждалась в нем, а прежде никто не испытывал нужды в Грее Бриджере.

Где-то посередине их долгого и напряженного разговора Грэй прилежал рядом с ней на кровать. Они вытянулись бок о бок, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не упасть. Их разделяла одна лишь тонкая простыня. Голос его срывался. В горле пересохло. Он выглянул в окно и с изумлением обнаружил, что небо потемнело. Комнату освещали лишь огни Окраинного Рынка и города внизу, если не считать холодных далеких звезд и слабого свечения одной из трех лун Завета, которая только что взошла. Грэй и Дансер разом умолкли. Грэй разглядывал звезды, гадая, сможет ли он когда-нибудь увидеть их ближе; но в эту, редкую для него минуту покоя он был доволен.

— Грэй?

Он едва различал ее лицо.

— Я как путешественник во времени, который никогда не сможет вернуться назад. Ты уверен, что хочешь улететь отсюда? Мне кажется,

этот мир понравился бы тебе, если бы ты попробовал начать все сначала. Это твой дом.

Он вспомнил о гордости, которую испытывал когда-то и никогда уже не испытает вновь.

— Я хочу улететь, — наконец просто сказал он. — Ты поможешь мне? Ты поедешь со мной?

— Да. — Она обернулась к нему. — Я хочу жить.

Ее печаль была куда больнее и тяжелей. Путешественница во времени, чья машина сделана из пустого тела ее потомка. Одна мысль об этом была ужасна.

— Обними меня.

Он теснее притянул ее к себе. Ее тело под тонкой простыней было юным и отзывчивым. Что может случиться, когда они уже будут в Гармонии? Когда она соскользнет с грани в бессознательное состояние и снова станет пустым телом-раковинкой, как сегодня, когда он увидел ее на кровати, — что он сделает?

— Господи, — прошептал он, думая, к чему же приговорил сам себя... но приговор уже произнесен.

Она выскользнула из-под простыни, и ее теплые пальцы, проскользнув между пуговиц его рубашки, коснулись его груди.

— Я никогда прежде не была замужем, — прошептала она. — Я... я была старой девой сорока шести лет. Не девственница, но почти. Работа над проектом корабля переселенцев была всей моей жизнью, и когда нам пришла в голову эта идея, как сохранить пассажиров во время перелета, я подумала — почему бы и нет? Это просто — взять яйцеклетки, образцы тканей. И вот я здесь, плод собственного недомыслия. Я боюсь, Грэй. Наверно, я умерла тысячу лет назад, но я не хочу умирать. — Она засмеялась и умолкла лишь тогда, когда Грэй поцелует закрыл ей уста. Ее неловкие пальчики расстегивали его рубашку, с каждой пуговицей опускаясь все ниже. Движения казались неумелыми, напряженными, и вдруг он сообразил, что ей просто недостает опыта. Из всех женщин, которых он когда-либо знал, она единственная не обладала набором разнообразного сексуального опыта. Он освободил ее от простыни медленным движением, болезненно осознавая ее личностное, уникальное существование. Плоть, касавшаяся его, не была загрязнена привычкой к разврату. Наплыв нежности — от того, что она знала меньше, чем он — вызвал слезу у него на глазах. Он обнял ее, баюкая в своих объятиях, шептал ее истинное имя и любил ее со всей отчаянной нежностью своего сердца.

5. Щедрое предложение

— Говорить буду я, — сказал Грэй.

Джанет кивнула, и он толкнул дверь отдела эмиграции. Внутри было пусто. На широком, выложенном зелено-золотистой плиткой полу лежала пыль. Грэй подумал, что мог бы отыскать здесь собственные следы, оставленные за последние месяцы. Сопровождаемый Джанет, он подошел к высокой стойке и стал ждать. Наконец с другой стороны зеленого простенка подошел сухопарый юноша в длинной голубой тунике. Он узнал Грэя — это было ясно по его выражению лица, — но никак не показал этого.

— Слушаю, — презрительно бросил он.

— Моей жене нужно разрешение на выезд с Завета, — сказал Грэй.

Взгляд юноши скользнул за спину Грэя и вернулся на место. — Женщинам полагается пройти сканирование ДНК. — Он зевнул. — У нее положительный результат?

Грэй пожал плечами.

— Она одиночка, как и я. Стандартная.

На лице его собеседника отразилась явная скука.

— Туземцам мужского пола достаточно доказать свою нормальность или иметь разрешение на работу с токсическими веществами. Женщинам полагается сканирование ДНК, чтобы доказать соответствие их личности. В противном случае — полная гистерэктомия. Стерилизация.

— Мы сделаем это, — сказал Грэй после минутной паузы. Отвратительная мысль — лишить женщину возможности иметь детей — это прервет ее род. Согласится ли Джанет на это?.. Затем он осознал источник подобного отношения. — Так мы можем получить разрешение?

— От лицензированного гармонийского медика, — фыркнул чиновник. — Речи быть не может о местных шаманах. — Он сунул руку под стойку и выложил между ними стопку бумаг. — Гармонии ни к чему, чтобы на свободе резвилась свора отродья Измененных.

— Да, конечно, — нервно пробормотал Грэй и добавил: — я понимаю.

Чиновник подтолкнул к нему бумаги и отступил, избегая случайного прикосновения, затем повернулся к ним спиной и исчез в разделенных перегородками внутренностях своего офиса.

— Что нам делать? — спросила Джанет.

Он покачал головой. Помещения офиса Культурной Гармонии тщательно прослушивались и просматривались: он испытал это на собственной шкуре, сделав нелестное замечание об одном из своих исследователей.

— Идем домой, — сказал он.

Снаружи поджидал их Мартин Пенн. Улыбаясь, он поклонился Грэю и Джанет.

— Что же, — сказал он, — раз уж мы все время так удачно наталкиваемся друг на друга, Грэй Бриджер, почему бы нам не поговорить?

— Простите, сэр. Мы уже уходим, — ответил Грэй мысленно повышая общественный статус Пенна в иерархии Гармонии — судя по тому, как быстро он узнал, что Грэй появился в Биржевом квартале. Глупо было бы считать это совпадением. Он обнял Джанет за плечи и вместе с ней пошел к выходу из здания.

— Грэй, — мягко проговорил Пенн, — знаешь ты, что такое *аманн*?

Грэй кивнул.

— Какая-то разновидность иоаннитского ученого-священника. — Он слабо разбирался во взаимоотношениях между квазирелигиозной иоаннитской иерархией и правительством Культурной Гармонии Миров.

— Разновидность... — Пенн улыбнулся и взял заявление с просьбой разрешить эмиграцию из оцепеневших рук Грэя. — Я могу сделать эту бумажку ненужной и наоборот, я могу выставить тебя из Гармонии, несмотря на все прежде выданные разрешения. Ну как, теперь у тебя найдется время для разговора?

Грэй сглотнул комок в горле и вспомнил, что нужно поклониться.

— Конечно, сэр.

— Хорошо.

Грэй и Джанет Бриджер вслед за Пенном покинули здание и вошли в другое, где Грэй никогда прежде не бывал. У наружных дверей стояли часовые, проводившие туземцев настороженными взглядами. Пенн провел Грэя на верхний этаж. Грэй понял, что это жилое здание, потому что покои, в которые ввел их Пенн, были обставлены удобными креслами и низкими столиками; единственная открытая внутренняя дверь явно вела в спальню. Пенн уселся и махнул им рукой, предлагая сделать то же самое. Грэй подчинился. Джанет молча села рядом с ним.

— Эта прорицательница — твоя бабушка, — сказал Пенн, сразу переходя к делу.

— Да, сэр.

Пенн нахмурился:

— Ты не предупредил меня, что она хочет поразвлечься за мой счет.

Грэй пожал плечами.

— Меня это не касалось, — сказал он и, желая смягчить резкость, добавил: — вы ведь только просили провести вас в купол.

Пенн взглянул на Джанет. Темно-зеленая рубашка и брюки были ей очень к лицу, а непривычное напряжение прогулки заставило щеки порозоветь и глаза заблестеть. Она была *прекрасна*. Пенн мимолетно усмехнулся:

— Если брак был ловушкой, чтобы удержать на Завете принца из рода Бриджеров, почему ты сейчас помогаешь ему?

— Моя жена одиночка, как и я, — поспешно пояснил Грэй, не торопясь уточнять свой истинный статус как «принца». — Об этом я не знал, пока мы не познакомились.

— Я этому не верю. Если брак не предназначался для лишения тебя возможности покинуть Завет, ты мог бы обратиться к местным властям и оформить развод, вместо того чтобы тащить ее за собой в Эмиграцию. — Голос Пенна был ровен. Он взглянул на Джанет. — Что ты скажешь сама?

— Что это правда.

Пенн изучающе разглядывал ее, а Грэй радовался краткости ответа Джанет.

— Мне нет дела до того, отличается твоя жена или нет от других туземных женщин, — медленно проговорил Пенн. — Я знаю, что есть врачи, которых можно подкупить, или же она могла бы согласиться на стерилизацию, хотя ваши соплеменники плодятся с прилежностью кроликов и бездетность для вас великое несчастье. Никакие эти уловки вам не помогут, и вы не улетите с Завета, пока не поможете мне устроить настоящую беседу с прорицательницей. Семейство Бриджеров известно высоким качеством интуиции. Никто вот так, с бухты-барахты, не согласится на встречу с чужаком с другой планеты, и я не желаю использовать общественные каналы, дабы подкрепить свою просьбу. Вчера я был ближе всего к цели. Ты мог бы добиться для меня большего.

— У меня нет влияния в Куполе Бриджеров, — сказал Грэй. — Я ничто, выродок.

— А ты? — Пенн повернулся к Джанет.

— Я никого не знаю.

— Какая неудача для планов Грэя. — Пенн поднялся. Он прошелся по комнате, выглянул в небольшое окошко и снова повернулся к ним. — У тебя совершенно нездешний акцент, — сказал он Джанет.

— Она из глухомани, — быстро сказал Грэй.

Пенн пропустил его слова мимо ушей.

— И ходишь ты иначе, словно привыкла к совсем другой силе тяжести. Я видел подобное на других планетах, но не здесь, где никто не путешествует между звездами. Объясни, в чем дело.

Грэй затаил дыхание, а Джанет улыбнулась Пенну.

— Я болела, — сказала он негромко, не стараясь, и совершенно правильно, замаскировать свой акцент. — Я провела несколько месяцев в постели.

Пенн помолчал, взвешивая ее ответ, затем покачал головой.

— Я не могу ошибиться, когда встречаюсь с загадкой, — на сей раз он обращался уже к Грэю. — Но это неважно. Ваша тайна как будто безобидна — ты сам решительно соответствуешь требованиям Гармонии, а твое утверждение, что твоя жена не обладает свойственными населению Завета Изменением, кажется мне основательным. Я... могу ручаться, что если достигну своей цели, то и вы получите желаемое. Вы оба получите разрешение на выезд, и это без бюрократического шуршания бумажками, без исследования твоей жены по обычным гармонийским критериям. Вот так. Щедрое предложение, верно? Что скажешь?

Грэй поколебался, желая поскорее избавиться от этого властного человека, которому он скорее всего не сможет угодить.

— Сэр, я сделаю все, что в моих силах.

Пенн кивнул, словно слова Грэя были официальным согласием.

— Но помни: если ты или вы оба хотите когда-либо улететь с Завета, если ты вообще хочешь сохранить благосклонность администрации Культурной Гармонии Миров — я жду встречи с прорицательницей Бриджеров.

Все. Беседа окончена. Можно идти. Грэй поспешно встал, то же сделала Джанет. Он взглянул на Мартина Пенна:

— Какие вопросы ты хочешь ей задать?

Грэй никогда бы не осмелился спросить об этом. Мартин Пенн заложил руки за спину и оглядел их обоих с ног до головы.

— Я хочу спросить прорицательницу о Боге.

6. Талисман

Мид во все глаза уставилась на Джанет Бриджер.

— Это что же, твоя жена? — она фыркнула, произнося это слово. — Бабушка сказала, что ты тащишь ее сюда.

— Именно. — Не глядя на Мид, Грэй попытался обойти ее, провести Джанет из прихожей в свою комнату. Мид заступила им дорогу. Джанет замялась, зевнула, прикрывая ладошкой рот. — Оставь нас в покое, Мид. Мы слишком устали, чтобы принимать участие в твоих играх, — прибавил Грэй, покровительственно обнимая Джанет за плечи.

— Хочешь сыграть в свою собственную? — Мид визгливо рассмеялась и прибавила, обращаясь явно к Джанет. — У Грэя никогда не было трудностей с тем, чтобы заполучить женщину в постель. Всякая хотела бы попробовать мужчину, неиспорченного женской памятью.

— Почему ты с ней так говоришь? — возмутился Грэй. Мид ухмыльнулась. Он взял Джанет за руку, чтобы вывести ее из прихожей, но Мид не тронулась с места.

— Вероятно, это справедливо в обоих случаях, — продолжала она задумчиво. — Как-то я раньше над этим не задумывалась. Неудивительно, что бабушка была так довольна, когда алия оказалась Джанет Бриджер.

Бабушка всегда была без ума от Грэя.

Внешне Мид была так же хороша собой, как Джанет. Они могли быть сестрами, настолько сильно проявлялись у обеих фамильные черты Бриджеров. Но Грэю казалось, что красота Мид извращена злобным всеведением, которое горело в ее глазах.

— Идем, Джанет, — сказал он. — Тебе нужно отдохнуть.

— Он собирается убить тебя, — сказала Мид. — Это решит все его проблемы.

— Ты его совсем не понимаешь. — Джанет улыбнулась с таким чувством собственного превосходства, которое сделало бы честь любой прорицательнице. — Впрочем, если все мои потомки похожи на тебя, я понимаю, отчего Грэй так стремится покинуть Завет.

Грэй оттолкнул Мид, увлекая за собой Джанет.

— Оставь нас в покое, ясно?

— Что у нее не в порядке? — спросила Джанет достаточно громко, чтобы услышала и Мид, поскольку они еще не вышли из прихожей.

Грэй не ответил, пока они не дошли до его комнаты.

— Мид боится, что у нее не будет дочерей, и некому будет запомнить ее жизнь. Она — младшая дочь нашей матери, так что ее должны были избрать для обучения в Куполе Бриджеров, но вместо этого избрали меня. Она полагает, что прорицательницы что-то знают обо всем этом.

Джанет непонимающе поглядела на него.

— Да кто же такие прорицательницы? Ясновидящие? Предсказательницы судьбы?

— Они... как моя бабушка. Они знают разные вещи. Когда задают вопрос, они интуитивно находят ответ, и обычно он верен.

Движением руки он указал на дверной проем.

— Вот и мой дом.

Окрашенные стены его комнаты были увешаны изображениями отдаленных миров, большую часть их Грэй нарисовал по услышанным описаниям, но было там и несколько голограмм, которые иногда можно было достать на Завете.

— Это Дарьей, — сказал он, указывая на картину, висевшую над письменным столом, — волнистые зеленые холмы под низким облачным небом.

Джанет присела на неубранной кровати, разглядывая стены. Она улыбнулась со снисходительностью, которую скорее он мог бы ожидать от Мид.

— Жилище мечтателя.

Грэй увидел комнату заново, как бы ее глазами. С детских лет здесь было его святилище. В подножие кровати был встроен шкафчик. Там хранились его школьные тетради и всякого рода безделушки, сохраненные на память, — осколок камня из Купола Шаков, добытый во время «похода», который он устроил с приятелями; нож с изогнутым лезвием, подарок Кента, постоянного приятеля матери и наиболее вероятного его отца; несколько игр, в том числе старинные шахматы, которые, по словам его матери, были привезены с Земли: две пластиковые фигурки потерялись, и их заменили выточенными из камня задолго до того, как они перешли к Грэю. Кровать была такая же узкая, как и у Дансер в Куполе Бриджеров: он не водил сюда женщин. Оглядев комнату, Грэй понял, что имела в виду Джанет. Это было место для грез об отлете с Завета — отгороженный мирок подростка. И эти мечты больше не были

так настойчивы, хотя ему и горько было признавать это.

— Извини, Грэй, — сказала Джанет.

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Почему бы тебе не отдохнуть? Надо же иногда спать.

Когда он проснулся этим утром, Джанет сидела в профиль на краю кровати, уставя взгляд в окно-стену. Грэй всмотрелся в ее черты и ощутил инстинктивную приятную уверенность, что перед ним та же самая женщина. Он переменял позу, показывая, что проснулся. Джанет взглянула на него затуманенным взглядом.

— Ты что же, вовсе не спала? — спросил он тогда, и она покачала головой.

— Я боялась исчезнуть. — Она снова перевела взгляд на Каменный Город. — Ночи здесь такие длинные...

Сейчас Джанет прислонилась к стене, взяв его подушку.

— Ты в самом деле хочешь убить меня? — Ее улыбка сделала этот вопрос легкомысленным.

— Не *тебя*. Никогда. До нашей встречи я хотел убить Дансер... но не смог сделать этого даже тогда.

Она медленно кивнула, затем, перегнувшись через кровать, дотянулась до шкафчика и вынула потертую фигурку черной королевы.

— Я знаю, что кажется таким странным в этом мире — он чересчур знакомый. Из-за этого фокуса с памятью вы оказались людьми рубежа двадцатого и двадцать первого века, брошенными в совершенно иную среду обитания и на тысячу лет вперед. Эти... как вы их называете?.. иноземцы... их манеры и произношение гораздо менее не похожи на то, к чему я привыкла на... Земле. — Она покачала головой. — Точно так же я могла бы сказать «раньше».

Грэй присел на край кровати и обнял девушку. Пальцы Джанет играли с фигуркой, и он накрыл ее ладонь своей.

— Все хорошо. — Опять их чувства смешались. Он знал, что именно она хочет сейчас услышать. — Ты хочешь остаться на Завете?

Джанет положила голову ему на плечо.

— Ты этого не хочешь, а я хочу быть с тобой. — Она едва слышно, неуверенно засмеялась. — В конце концов ты мой муж.

Он обнимал ее, думая о том, что же делать с Мартином Пенном. Как может он просить бабушку встретиться с Пенном, если ее отказ даст ей то, что она добивается — навсегда оставит его на Завете? Он гладил Джанет по плечу — туда-сюда, в ритме более древнем, чем человеческая память, и это движение успокаивало их обоих. Он как будто поймал радужный мыльный пузырь, который каждую минуту может лопнуть и исчезнуть, а он не знает, как сохранить его. Но хочет сохранить всеми силами. Джанет расслабленно прильнула к нему, затем восторженно выпрямилась, стряхнув дремоту.

— Я боюсь, — шепнула она. — Останься со мной, Грэй. Я не хочу быть одна.

— Я верну тебя назад, — пообещал он. — Я дождусь тебя. Но, может быть, все обойдется. Ты отдохнешь и проснешься, вот и все.

Джанет легла, и Грэй вытянулся рядом с ней, прислушиваясь к приглушенным расстоянием и стенами звукам в доме: неясные шаги, шум ветра, бьющегося в окно, гул включенного на кухне вентилятора. Сосредоточенное выражение исчезло с ее лица, и он испугался, вспомнив о бессмысленном теле, которое увидел впервые в Куполе Бриджеров. Он

отгонял прочь это видение, но вздыхал облегченно всякий раз, когда она открывала глаза и улыбалась ему — все та же Джанет Бриджер, прильнувшая к нему, точно так же, как прошедшей ночью. Наконец она заснула. Грэй коснулся ее щеки, прошептал ее имя, словно талисман, и стал надеяться.

7. Живые памятники

Грэй тряс тело Дансер, вновь и вновь зовя Джанет, но не мог пробудить ни ее, ни кого другого. Лицо ее обмякло, только изредка подергивалось, подавая признаки жизни, которые тут же исчезали, так и не завершившись проявлением какой-нибудь личности. Он чувствовал, что предал ее, и самое несправедливое, что и сам был предан. Джанет ушла.

Снаружи завывал и свистел ветер — в Каменном Городе началась буря. Грэй рухнул на пол, привалившись спиной к боку кровати. Безвольная рука Дансер сползла на его плечо, и он взял в руки ее ладонь, делая вид, что она спит, и ее так просто разбудить.

Мид открыла дверь. Грэй положил руку Дансер вдоль ее тела и встал. — Что тебе нужно? — воинственно осведомился он.

Мид шагнула внутрь, невысокая, но оттого не менее опасная. Руки она держала за спиной, словно затеяла лукавую игру.

— Я хочу, чтобы ты ушел. Я уж надеялась, что избавилась от тебя окончательно, когда почтенные дамы из купола женили тебя на *этом*. — Она с отвращением кивнула на Дансер, затем пристальнее вгляделась в простертую на кровати фигуру. — Признаться... они меня озадачили. Долгие годы, с тех пор как память матери впервые проснулась во мне, я думала, что они играют с тобой, что на самом деле они хотят, чтобы ты улетел с Завета... но если прорицательницы решили испытать тебя, этого испытания ты не выдержал.

Она пришла не для того, чтобы злорадствовать, подумал Грэй, хотя жалеет главным образом себя.

— Прости, что разочаровал тебя, — саркастически отозвался он.

Мид угрюмо поглядела на него.

— Тебе было семь, когда мать родила меня: по обязанности, чтобы сохранить главную линию по младшей, потому что Ирэн было уже двенадцать, а Эрис — пятнадцать. Женщина не должна быть так привязана к сыну. Грэй, я хочу, чтобы ты убрался с Завета. Чтобы тебя здесь не было.

Тяжелая ненависть затмила все прочие чувства на ее лице.

— Я могла бы убить тебя, — продолжала она. — Я частенько подумывала об этом, но бабушка все узнала бы и наказала меня. Они сделали бы Ирэн продолжательницей главной линии. Я дожидалась своего часа, надеясь, что ты скоро покинешь Завет, но теперь вижу, что ошибалась. Все-таки они хотят оставить тебя здесь... Бог знает, почему они так высоко ценят тебя, выродка. Так вот, Грэй, я освобожу нас обоих, если у тебя не хватило смелости сделать это самому.

— Что ты имеешь в виду? — еще спросил он, но встал между Мид и Дансер, словно его тело уже знало ответ на вопрос. Она усмехнулась. Грэй смотрел в ее злобное лицо, так схожее с лицом Джанет и бабушки.

— Как можешь ты с одной на всех памятью так сильно отличаться от других?

Мид хихикнула:

— Одиночка, тебе этого не понять! Мы все помним не одно и то же. Даже прорицательницы. Каждый из нас обладает свойством помнить нечто особенное. — Она протянула руки вперед, держа в них большой кухонный нож, точно короткий меч. Лезвие было очень острым. — Я помню, как убивать людей. Не так уж много времени прошло с тех пор, как рухнул Купол Шаков за попытку заключить сепаратное соглашение с иноземцами, да и Первопроходцы вовсе не были такими уж образцами добродетели, как рассказывали вам, детишкам. — Мид усмехнулась Грэю и кивком велела убираться с дороги. — Я окажу тебе услугу. Тебе не придется делать это своими руками, а мне не посмеют ничего сделать за пресечение бесполезной жизни алии, хотя и позже, чем следовало.

Дансер на кровати шевельнулась и пробормотала что-то неразборчивое.

— Я не позволю тебе убить ее, Мид. — Грэй облизнул губы, загипнотизированный блеском лезвия.

Мид хохотнула, и смех ее неприятно напоминал бабушкин.

— Если ты невежествен, Грэй, не надо прибавлять к этому глупость. Женщина, которую ты привел в дом, мертва вот уже тысячу лет. Во мне столько же от Джанет Бриджер, сколько в этом безмозглом куске плоти на твоей кровати.

— Ты совсем не она! Она по-прежнему здесь. Только в ловушке.

Мид прямо взглянула в его глаза — впервые за все время, как пришла в комнату.

— Ты больше не хочешь улететь с Завета?

Он знал, что должен броситься на нее и отнять нож. Он больше и сильнее, хотя она наверняка обладала и нужной памятью, и врожденной реакцией. Однако этот вопрос остановил его. Хочет ли он улететь с Завета? Да, но не такой ценой. Ему только-только перестало казаться, что он живет словно птица в клетке.

Пока Грэй колебался, Мид прыгнула на него, но отставила нож в сторону, чтобы его не задеть. Она была хорошим бойцом, но на стороне Грэя были сила и упорное желание не подпустить сестру к Дансер. Мид укусила его за руку и боднула головой, когда он пытался выбить у нее нож; затем она как-то особенно извернулась, и вдруг он оказался на полу.

— Нет! — закричал он. — Джанет!

Мид колебалась, взвешивая в руке нож и сверху вниз глядя на неподвижное тело Дансер — все же она не была так хладнокровна, как показалось ему вначале. Он напал на нее снизу и схватил за ноги, дернул — и она упала. Пока она падала, Грэй прыгнул на нее и ударил ее головой об пол.

Нож все еще был в руках у Мид, и она набросилась на брата, успев садануть, кромсая лезвием, по плечу, но Грэй перекатил ее на бок и прижал руку коленом. Мид выпустила нож, и Грэй тотчас схватил его.

Они смотрели друг на друга, оба тяжело дышащие и пораненные, затем Грэй отпустил сестру и сел. Мид поспешно отпрянула от него к кровати.

— Убирайся отсюда, — выдохнул он, прижимая к груди нож.

— Это мой дом. Сам убирайся. Немедленно. Не желаю тебя больше видеть.

Грэй положил нож на пол и уткнулся подбородком в согнутые колени, не глядя больше на Мид. У него были деньги. Он мог запросто

перебраться в мужское общежитие или к другим сестрам, или поселиться вместе с Дансер в Куполе Бриджеров. Это не имело значения. Куда важнее и тяжелее было крушение мечты об отлете с Завета. Он отверг последнюю возможность избавиться от препятствия в виде жены. Грэй вздохнул. Мартин Пенн, наверно, все равно так или иначе остановил бы его, ведь Грэю никогда не удастся убедить прорицательниц Купола Бриджеров встретиться с чужаком. Он осторожно шевельнул правой рукой — плечо ныло и жгло от неглубокой раны, которую нанесла ему Мид.

Грэй почувствовал движение на кровати и резко обернулся. Мид снова стояла у кровати с ножом в руке — старым кривым ножом, который он хранил в шкафчике. Дансер резко села, глядя на Мид совершенно сознательным взглядом — но не Джанет Бриджер. Грэй вскочил:

— Отдай мне нож, Мид!

Мид неторопливо перевела взгляд с Дансер на Грэя.

— Другая жена, братец? У тебя здесь целый гарем в одном теле. Не беспокойся. — Она швырнула нож на кровать. — Останься здесь. Зрелище будет забавное, уж ты мне поверь.

И небрежным шагом вышла из комнаты.

Грэй обернулся к женщине, сидевшей на кровати. Рана на плече горела. Женщина смотрела ему в лицо, затем перевела взгляд на окровавленное плечо.

— Я могу перевязать, — проговорила она хриплым голосом, протягивая руку к Грэю.

— Ты алия, — сказал он.

Она неуверенно кивнула.

— Я это предполагала. Ты мой брат?

Грэй тяжело опустился на край кровати.

— Нет, — сказал он, закрывая глаза. Он ничего не хотел объяснять, ничего не хотел говорить, не хотел даже знать, кто она такая. Эта женщина совершенно не походила на Джанет: ни лицом, ни голосом. Он надеялся, что она исчезнет, но чувство вины вынудило его ответить:

— Я твой муж, Грэй Бриджер, потомок по главной линии, тридцать седьмое поколение после Джанет Бриджер. — Он взглянул на девушку и выдавил слабую улыбку.

— Селена, двадцать пятое поколение.

Он вспомнил это имя — оно было в длинном списке имен, выучиваемых наизусть, списке главной линии от Джанет Бриджер, все младшие дочери младших дочерей за тысячу лет. Ничего больше он об этой женщине не знал.

Ее пальцы коснулись его плеча. Он резко отпрянул и задохнулся от боли.

— Твое плечо нуждается в перевязке, Грэй Бриджер, — констатировала она как и подобало пра-пра-...-прабабушке. После чего снова откинулась на кровать, уставясь в потолок.

— Ничто не меняется, — чуть тише сказала она. Грэй отвернулся.

От двери смотрела на него Бабушка. За пределами Купола Бриджеров она казалась меньше обычного. Лицо покрывали морщины, темные глаза глядели устало. Увидев, что Грэй заметил ее взгляд, она вошла в комнату.

— Бабушка, — сказал Грэй с фальшивым оживлением, — познакомься с Селеной Бриджер. Впрочем, вы уже наверно знакомы.

Женщина на кровати не произнесла ни слова. Грэй взглянул на нее.

Тело Дансер опять опустело, погрузилось в характерный для алии ступор. На глазах у него выступили слезы. Завет. В этом мире каждый человек — живой памятник умершим.

Бабушка бесшумно повернулась и вышла. Грэй не шевельнулся. Очень скоро она вернулась, неся на кухонном подносе теплую воду и бинты. Он снял рубашку, и она промыла порезы. Они молчали. Вода болезненно обжигала, но Грэй не обращал на это внимания. Он думал о Джанет. Вся его жизнь, да что там — весь мир Завета были результатом ее необдуманных действий тысячелетие назад. Она и ей подобные создали здешних первопоселенцев, а теперь она вдруг возродилась в жизни в своем потомке, что за редкостная и ужасная разновидность бессмертия! Он обещал ей, что вернет ее к жизни... Грэй взглянул на существо, которое звали Дансер. Невидящие глаза были широко открыты, и отзвуки мыслей, мелькавшие на задворках этого разума, не имели ничего общего с телом, не считая тех нескольких часов, которые он провел с призраком Джанет Бриджер.

— Грэй, — позвала бабушка, — о чем ты думаешь?

— Ты победила, — ответил он. — Я остаюсь на Завете.

Она положила полотняную примочку в миску.

— Почему? — спросила она, помешивая воду указательным пальцем.

Он коснулся той руки Дансер, которая была ближе к нему, изумился ее теплу, затем устыдился своему изумлению — она ведь не умирала.

— Когда-нибудь она очнется, и я должен быть рядом. Как бы там ни было, а она настоящая. Кроме того, — он отвел глаза, — тот иноземец, которого я приводил к тебе вчера, не даст нам улететь, потому что ты откажешься прорицать для него.

Бабушка улыбнулась, опустив взгляд в миску с водой, и взяла бинт.

— Ты можешь отыскать способ умиловить его, если немного потрудишься. Ты умен, Грэй, и как правило настойчив.

Грэй смотрел на нее во все глаза, и осколки незамеченной прежде головоломки складывались в его голове в единое целое.

— Мид была права — вы действительно хотите, чтобы я покинул Завет. Тогда зачем были все эти фокусы?

Она встала и поставила поднос на заваленный всякой всячиной стол.

— *Аманн* Мартин Пенн, — проговорила она, словно взвешивая голосом этого человека. — Иоаннист из академии Центра. Зачем он прилетел на Завет?

— Он хочет спросить тебя о Боге. — Даже сейчас Грэй не сумел сдержать улыбки.

— Вот как? Иоаннистский священник? — бабушка улыбнулась. — Другие тоже этого хотят. Что же творится там, в космосе, если они прилетают на презренный Завет, чтобы спрашивать Измененных о Боге? Мы этого не знаем — из Гармонии не возвращается никто. Но старые люди терпеливы, Грэй. Мы знаем, что человечество забывчиво, что империи рушатся и ничто не остается неизменным. Мы способны довольно точно и уверенно угадывать, то есть прорицать, но для этого нам нужно больше данных. Нам нужны разведчики.

— Я же все равно не смогу вернуться на Завет. И если вы хотели, чтобы я улетел, с какой стати было сажать мне на шею жену?

— Да просто потому, что мы хотели, чтобы Дансер улетела с тобой.

Наконец до него дошла вся запутанная сущность этой интриги.

— Так вот почему ты отказалась прорицать для Пенна — чтобы

оказать на него давление! Он достаточно важная персона, чтобы забрать нас обоих с планеты.

— Не стерилизуя Дансер, — вставила бабушка. — Это весьма существенно. Они не позволят вернуться ни тебе, ни Дансер, но ваши дети когда-нибудь вернутся домой, в единственный мир, где они будут нормальными. Они будут знать и помнить то, что нам необходимо.

Он поглядел на Дансер. Его женили на алии, чтобы она могла пройти проверку как одиночка, или, по крайней мере, не внушать опасений. Алия никому не страшна. Он должен был стать ее опекуном, а кроме того, и это, вероятно, единственное его предназначение — отцом ее детей.

— Почему ты мне ничего не рассказала об этом?

Бабушка погладила его по щеке.

— Большинство тех, кто покидает Завет, — ожесточенные люди, слишком глупые или слишком злобные, чтобы оставаться в своих семьях. Ты должен был казаться одним из них. Гармонийцы отнюдь не глупы. Мы создали человека, который отвечал бы и их ожиданиям, и нашим. Все твоё детство мы лелеяли в тебе надежды, затем сокрушили их, пригнули тебя так низко, что ты мечтал покинуть нас. Но ты не сломался, Грэй. Ты сохранил достоинство... и я горжусь тобой. Если б мы сказали тебе правду, Гармония могла бы проведать, что твои намерения неискренни. Пенн никогда бы даже не заговорил с тобой. Всякий раз, когда я видела тебя, я мучилась от того, что мы с тобой сделали.

— Вы сделали меня одиночкой.

Она кивнула.

— Так что, как видишь, тебе придется покинуть Завет. Можешь сообщить Пенну, что устроил для него встречу со мной — завтра.

— А если он не захочет сдержать слово и не поможет нам улететь с Завета?

Бабушка усмехнулась, став похожей на себя всегдашнюю.

— Это уж предоставь мне. Он не обманет.

— Я был куклой в ваших руках! — Он обхватил голову ладонями, уперев локти в колени. — Я был таким глупцом...

— Ты не тот и не другой, Грэй, и отлично знаешь это.

— А если я откажусь действовать согласно вашим замыслам?

— Не откажешься.

Грэй взглянул на нее, ничего не ответив. Бабушка не могла знать этого наверняка. Его поведение нельзя было предсказать так же легко, как всех остальных.

Наконец она вздохнула:

— Если ты останешься на Завете, то лишишься Дансер.

— Я так и знал, что без угроз не обойдется.

— Вы нужны друг другу так же, как ты нужен нам. Ее будущее зависит от тебя. Грэй, когда-нибудь, в Гармонии, придет время, когда ты захочешь вернуться, и тебе не позволят. Тогда вы станете друг другу опорой. Она станет воплощенным Заветом подле тебя.

— Ладно! — Он решил, что игры пора кончать. — У тебя должен быть способ пробуждать Джанет... ведь ты же знала, что она появится вчера? Как ты это делаешь?

— Тебе нельзя говорить с ней об этом, — предостерегла бабушка. — Ей еще предстоит пройти тесты, и, кроме того, Джанет Бриджер не уроженка Завета. Быть может лучше никогда не говорить ей об этом.

— Бабушка! — Грэй поднялся.

— Хорошо, хорошо...

Он следил, как она наклеивает на шею Дансер быстросасывающийся пластырь.

— Это пробуждает самую глубинную память, — сказала она, — не всегда в точности ту, что хотелось, но есть и другие способы. Гипноз, например, если бы она бодрствовала. Чем дальше она будет от Завета, тем легче станет получаться. Так мы пробудим Джанет.

Ему не нужны были эти детали — он хотел видеть Джанет и убедиться, что все в порядке.

— Оставь меня с ней, — сказал он, избегая глядеть на бабушку. Он ощущал ее пристальный взгляд, затем она двинулась к двери.

— Бабушка, — позвал Грэй.

Она остановилась.

— Мне будет не хватать тебя.

— Мне тоже, Грэй. — В ее голосе были слезы. — Сотни лет мы были похоронены со своими мертвыми, но пора уже Завету пробудиться и осознать, что мы лишь ждем и спим. Я рада, что первым голосом, пропевшим песнь нашего возрождения, будет твой; тебя будут помнить все женщины Завета.

Она ушла.

Грэй расхаживал по комнате. На узкой кровати Дансер поворачивалась с боку на бок и что-то бормотала — как тогда, когда он впервые увидел ее. «Джанет?» — окликал он всякий раз, когда она шевелилась, пытаясь дозваться до нее и вернуть к жизни. Наконец он опустился на колени у кровати и стал безотрывно смотреть в ее лицо. Тик дергал ее черты, руки дрожали, если Грэй не держал их в своих. Наконец губы попытались что-то произнести. Он поцеловал их. И вдруг ее заблудшая душа вернулась наконец домой. Она открыла глаза, потом смежила веки и улыбнулась.

— Грэй!

Грэй обнял ее.

— Мне снилось, — сказала она, — что я проспала тысячу лет, а потом ты снял чары и пробудил меня.

— Я знаю эту сказку, — сказал Грэй, улыбаясь и ладонью отводя длинные волосы с лица своей спящей красавицы, — и знаю, чем она закончилась.

И снова поцеловал ее.

Вы уже знакомы с Родом Гарсиа — историком с дипломом доктора философии, полученным в Калифорнийском университете, по публиковавшимся в № 1 и № 2 «Сверхновой» за 1994 год повестям «Старая вера» и «Хоровод». Теперь перед вами самая первая его повесть, насыщенная свежестью, экзотикой, со стремительным сюжетом, которую Кристин Раш из F&SF назвала «многообещающим и восхитительным дебютом».

Род Гарсия-и-Робертсон На дальнем берегу на живца лучше берёт²

Наветренный Мат

Лежа лицом вниз на поверхности теплой, как кровь, воды, Кафирр видел: у него на глазах безобидное животное превращалось в плотоядное чудовище. Еще мгновение назад плавал себе простой донный падальщик, а теперь тело рыбины, насыщаясь соленой водой, раздавалось и вытягивалось. Хвост заострился, превратившись в жесткую, как ножевая сталь, лопасть, челюсти изменили форму, зубы обнажились в злобном хищном оскале. На спину животного напозли темные тени, брюхо же его покрылось трупной белизной. Такое сочетание цветов подражало защитному — в два тона — окрасу, который предпочитали глубоководные хищники. Быстрее забили псевдоконечности, медлительность, обычная для падальщика, сменилась резкими, решительными рывками. Мелкие, жадные до добычи зубы готовы были рвать в клочки все, что ни попадется на пути.

Увидев такой спектакль в исполнении подражалы впервые, Кафирр когда-то так перепугался, что пробкой вылетел из воды.

Да еще больше сотни часов трясся от страха на суше. Только голод пересилил тот страх: кто из подросших детей не ныряет, тот не ест. Теперь же, проведя бесчисленные тысячи часов под водой, Кафирр чуть ли не радовался этим внезапным превращениям. Существа безвредные, подражалы умели подделываться под дюжину разных хищников, чтобы самим не попасться в зубы крупным и отпугнуть тех, что поменьше. Наблюдая за подражалой, Кафирр мог определить, какие настоящие хищники ищут поживы в гротах поблизости. Собственно, ни подражалы, ни плотоядные, которых они имитировали, на самом деле рыбами не являлись. Это были хитрые, коварные теплокровные морские животные, передвигавшиеся в воде при помощи похожих на плавники псевдоконечностей. Кафирр понятия не имел, что имена, которыми он называл обитателей моря, были неправильными: он ведь не ихтиолог, а просто дитя Земли, заброшенное на дальний берег, вот и употреблял слова материнского мира, которого сам никогда не видел.

Любой новый запах, едва заметное колебание воды — и сразу подражала начинала меняться. Эта вот услышала или почуяла поднимающегося снизу глубинного дьявола. Глубинные дьяволы никогда не едят себе подобных, так что хорошая маскировка становилась для подражалы надежной защитой.

У Кафирра не было ни защиты, ни маскировки, однако юноша был предупрежден. Погружаться следовало быстро и с делами покончить раньше, чем пожалеет настоящий глубинный дьявол. Сильно работая ногами в ластах, ныряльщик резко устремился вниз по прямой к ближайшему гроту. В подводную пещеру, наполненную зловещими тенями, вел проем между корнями, словно отороченный бахромой. Работать быстро — не значило работать по-дурацки. Корни повсюду вокруг были увешаны пuffedками — существами похуже глубинного дьявола. Шарами пuffedок был забит весь грот, своими пестрыми краснооранжевыми и желтыми иглами они предостерегали всех хищников: держитесь подальше. Пuffedок если кто и ел, то изредка. Кафирр раз видел, как один ныряльщик задел пuffedку и умер, не добравшись до поверхности. Тело бедняги свело такими чудовищными судорогами, что ему поломало спину, а изо рта кишки повывлезали. Если и есть за что помянуть пuffedок добрым словом, так только за их смертоносную быстроту. Яд жаловласов

растягивает убийство на сотню мучительных часов, а то и побольше: у их жертв хватает времени пожалеть о допущенном промахе.

Кафирр потянул страховочный конец так, чтобы появилась слабина про запас, и вплыл в грот. Со всех сторон его окружали большущие корни, образовавшие извилистый, сумеречный тоннель шириной едва-едва в три метра. Кафирр сомневался, что глубинный дьявол последует за ним сюда. В гроте малейшая промашка приводила охотника или его добычу к роковому соприкосновению с ядовитыми тварями, обитавшими среди корней. Глубинные дьяволы предпочитают рыскать у кромки матов, где отыскивать пищу, может, и труднее, зато безопаснее. А Кафирру приходится работать здесь, внутри, плавая голым среди многоцветных пуфок и синеполосых жаловласов, поскольку по краям все морские самоцветы уже обобрали дочи́ста.

Пока позволял запас воздуха в легких, Кафирр орудовал своим щупом-прутком, отдирая им морские самоцветы от корней. Когда же желание вдохнуть полной грудью сделалось неодолимым, он перестал набивать мешок, развернулся и стал рывками подниматься по страховке к поверхности.

У входа в грот его поджидал глубинный дьявол. Настоящий. Кафирр с одного взгляда понял, что перед ним истинный хищник: двухсоткилограммовую тушу голодного пожирателя плоти украшал такой же жуткий оскал, какой пловец видел у подражалы, да вот только длинные кинжалы внутреннего ряда белых клыков не под силу было изобразить даже подражале. Коварной смекалки у глубинных дьяволов было не меньше, чем жестокости. Кафирр раз видел, как глубинный дьявол пожирал детеныша морского змея, превосходившего его размерами в несколько раз. Хищник отрывал от ревающего змееныша кусок теплого мяса за куском и, не желая есть остывающий труп, делал все, чтобы не нанести добыче смертельный удар.

А этот глубинный дьявол, разглядев тянувшийся в грот страховочный конец Кафирра, стал преспокойно ждать, когда сам обед к нему выплывет. На какое-то мгновение Кафирр сник, словно рыбешка, попавшая на крючок, — другой конец страховки держала смерть. Потом юноша резко выдохнул, выскользнул из набедренной повязки, оставляя пояс с грузом и мешком на веревке. Голый, в одних только ластах, он нырнул поглубже во мрак грота, отыскивая другой проход, который бы вел на поверхность. Давление кольнуло барабанные перепонки, тени сомкнулись вокруг него. Кислородное голодание давало о себе знать все больше, зрение слабело, все расплывалось перед глазами, руки-ноги наливались свинцом.

Не видя ничего, кроме бледного пятна розоватого света, Кафирр из последних сил рванул вверх. Легкие его готовы были разорваться, когда он в фонтане мелких брызг вырвался на поверхность. Кафирр хватал воздух судорожными, огромными глотками, вымотан он был настолько, что едва мог плыть. Здесь, у кромки Наветренного Мата, в переплетении ветвей, над головой открывались просветы. Кафирр мог оторвать взгляд от зловещей воды и поднять глаза к небу, туда, где над густой растительностью стояли розовые облака. Тонкие извивы молний с треском рвали низ розовой облачности, высвечивая в ней багровые расщелины многокилометровой высоты.

Ухватившись за ветку, Кафирр с трудом вылез из воды, и густой, горячий, влажный воздух тут же согнал с него морскую воду, взамен кожу сразу покрыли бисеринки пота. Кафирр предпочитал воду на несколько

градусов прохладнее и не насыщенную статическим электричеством. Он готов был никогда не покидать прохладных объятий океана, если бы не населяли его жаловласы, пухки, иглоспинки и полчища крупных хищников.

Перенасыщенный влагой воздух имел озоновый привкус. Несколько секунд, пока шел дождь, юноша сидел дрожа и мечтая никогда больше не спускаться под воду. Когда дрожь унялась, он поднялся и стал пробираться по узким мосткам к причалу, где была закреплена его страховка. Зеленые жаброгунчики, тощие гуманоиды с хиленькими плавниками, покрытые мелкой сухой чешуей, проскакивали, толкаясь, мимо него, будто он и не человек вовсе, а так — движущаяся помеха. Жаброгунчики не обращали внимания даже на огромный океан, плескавшийся вокруг их матов, где уж было им заметить юное человеческое существо!

Когда Кафирр еще только подрастал и учился нырять, он страстно хотел быть жаброгунчиком. Иметь такую же зеленую кожу и чешую, никогда не голодать, никогда не погружаться в воду. Нынче все эти ребяческие бредни не для Кафирра. Он родился ныряльщиком, ныряльщиком ему и умереть суждено.

Мать погружала его, новорожденного, в воду и просила море сделать ее сына сильным пловцом. Оба родителя Кафирра были ныряльщиками — обоих смерть нашла под водой. Юноша выучился не обращать на жаброгунчиков внимания, так же как и они на него.

Кафирр дошел до конца мостков и сошел на причал. Здесь всюду царил запах негодного для питья, перламутрово переливающегося океана. Граница соприкосновения воздуха и воды была абсолютно ровная, без ряби, отутюженная многокилометровой атмосферной толщей; парниковый эффект делал воздух горячим, а воду — теплой, как кровь. Путеводитель по Системам утверждал, что воздух этот пригоден для дыхания, только лучше было бы сказать: *сносен* при дыхании. Экскурсанты делали один-единственный вдох и тут же мчались обратно к доставившим их посадочным аппаратам за фильтрами. Где-то в вышине за розовыми облачными грядами скрывалось хилое красное солнце, которого юноша никогда не видел. Дневная Сторона постоянно обращена к этому невидимому источнику всего живого, так что половина планеты пребывает в красном сумраке, а другая половина — словно огромная, черная, жаркая духовка. Кафирр ни разу в жизни не бывал на Темной Стороне — бед да напастей хватало и на Дневной.

Вокруг его обвисшей страховочной веревки собралась толпа. Внешнее ее кольцо образовали экскурсанты, которые (не очень того скрывая) ожидали развязки трагедии. Обыкновенная тургруппа: все как один нацепили носовые фильтры, все вырядились в умопомрачительные костюмы. Тут — крылья-паутинки из газовой материи и блестящие гладкие, будто лысина, серебряные головные уборы, а кое-кто сверкал голой кожей, окрашенной желтым хромом, и только круглые заплатки из пурпурной ткани прикрывали интимные места. Кафирр ханжой не был — сам нырял в одной набедренной повязке, — но обилие металла в ярких нарядах его раздражало. На некоторые из этих позвякивающих инопланетных одеяний металла ушло больше, чем он смог бы купить на заработок от сотен часов подводной работы. Кафирр постарался побороть досаду. Раздражение ныряльщика до добра не доводит. Впрочем, если бы повидал юноша во Вселенной побольше, то понял бы: ненавидеть руку

дающего — явление обычное и повсеместное.

Проскользнув сквозь кольцо тургруппы, Кафирр увидел сидевших на коленях ныряльщиков, которые принялись, не пахнет ли вода кровью, и следили за подражалами. Они радостно вскочили при виде его и, приветствуя, изо всех сил колотили по спине юноши. Кафирр выбрал страховку и вытряхнул на причал свой мешок. Посыпались морские самоцветы. Чистый, налитой багрянцем кармазин Кафирр отложил для ныряльщика, что стоял у него на страховке.

Экскурсанты (раз уж пловец спасся, то почему бы не получить от этого полное удовольствие?) еще теснее сгрудились, рассматривая самоцветы. В кольце человеческих и гуманоидных лиц дышать стало еще тяжелее: кислород попусту расходовался на глупые восклицания. Огромная толща атмосферы и всепланетный океан поддерживали постоянный баланс между углекислым газом и кислородом, но однако нужды человека в этом балансе не учитывались. Только благодаря огромному давлению кислород проникал в кровь, что делало воздух пригодным для дыхания. Ныряльщики покупали по глотку чистого кислорода у торговцев перед каждым погружением. Сильно сжатый газ обжигал глотку, и голова от него шла кругом, зато для долгих и глубоких погружений лучшей заправки не было.

На этот раз сиявшие на причале самоцветы были первостатейными. Лишь очень немногие тускло белели или желтели, все остальные — яркие кармазины, бериллы, индиго. Кафирру давали хорошие цены. Инопланетники всегда лучше всего платили прямо на причалах. Морские самоцветы — это металлические конкреции, производимые обширными колониями микроорганизмов, устроившимися на корнях матов. Сами по себе самоцветы ничего особенного не представляли, в ином мире ничего не стоило изготовить точно такие же. Но туристы, по правде говоря, раскошеливались за риск. Торгуясь, Кафирр описывал ядовитых обитателей грота, подражалу, глубинного дьявола. За леденящие душу истории, поведенные нагим юнцом с гибким, как хлыст, телом ныряльщика, платили втрое больше. Бесчувственные туристы, и без того холодные душой, вполне могли купить себе самоцветы гораздо дешевле в лавках на побережье, но жаждавшие подлинных сокровищ приходили на причалы — окунуть руку в зловещую воду, поторговаться с ныряльщиком, только что рисковавшим жизнью, чтобы поднять самоцветы на поверхность.

Продажа каждой редкостной находки сопровождалась захватывающей историей, восхитительным случаем, прелестным анекдотом, а инопланетники не затем пересекали время и пространство, чтобы прихватить тут металлических камушков, какие могли бы купить и дома.

Во всем этом Кафирр видел суровую справедливость. Не грози воды его планеты такой смертельной опасностью, инопланетники сами бы набирали себе морских самоцветов — на память. Тогда все ныряльщики, наверное, поумирали бы с голоду.

Последний самоцвет был продан, и экскурсанты потянулись прочь от причала. Ныряльщики тоже разбрелись: кто ушел покупать кислород, кто прилег возле своих страховок, готовя тело к очередному погружению. Иные, рассевшись по двое-трое, сплетничали или играли в азартные игры, ставя на кон кусочки металла и непроданные самоцветы. Те, кто боялся нырять, тосковали в одиночку или попрошайничали. Одна ныряльщица

бренчала струнами грубо сработанной дульчетары, кто-то присоединился к ней, выводя на свирели мелодию, привезенную с древней Земли. С трудом влезая в мокрую набедренную повязку, Кафирр напевал то, что считал словами песни, хотя едва ли понимал их смысл:

Пусть незыблем мирозданья круг,
как ход у стрелок на часах,
Новый мир и счастье ждут нас в небесах,
да, в небесах...

Резко оборвав пение, Кафирр, еще не веря беде, лихорадочно принялся обшаривать все вокруг. Щупа не было. Должно быть, Кафирр обронил его в гроте, когда удирал от глубинного дьявола. Изготовленный из металла инструмент был настолько ценен, что ныряльщик схватился за страховку и готов был броситься за щупом в воду. Но один-единственный взгляд на непроницаемую серую воду привел его в чувство. Пруток-щуп теперь все глубже и глубже погружается в клубящуюся мглу пучины, ниже самых глубинных дьяволов. Туда, где давление такое сильное, что металл не тонет в воде, а рыб-броненосцев сплющивает в лепешку. Туда, все ближе к продавленной коре планеты, где тысячи воронок и вулканов извергали в воду минералы, придававшие океану металлический привкус.

Совсем убитый сидел Кафирр на причале, оплакивая несправедливость мира и с тоской вспоминая мать с отцом. Чуть ли не через каждую дюжину часов очередная масса металла совершала посадку на планету или стартовала с нее. Неподалеку пришвартовался «Резвый Жаворонок» — гладко отшлифованная орбитальная яхта с грушевидным корпусом и заостренным, как игла, носом. Рядом стоял гидрокрейсер с раздвоенным, как у катамарана, носом и гладкими крыловидными обтекателями над кормой. На оба корабля пошло, должно быть, больше сотни тонн металла. На малых планетах, лишенных атмосферы, и на безжизненных астероидах металла сколько угодно, но сюда, на этот океан, каждый грамм его приходилось либо доставлять с орбиты, либо специально выделять из насыщенной минеральными соединениями воды. Жаброгунчики металлом вовсе не пользовались, если не считать того металлического налета, который появлялся на стручках их матов в результате осмотической перекачки. Только океанография и туризм приносили планете твердые кредиты, необходимые для ввоза или производства металла. Больше всего — и соперников у них тут не было — металла на планете производили те микроорганизмы, что выращивали морские самоцветы, но почти все, что удавалось выловить, раскупали на сувениры инопланетники. Тот металл, что оставался, стоил очень дорого. Пруток-щуп был самой большой ценностью, доставшейся Кафирру в наследство от родителей, единственной вещью, которая перешла к нему от них. Несколько килограммов металла на новый прутки обошлись бы Кафирру в такую сумму, какую он не смог бы скопить и за тысячи часов погружений.

Меж тем жизнь на причале продолжалась. Кафирр слышал, как играли свирель и дульчетара, как сокрушались и вопили игроки. Его выводило из себя, что другие ныряльщики могут как ни в чем не бывало радоваться жизни, когда он потерял половину своего имущества. Но так всегда: всего громче музыка играла, когда кого-либо из ныряльщиков вытаскивали из воды мертвым.

Кафирр, не отрывавший взгляда от гидрокрейсера, увидел, как по трапу сошли два ксеноса (так называли представителей негуманоидных разумных рас). Первым шел Эриданский Пес, довольно распространенный вид разумных в пределах Сектора Эридана. Псы хорошо приспособились к межзвездным перелетам и на взгляд человека выглядели довольно привычно: напоминали привставших на задние лапы гиен или переростков-бабуинов. Сошедший на причал Пес был, очевидно, пилотом, поскольку тело его обжимали стяжки костюма для невесомости, и к его подбородку слева был прикреплен переговорник. Во всем облике Пса сквозило довольство жизнью; своего более рослого спутника он называл КВ'Маакс'ду. Этот самый КВ'Маакс'ду был аква-ксеносом, не похожим ни на одного из виденных Кафирром раньше обитателей водных планет: пальцы с перепонками, сильные ноги, грудь бочкой, как у пловца. Тупая голова амфибии сидела у КВ'Маакс'ду прямо на широченных плечах безо всякой шеи и была украшена перепончатым гребнем, который переходил в спинной плавник, протянувшийся вдоль всего позвоночника. Под передними конечностями этого покорителя вод виднелись жаберные щели, ноздри его были снабжены клапанами, не пропускавшими воду в легкие. Кафирр позавидовал перепонкам и мощным конечностям аква-ксеноса: его самого природа и вполнину не одарила так щедро для жизни в воде. На обнаженном теле ксеноса не было заметно никаких внешних признаков пола, окрашен же КВ'Маакс'ду был, как глубинный дьявол: темный со спины и светлый по животу. Цветовую гамму ксеноса составляли удивительно привычные, грязноватые и унылые оттенки голубого и серого (Кафирру почему-то казалось, что родные звезды всех пришельцев должны сиять белее и ярче здешней). Вздувшаяся буграми мускулатура и стремительная походка позволяли без ошибки предположить, что на родине ксеноса сила притяжения была побольше, хотя и здесь она — в 1,6 раза больше земной — выматывала порядком.

КВ'Маакс'ду разговаривал с Псом через стандартный туристский речевник.

— Я обещал Институту зоологической морфологии на Эпсилоне Эридана IV добыть стаю серебристых пожирал. Через несколько сотен часов прибудет маршевый институтский звездолет, чтобы принять груз.

— Серебристые пожиралы — звучит восхитительно, но потребуются, видимо, немалые усилия, — заметил Пес. — С удовольствием поплескался бы в воде рядом с вами, но у меня, увы, редкий вид аллергии на океанские брызги. Стоит при мне лишь упомянуть о глубоководье, как у меня по всей коже появляется сыпь.

— Сочувствую вашей беде, прискорбно слышать о таком недостатке. — Более рослый ксенос настроил речевник на подходящую к ситуации смесь сожаления и легкого презрения. — Но в данный момент я занят поисками, особой опасности не представляющими: нужна пара существ для глубоководных работ.

— Рассчитываете на кого-нибудь конкретно? — У Пса тоже был речевник, чья тональность передала любезное безразличие.

КВ'Маакс'ду указал на зеленых жаброгунчиков, возделывавших свои стручки с мостков:

— На этой планете есть туземные полуразумные существа. Они должны знать воды собственной планеты лучше всех.

Пес перенастроил речевник, выражая веселье:

— У жаброгунчиков та же аллергия, что и у меня, они близко к воде

не подходят.

Пораженный КВ'Маакс'ду замер на ходу, остановившись в нескольких метрах от Кафирра: жабры растопырены, спинной гребень встопорщен.

— Эта планета целиком океаническая, как существа хоть сколько-нибудь разумные могут это игнорировать?

— А разумны ли жаброгунчики? — произнес Пес. — Поскольку на нас они вовсе никакого внимания не обращают, судить о том трудно. Вне всякого сомнения, сами себя они считают очень рассудительными. Они родственны ряду видов, которые находят пищу в водной среде и обитают по кромкам корней матов. Обратите внимание: у жаброгунчиков до сих пор сохранились хилые, но плавники и рудиментарные жабры, от которых они и получили свое название.

Кивнуть головой не имевший шеи КВ'Маакс'ду не мог, а потому настроил речевник на нетерпеливое согласие.

— Тем разумнее для них жить в воде.

Пес ослабился. Выражать юмор, выставляя клыки напоказ, он научился у человеческих существ.

— Тысячелетия тому назад древние жаброгунчики выучились выращивать громадные растительные маты и снимать с этих матов урожай стручков. Сейчас таких матов уже сотни, их общая поверхность достигает многих тысяч квадратных километров, и на каждом живет своя особая разновидность жаброгунчиков.

Выйдя в один прекрасный день из воды, жаброгунчики скорее всего не видят никаких причин туда возвращаться. Увы, воды этой планеты не так безопасны, как того хотелось бы.

Забыв на минуту о собственных бедах, Кафирр улыбнулся мрачному юмору Пса. Налет тяжелых металлов делал стручки на матах ядовитыми для людей. Если бы Кафирр мог выращивать стручки как жаброгунчик, никакая сила не затащила бы его обратно в воду.

КВ'Маакс'ду отыскал в словаре речевника грубоватую нотку:

— Тогда из каких же существ мне брать работников на глубоководье?

— А вот из таких. — Эриданский Пес повернул свою острую морду к Кафирру.

— О-о-о, — разочарованно донеслось из речевника КВ'Маакс'ду, — один такой у меня уже есть, и, признаться, я рассчитывал на что-нибудь получше. А эти существа отнюдь не созданы для работы в воде.

Пес пожал плечами — еще один жест, позаимствованный им у людей.

— Однако, вне всякого сомнения, они очень старательны. Людей здесь используют для работы в воде все. Потребность в переработанных пищевых продуктах и очищенной воде делает их послушными и услужливыми. Впрочем, я советовал бы обращаться к ним, называя отдельную особь «человек»: они не очень-то любят откликаться на обращение «существо».

КВ'Маакс'ду неохотно поблагодарил Пса за совет и распрощался с ним. Кафирр был уже на ногах, когда КВ'Маакс'ду подошел к нему.

— Человек, — произнес ксенос, — ты годишься для глубоководных работ?

Кафирр, ухмыляясь, закивал.

— Да, да, гожусь — да еще как! — Ему хотелось застолбить работу за собой, прежде чем вокруг верзилы ксеноса соберется толпа. Намек на надежную работу собирает ныряльщиков в кучу так же быстро, как кровь в воде приманивает подражал.

— Ты работал когда-нибудь на глубоководье? — КВ'Маакс'ду все еще старался отыскать какую-нибудь причину, чтобы отказать человеческому существу.

— Да, да! — Кафирр лгал вдохновенно, пораженный тем, как случайный разговор двух ксеносов перевернул его жизнь.

— И серебристые пожиралы тебе знакомы? — КВ'Маакс'ду все еще не хотелось сматывать удочку с первой же поклевки.

— А как же, еще как знакомы! — Кафирр готов был присягнуть, что чуть ли не спаривался с этими хищниками, лишь бы получить работу.

КВ'Маакс'ду проворчал что-то через речевник, затем подобрал страховочный конец Кафирра. Ни слова не было сказано об оплате, но ведь прежде за жалование Кафирр и не работал никогда. Выбирать не приходилось: нет ничего хуже, чем оказаться ныряльщиком без металлического щупа.

Ведя Кафирра за страховку, как на поводке, КВ'Маакс'ду поднялся на борт гидрокрейсера. Кафирр никак не мог поверить в удачу, пока трап у него за спиной не поднялся и не слился с цельным, без единого шва, корпусом.

— У меня работает еще один человек, — уведомил ксенос. — Он расскажет тебе о твоих обязанностях. — КВ'Маакс'ду пошел было прочь вместе со страховочным концом, затем бросил веревку на палубу. — Жди здесь, пока другой человек к тебе не выйдет.

Кафирр, поджидая человека, ласково поглаживал голыми пальцами ног гладкую палубу крейсера. Реактор и надстройка корабля были подвешены между двух легких корпусов. Кафирр чувствовал доносящееся с кормы гудение двигателя, видел как изысканен двойной обвод носовой части. Всю свою жизнь Кафирр разглядывал проходившие мимо суда, а это было куда больше их всех. Однако хотя гидрокрейсер был больше ста метров в длину и метров двенадцать в ширину, повсюду использованы сверхлегкие материалы, поэтому, полагал Кафирр, масса корабля вряд ли перевалит за тысячу тонн. Заметил Кафирр и электромет впереди и еще два, поменьше, сзади. На самом конце похожей на раскрытый веер кормы стояли две одинаковые лебедки.

А человек, которого ксенос нанял первым, все не приходил. Кафирр внимательно разглядывал высокую надстройку, ее верх оцетинился серебряным частоколом антенн, назначения которых Кафирр определить не сумел. Кафирр ломал голову над предназначением лазерного дальномера, когда за спиной у него прозвучал вопрос:

— Ты что здесь делаешь?

Юноша обернулся быстрее подражалы, но вместо ожидаемого мужчины взору Кафирра предстала женщина, спускавшаяся по трапу, который вел на главную палубу. Если бы не пол незнакомки, Кафирр мог бы вполне подумать, что видит собственное отражение в зеркале. Она была ныряльщицей: голова у нее обрита наголо, как и у него, руки-ноги такие же мускулистые, живот, как и у него, втянут. Как и Кафирр, она носила лишь набедренную повязку; груди ее были маленькими, с большими плоскими сосками. Глаза у нее были такими же широко поставленными и карими, как и у него, вот только морщины на лице пролегли глубже. Женщина была на много сотен часов старше Кафирра.

— Я жду человека, — сказал юноша. — Ксенос, чей это корабль...

Она оборвала его резким кивком головы.

— Я и есть человек, которого ты ждешь. Квазимодо никогда не учили

различать людей по полу.

— Квазимодо? — Каламбура Кафирр не понял: самая доступная запись произведений Виктора Гюго хранилась за триллионы километров отсюда.

Она кивнула в сторону главной палубы.

— Тот самый ксенос, чей это корабль. Наш перепончатопалый хозяин против такого имени не возражает, счел, видно, будто я не в силах произнести «КВ'Маакс'ду». Меня зовут Найла. — Она произнесла это безо всякого выражения: не ради знакомства, а просто для информации. — Меня КВ'Маакс'ду нанял около двух дюжин часов назад, что делает меня старшей над тобой. — В тоне, каким произносились эти слова, слышалась нотка вызова. — Ксенос твердил, что нам нужно подходящее существо для работы на глубоководье. Ты и есть это подходящее существо?

Кафирр кивнул. Врать этим холодным карим глазам было труднее.

— Значит, ты его обманул. — Фразу Найла произнесла спокойно и как бы между прочим: не обвинение, а констатация факта.

Он пустился было отрицать и оправдываться, но она оборвала его, еще раз резко тряхнув головой.

— Послушай, на всем Наветренном Мате и дюжины ныряльщиков не наберется, кто хоть когда-нибудь работал на глубоководье. Ты слишком молод, чтоб быть в их числе. Это ксенос считает всех людей одинаковыми, но мы-то с тобой соображаем получше.

Найла помолчала, потом сделала широкий взмах рукой, как бы обводя весь гидрокрейсер.

— Тебе корабль нравится?

Лучшего корабля Кафирр не видел за всю свою жизнь, но бедный малый едва успел сказать «да».

— Так вот, — продолжала Найла. — Хочешь остаться на борту — не смей никогда мне врать. Мне все равно, что ты наплетешь КВ'Маакс'ду. Сама ему лапшу на уши вешаю. Но если поймаю тебя на том, что ты лжешь мне, то тут же скажу КВ'Маакс'ду, что ты ни разу в жизни не работал на глубоководье. Наш мягкосердечный ксенос швырнет тебя в воду и найдет другого ныряльщика. Как я тебе уже говорила, для ксеноса мы все на одно лицо и на один лад.

Кафирр заранее был на все согласен, лишь бы по-прежнему чувствовать у себя под ногами гладкую палубу.

— Хорошо. — Найла сумела произнести это слово с угрозой. — Ты остаешься, и сам работаешь на глубине. Я в воду не пойду.

Юноша воду ненавидел (радуются ей только дураки да самоубийцы), но все же непреклонность Найлы поразила его чрезвычайно. Он встречал ныряльщиков-водоненавистников, у которых близкая беда была на лице написана, или тех, кто потерял всякую охоту жить. В их глазах метался страх, таких никогда не хватало надолго. Страх убивает быстрее, чем пuffed. Но по виду Найлы не скажешь, что она вообще чего-нибудь боится, взор ее холоден и тяжел, как волны накануне шторма.

Кафирр опять согласился: в конце концов от него никогда ничего другого и не требовалось, как нырять под воду.

От середины судна и до самой кормы почти весь гидрометный крейсер представлял собой один сплошной двигатель, но передняя часть корпусов, скрепленных поперечными балками, была наполнена специальной пеной, придающей судну плавучесть. В пене имелось несколько ниш, размеры которых позволяли устроить достаточно

вместительные каюты. Строили гидро-крейсер люди, но рассчитан он был вовсе не на людей: в каждой из кают могли свободно поместиться несколько КВ'Маакс'ду.

— Это моя? — спросил юноша.

— Наша, — ответила Найла. — Ксенос полагает, что одной каюты более чем достаточно для двух человеческих существ.

Устроив ныряльщика в каюте, Найла ушла, даже не поинтересовавшись, как его зовут.

Кафирр выбросил Найлу из головы и, потыкавшись вокруг, отыскал внутри каюты отсек чуть поменьше, с великанских размеров раковиной и ванной. Нашел и вместительный шкаф, набитый продуктами. Попробовав еду, Кафирр убедился, что ничего вкуснее он никогда не ел. Только мысль о необходимости нырять под воду удерживала его от полного обжорства. Растянувшись на огромной спальной циновке, Кафирр думал: даже если ему суждено погибнуть при первом же погружении, он все же успел пожить так, как ни один из его знакомых не жил.

Глубоководье

По ему одному ведомым причинам прихотливый КВ'Маакс'ду выбрал отнюдь не прямой курс на глубоководье. Вместо этого гидрокрейсер помчал вдоль подветренной полосы матов со скоростью четыреста километров в час, раскачивая на поднимаемой волне эти гигантские плавучие огороды. Большие воздушные обтекатели, вынесенные над кормой, не давали судну скакать и зарываться в волны на большой скорости.

Каждый миллиметр гидрокрейсера управлялся компьютером, причем код, составленный на языке КВ'Маакс'ду, одолеть было труднее, чем любой из шифров, придуманных людьми. Найла научила Кафирра нескольким словам, которые сама запомнила: эти слова открывали люки и вызывали вниз трапы. Не считая этого, оба человеческие существа на судне не могли распоряжаться ничем, включая собственную жизнь. Единственная их обязанность состояла в том, чтобы не попадаться своему ксеносу на глаза без лишней надобности. Его отрывистые приказания сменялись долгим молчанием.

Найла в общении была под стать КВ'Маакс'ду: передавала приказания ксеноса и этим ограничивалась. Вахты они не стояли, так что не было общих дел, которые могли бы их сблизить. Кафирр ел, когда был голоден, и спал, сколько хотел. Впрочем, однажды он испытал потрясение, когда, войдя в каюту, впервые увидел Найлу спящей. Лежит себе, свернувшись клубочком на одной половине циновки: точеные ноги подобраны под ягодички, одна рука прикрывает нежные груди, а другая, сжатая в кулачок, покоится прямо перед лицом, так что кончик большого пальца почти касается влажных губ. Во сне ее сильные плечи утратили обычную напряженность, короткие волосы у основания шеи заканчивались нежным мыском. Теперь, когда она смежила веки, Кафирр разглядел, что у нее длинные и шелковистые ресницы и что она гораздо моложе, чем ему казалось.

Ненадолго он опустил на циновку, сел так близко, что едва не касался ее, и смотрел, как она дышит: легкий вдох, почти незаметный выдох. Потом поднялся на палубу и улегся там: юноше хотелось выспаться, а лежа рядом с Найлой, он не смог бы ни расслабиться, ни

заснуть.

Когда оба они пробудились, Кафирр попробовал завязать разговор. На палубе он спросил Найлу, почему они не пошли напрямик на глубоководье, а вместо этого устроили какую-то прогулку на сумасшедшей скорости возле матов, опоясывающих планету по экватору. Найла вместо ответа пожала плечами, не отрывая глаз от зеленого, полупрозрачного, как нефрит, мата, проносящегося мимо меньше чем в километре по правому борту.

— Мне КВ'Маакс'ду не докладывал. Если наш повелитель и чувствует себя одиноко, то от болтовни с человеческими существами ему легче не станет. — Найла выгнула кисть руки и, упершись пальцем в прочную корабельную обшивку, покрутила ею. — Наш Квазимодо считает, что разговаривать с нами — все равно что беседовать с переборками. Возможно, он просто решил тряхнуть как следует жаброгунчиков и тем заставить их показать, как они управляют со своими матами.

Сказано это было явно только для того, чтобы отвязаться от Кафирра. Никто не знал, как жаброгунчики управляют своими матами. К океану жаброгунчики относились так, как порой люди относятся к сексу: делали вид, будто его не существует, но тишком были прекрасно осведомлены о любом дуновении ветра, любом капризе течения. Наблюдая за тем, как хлопчут жаброгунчики над своими стручками, узнать какой будет погода можно было точнее, чем по спутниковым прогнозам. Да и маты их вовсе не бесцельно носились по воле волн. Вместо этого они неторопливо описывали круги в экваториальных областях планеты, непостижимым образом выбирая среди множества течений в обоих полушариях единственное, нужное им. Любой другой курс унес бы их через терминатор света на Темную Сторону, где стручки погибли бы, а маты распались. Как они ухитрялись лавировать на своих матах между всеми этими течениями — оставалось тайной, жаброгунчики на сей предмет были не более словоохотливы, чем на любой другой.

Порой, оценивая внимание, которым его удостаивала Найла, Кафирр ловил себя на мысли, что вполне мог бы жить в одной каюте с жаброгунчиком. Зато в остальном блаженство полное: он ел, спал и не нырял.

У окончности последнего архипелага КВ'Маакс'ду сделал широкий разворот на самой линии терминатора и понесся обратно. Крейсер встал на плавучий якорь в море возле подветренной полосы матов. Увидев подходившую Найлу, Кафирр понял, что пришло время идти под воду. Найла была холодна, глаза ее смотрели сурово, а весь вид выражал решимость не дать втянуть себя в разговор, как будто Кафирр вдруг стал заразным. Она молча вручила ему очки, трубку и ласты.

КВ'Маакс'ду ждал на корме, вперив взор в маты, находившиеся теперь в нескольких километрах.

— Мне нужно, чтобы ты поплыл, — сказал ксенос.

— Куда? — спросил Кафирр.

Отыскав терпеливый тон в своем речевнике, ксенос ответил:

— Плыви к кромке корней, потом развернись и плыви обратно.

Проплыть три-четыре километра в открытом море — это тебе не за морскими самоцветами нырять. Тут, в океане, не будет ни страховки, ни отдыха на другом конце пути: кромка корней напичкана пуфками, ныряльщики же всегда работают с очищенных причалов. Предстоял долгий заплыв без какого бы то ни было намека на защиту, и Кафирр

уразумел, наконец, чем ему предстоит расплачиваться за вкусную еду и долгий отдых.

Найла стояла наготове у кислородоподачи. Глядя прямо Кафирру в глаза, она помогла ему поддержать кислородную маску. На единый миг Найла твердой своей рукой обняла юношу. Еще одна чистой воды причуда.

Заправившись кислородом, Кафирр перемахнул через борт и нырнул в серую унылую воду. Погружаясь, он почувствовал, что море тут другое. Слух его заполнял гул могучей морской зыби — то пульсировал объемлющий всю планету океан. Сама вода здесь была трепещущей и бездонной, разделенной на все менее и менее освещенные слои света. Ниже взгляд Кафирра не мог ничего различить, кроме мрака бездны.

Определив направление по положению двойного корпуса крейсера, Кафирр устремился к мату. Все чувства настороженно ловили малейшие изменения в морской стихии. Почти следом за ним под воду вошло тело покрупнее. Кафирр обернулся и увидел проплывавшего мимо КВ'Маакс'ду. Несколько мощных толчков — и ксенос ушел далеко вперед. За ним тянулся прикрепленный к передней конечности ручной электромет. Кафирр понять не мог, зачем ксеносу понадобились неуклюжие люди, когда сам он вон как ловко плавает.

Юноша поспешил изо всех сил следом за исчезающим ксеносом. Запас кислорода уже кончился, и дышать приходилось через трубку. Перепончатые ноги КВ'Маакс'ду растаяли впереди во мраке, и пустота сомкнулась вокруг пловца. Кафирр снова остался один на один с давящим на уши морским гулом, с пугающей бездной океана, захватившего пространство почти всего мира и скрывшего глубоко под собой поверхность планеты. Вода на глубине даже пахла иначе, гораздо сильнее отдавая металлом: здесь она не перекачивалась и не процеживалась матами.

После того, как он чуть ли не целую вечность продвигался сквозь пустынные воды, Кафирр увидел впереди подражал. Значит, маты неподалеку, хотя юноша понятия не имел, насколько далеко от них заплывают падальщики. Подражалы сгрудились вокруг пловца, зная, что никакого вреда от него не будет, а потому даже не пытались имитировать облик странного чужака. На мгновение общество подражал принесло Кафирру успокоение. Но вдруг все как один подражалы развернулись, встревоженные невидимым сигналом. И не меняя облика, рванули прочь, поближе к матам.

Кафирр удвоил скорость. Внезапное бегство подражал могло означать только одно: они почувствовали приближение хищника, настолько большого и ужасного, что подделываться под него бесполезно. Целую минуту пловец убегал от неизвестности, а потом увидел выплывающие из мрака чудовищные чернильные пятна. Большие черные тени с медленно колышущимися крыльями приближались, разрастались, очертания их обретали четкость. Кафирру прежде не доводилось встречаться с крылатыми мантиями, но не узнать этих чудовищ было невозможно: мясистые черные крылья, вздымающиеся и опадающие как бы в истоме, за ними длинный извивающийся хвост. Кафирру еще не были видны их пасти, но он слышал, что они распахиваются метра на два и очень похожи на громадные воздухозаборники.

Кафирр приналег еще сильнее. Скользящие тени настигали его, пожирая на ходу все. Шли они развернутым строем так, чтобы у каждого

чудовища была своя полоса кормежки. Кафирр уже слышал мягкие, пронизывающие сигналы, что настигали его и отражались от мата. Для спасения надо было быстрее добраться до корней, куда крупные хищники не осмеливаются заходить, да только слабых человеческих сил на такое вовеки не хватит. Мантии даже не удосужились прибавить скорости. Да и зачем: какая-нибудь из них, что побольше, просто втянет его в пасть на ходу, не нарушив при этом ритма движения. Слепой страх гнал Кафирра вперед, сквозь водную мглу бедняга изо всех сил высматривал очертания кромки мата. Но виделась ему лишь картина гибели родителей.

И тут вспыхнул прицельный луч лазера, следом за ним по воде прокатился электрический треск. Появился КВ'Маакс'ду, уже выпустивший из рук электромет, который по-прежнему волочился за ним. Возглавлявшая стаю мантия, свертываясь, уходила вниз. Остальные сломали строй и беспорядочно закружились, сбитые с толку противоречивыми сигналами, исходящими от их оглушенной предводительницы.

КВ'Маакс'ду знаком приказал Кафирру выбираться на поверхность. Юноша подчинился: легкие и ноги у него сковало болью. Вынырнув, Кафирр увидел, что до ближайшего мата оставалось еще с километр. Не вернись КВ'Маакс'ду вовремя, Кафирр сделался бы легкой поживой. Мантии суетливо кружили, то вымахивая на поверхность, то вновь уходя под воду, в нескольких сотнях метров от него. Гидрокрейсер устремился по волнам навстречу хозяину, повинуюсь дистанционным командам КВ'Маакс'ду.

Когда судно, вспенивая воду, приблизилось, черные страшилища сочли за благо убраться подальше. Кафирр вызвал штормтрап и вполз по нему на борт. Жадно и тяжело дыша, он повалился прямо на корме, и Найла опустилась на колени рядом с ним. В губах ее, в нежной груди, в мягкой розовой кромке облаков в небе Кафирр вдруг увидел такую красоту, какой прежде и не замечал вовсе. А Найла только сказала:

— Хищников никак не изучишь, не запустив живца.

КВ'Маакс'ду все еще находился в воде и оттуда командовал лебедкой, которая поднимала парализованную мантию. Обессиленный Кафирр пластом лежал до тех пор, пока не увидел переваливающееся через борт чудовище. Тут он разом вскочил на ноги и убрался с кормы на главную палубу. КВ'Маакс'ду поднялся на борт верхом на мантии: победитель был торжественно вознесен на спине побежденной.

Час или два ксенос предавался радостям разделки живого чудовища. КВ'Маакс'ду кромсал вдоль и поперек, проводил измерения и стимулировал внутренние органы разрядами реостатного стрекала, отсекал кусочки для исследования под биоскопом и на лазерном спектрографе. Завершив изучение, КВ'Маакс'ду велел спустить останки в трюм. Затем ксенос, насквозь провонявший желчью и химикалиями-консервантами, поднялся по трапу.

Едва лишь КВ'Маакс'ду подключил речевник, на Кафирра обрушился град вопросов: «Похоже ли это нападение на нападение других глубоководных хищников? Все ли они так медленно передвигаются на глубине?» Затем КВ'Маакс'ду обратился к предмету своего особого интереса, к «серебристому пожирале». Известно, что пожирала намного меньше мантии, толковал ксенос, однако считается, что он активнее и даже смертоноснее. Каково мнение Кафирра?

Кафирру сравнивать крылатую мантию было не с кем, и он был

слишком вымотан, чтобы придумывать ответы. В трюме крейсера лежало только что упрятанное туда чудовище: двадцать метров крыльев, несущих тридцать метров пищеварительного тракта. У Кафирра попросту не осталось сил, чтобы выдумать что-нибудь «еще смертоноснее». Пришлось признаться, что в этой части океана, на таком удалении от мата жаброгунчиков ему прежде плавать не случалось. КВ'Маакс'ду отрегулировал речевник и еще раз прослушал ответ юноши. Когда ксенос убедился, что верно понял смысл ответа, он оставил Кафирра и обратился к Найле:

— Этот для работы не годится, о чем ты меня не удосужился поставить в известность. Я снова отправляюсь на охоту, так что на этот раз плыть тебе.

Карие глаза Найлы сузились. Она покачала головой, не отрывая взгляда от ксеноса.

— Я в воду не пойду. Ты сам выбрал этого ныряльщика, и до сих пор он действовал вполне удовлетворительно.

КВ'Маакс'ду понизил тональность речевника настолько, что его слова перешли почти в рык.

— Ты идешь в воду. Другого выхода нет. Либо ты мой работник и ныряешь, либо кончаешь работать у меня и плывешь к ближайшему мату.

Найла выхватила у Кафирра очки с трубкой и присела на край борта, поправляя стекла и натягивая ласты. Ни Кафирра, ни ксеноса она больше не удостоила взглядом. Мышцы перекачивались под нежной кожей, каждое движение Найлы было отточенным и уверенным. Приладив ласты, она встала на краю борта, чуть качнулась, добываясь равновесия, и бросилась в воду, прошив ее почти без единого всплеска. Кафирр, наблюдавший за ныряльщицей с профессиональным интересом, нашел ее прыжок безупречным. КВ'Маакс'ду плюхнулся в воду следом. Каким бы могучим ни был ксенос в воде, в воздухе в грации КВ'Маакс'ду тягаться с Найлой не мог.

Едва вода поглотила обоих, Кафирр вернулся в каюту. Он велел свету померкнуть и растянулся на циновке. Понемногу уходил страх, испытанный в воде. Его крещение на глубоководье было ужасным, но теперь это юношу волновало уже меньше. Самое худшее позади. КВ'Маакс'ду узнал про его ложь, а за борт не выбросил. И Найла больше не сможет им командовать. Теперь она оказалась в опасности, но делает-то она не больше того, что Кафирр уже проделал. Умиротворенный, Кафирр заснул.

Проснулся он в горячей темноте. Найла стояла над ним, скрестив руки на груди, вода капельками скатывалась с нее.

— Ну вот, — сказал Кафирр, — в воду ты таки пошла.

Она смотрела мимо него и, казалось, не замечала ничего, не видела даже переборок каюты, не говоря уж о каком-то мальчишке.

Кафирр, как мог, постарался дружески ободрить ее:

— Быть живцом у КВ'Маакс'ду дело, конечно, поганое, зато оно куда безопаснее, чем лазать по гротам в корнях. Ни тебе жаловласов, ни тебе пуфок. Да и КВ'Маакс'ду — пловец, каких поискать. С этим ксеносом нам поспокойней, чем в одиночку или даже с дюжиной ныряльщиков-людей.

Взор ее оставался отрешенным, губы двигались медленно, словно она хотела, чтобы смысл сказанного ею был воспринят абсолютно точно.

— Тебе, может, трудно это понять, но я не желаю быть всем довольной рабой — есть, спать и утешаться безопасностью погружений. Я

не желаю, чтобы какой-то там ксенос за меня решал, жить мне или умереть. Помни, КВ'Маакс'ду каждой нервной клеточкой своей нацелен на то, чтобы отловить косячок серебристых пожирал. Эти плотоядные размером не больше подражал, но люди знающие считают их самыми страшными хищниками на вашей планете. Смогли вообще поймать очень немногих, и до сей поры за пределы планеты не удавалось вывезти ни единой живой особи. Никогда не задумывался, почему? Если ксенос намерен использовать нас как живцов для приманки серебристых пожирал, это тебе будет похлеще милой прогулки под водой вокруг крейсера в сопровождении стаи крылатых мантий. Пожиралы охотятся огромными косяками и способны до косточек обглодать тысячеметрового морского змея в считанные минуты. А электромет Квазимодо как раз им на зубочистку пойдет.

Кафирр от изумления слегка опешил. Еще ни разу не доводилось ему слышать, чтобы Найла так долго говорила, да с таким жаром. Теперь ее, казалось, уже не остановить. Найла села на циновку. Влажное ее тело оказалось совсем близко. Кафирр увидел слезы в ее глазах и ощутил то же желание, что и тогда, когда впервые застал ее спящей. Ему хотелось удержать эту новую Найлу, утешить, успокоить ее.

— Сейчас здесь нет никаких пожирал, — произнес Кафирр. — Мы сыты и в безопасности. Зачем горевать о том, чего еще не случилось?

Найла вытерла глаза и оперлась о циновку. Руки их оказались рядом. Девушка подалась вперед, стремясь всем своим существом помочь юноше понять ее, но аромат ее тела кружил ему голову, все время мешая вникнуть в смысл сказанных слов.

— Ты что, не понимаешь? Я ведь хочу, чтоб вовсе не было погружений, ни одного часа под водой.

— Как это? — Такие речи юноше казались безумными. Работать под водой погано, но как можно отказаться от единственного занятия, которое тебя кормит.

— Тебе известно, что почтово-пассажирский космический экспресс дает ускорение до тридцати псевдогравитаций и набирает почти световую скорость всего за несколько сотен часов?

— Ну и что? — Кафирр не понимал, какая связь между работой под водой и скоростными возможностями космического почтовика.

— А то, что через несколько часов после того, как КВ'Маакс'ду пришвартуется, почтовик «Река Иордан» стартует с орбиты. И я на нем. Эта работа даст мне последний кредит, который нужен, чтобы заплатить за проезд. И я не собираюсь умирать всего за несколько часов до обретения свободы.

— Ты собираешься в иномир? — Кафирр ни разу в жизни не видел ни единой луны, ни звезды, ничего он не видел, кроме неизбывного, непроницаемого облачного покрова.

— И настолько далеко, насколько хватит моих небогатых денег. Я родилась не здесь, — сказала Найла, — и ничто из увиденного в этом мире не вдохновляет меня, чтобы здесь оставаться.

Стоило ли удивляться тому, что голова ее всегда так гордо поднята к облакам, подумал Кафирр. Найла пришла из мира иных планет. Кафирру это объяснило многое. Ее отстраненность и холодность теперь выглядели естественными, и ему больше не хотелось коснуться ее. Раньше он считал Найлу равнодушной, надменной, безразличной, но он и подумать не мог, что она инопланетянка, туристка. Кафирр поднялся и ушел, оставив ее

одну в каюте.

«Река Иордан»

КВ'Маакс'ду направился на глубоководье, пересекая экваториальное течение и устремляясь к линии терминатора. Гидрокрейсер петлял меж плавающих лесов, то тут то там расчерчивающих водную гладь. Длинные пряди золотисто-зеленых растений вытягивались и укладывались течением параллельными рядами. Море вокруг матов жаброгунчиков было свободно от таких препятствий, потому что маты накручивали на себя все прочие растения, сами же они вырастали в ходе процесса, который понимали и которым умели управлять только жаброгунчики. Рожденные на линии терминатора циклоны приносили горячие дожди, что укутывали морские леса плотными занавесями. Крейсер лавировал между тайфунами, с помощью гидролокатора и автолоцмана прокладывая путь между штормами и плавучими лесами.

Изменения, начавшиеся в открытом море с Найлой, продолжались. Она больше не держалась отстранение, напротив, все время находила повод поболтать: о ходе крейсера, об облаках в вышине, о море вокруг. Делать было почти нечего, и Кафирр слушал. Позже, в темной и теплой каюте, она рассказала ему о себе. Ее рассказ оказался до предела насыщен реалиями иномира, но большую его часть Кафирру удалось понять.

— Мои родители вышли на пенсию довольно молодыми, — вспоминала Найла, — и взяли меня с собой в космическое турне, вложив свои сбережения в несколько корпораций. Таким образом, их средствам предстояло увеличиваться все то время, что мы бы путешествовали. Родители рассчитывали возвратиться домой еще нестарыми и состоятельными. Малышкой я уже повидала половину планет в Секторе Эридана. Путешествие проходило по дешевому комплексному туру, купленному в компании грузопассажирских перевозок «Пицикум», но для меня оно казалось просто чудом. Даже ваша планета с орбиты выглядит восхитительно: облачная жемчужина на фоне черного бархата космоса. Мы завершили торможение, перейдя к субсветовой скорости, связь восстановилась, тут-то путешествующие и узнали, что «Пицикум» всплыла брюхом кверху. Это было крупнейшее банкротство на миллионы часов пути, корабли компании прочно сидели на финансовой мели по всему Сектору Эридана. Свора ловких адвокатов добилась такого решения, по которому все иски к «Пицикуму» должны рассматриваться в судебном порядке на Эпсилоне Эридана, в столице Сектора. Я видела, как мои предки с ума сходили от бешенства. Любому сообщению, чтобы добраться отсюда до Эпсилона Э, требуется триста тысяч часов, претензии же к «Пицикуму» на местном рынке ценных бумаг шли всего по миллю — тысячной доле — за кредит. У компании «Пицикум» на этой планете оказалось единственное имущество — тот самый корабль, который занес нас сюда. На него наложила лапу компания «Пэрэдайз Девелопмент», которой «Пицикум» задолжал внушительную сумму. А денег по нашей скромной претензии — при цене по миллю за кредит — не хватило бы даже на то, чтобы подняться на орбиту.

Найла откинулась на спину и невидяще уставилась на палубную переборку; только металлическая кожа судна да слои пены укрывали их и от серости моря, и серости дождя.

— Волна жизни вынесла нас в этот никчемный мир. Все, кто знал нас, кто мог бы помочь, находились за десятки тысяч часов пути, даже связаться с ними возможности не было. — Взгляд Найлы, казалось, пронзал палубу, стремился ввысь, отыскивая небеса, сокрытые тяжелой шапкой розовых облаков. — Наши иски все еще тащатся на Эксилон со скоростью света. Мой отец погиб, попробовав стать ныряльщиком. Мать сделалась причальной крысой, выжимала слезу из туристов, повествуя им о своей несчастной судьбе, и жила на подаяния. В конце концов некий довольно пакостный малый предложил матери подбросить ее до системы Пэрадайз. Всего одно место предложил. Для детей-переростков у него мест не было, поскольку я отказала ему в тех удовольствиях, какими отработывала мать. Думаю, согласись я, он взял бы нас обеих. На его собственный пакостный лад он был довольно сговорчив. Мама обещала, что вернется за мной, но это было сорок тысяч часов назад.

Найла села, упершись подбородком в ладонь и устремив взгляд на Кафирра.

— Я к тому времени стыла ныряльщицей. Не тебе рассказывать, что это такое. Долгие часы проводила я под водой, сэкономила на чем могла, ела как придется. Квазимодо — просто воплощенное добросердечие по сравнению с некоторыми людьми, на которых я работала. Этот ксенос, по крайней мере, понятия не имеет, что такое человеческий пол, что такое секс, и он не ждет, что после изнуряющих часов под водой мы еще перед ним станем расстилаться да ноги задиравать. — Она замолкла, заметив, что Кафирр за все время ни слова не произнес. — Ты, может, в этом особой трагедии не видишь, но я родилась в ином мире и, поверь, мне лучше знать.

— Все равно мне тебя жалко.

Ничего другого Кафирру в голову не пришло. К тому же он не понимал, какая из Найл нравится ему больше: прежняя Найла, которая не обращала на него внимания и которую он почти ненавидел, или эта новая Найла, которая, кажется, вознамерилась расширить и усложнить его, Кафирра, мир. Он едва преодолевал желание рассказать Найле о себе, о своей семье — только вот подобало ли ему выставить напоказ собственную затаенную боль? Найла спокойно говорит о том, что собирается улететь в иной мир, а он не может допустить и мысли о том, чтобы покинуть планету. Работа под водой — это отсроченный смертный приговор, но ничего другого он не умеет.

Найла снова откинулась на циновку.

— Ты, наверное, настолько глуп, что жалеешь меня. Прими же совет от родившейся в ином мире: начни жалеть самого себя.

Когда КВ'Маакс'ду вызвал их на палубу, шторма уже как не бывало, а облачный покров приобрел серовато-розовый оттенок тронутого гнильцой мяса. В предвестии дождя облака опустились еще ниже, они смешивались с морем, образуя нерасторжимую и беспросветную субстанцию влаги. В сумраке сразу в нескольких местах Кафирр различил длинные, волнообразно перекатывающиеся ленты, похожие на уходящую в морскую даль гряду стоячих волн. Ленты медленно скользили друг по другу, появляясь впереди и исчезая сзади.

— Морские змеи, — сказал КВ'Маакс'ду.

Присмотревшись, люди увидели, что извивающиеся гребни на самом деле были частью созданий чудовищной величины, чьи длинные вытянутые тела терялись во влажной мгле. С каждого борта виднелось по

дюжине их, толстых черных лент, прочерченных в туманной пелене. Крейсер казался игрушечным корабликом, болтавшимся на волнах меж телами гигантов и несшим на себе трех крошечных букашек.

Величие момента сделало КВ'Маакс'ду разговорчивее:

— Место охоты здесь, — объявил ксенос, разворачивая крейсер. — Серебристые пожиралы — единственные из хищников, которые поедают взрослых морских змеев.

На малых скоростях радиус поворотов крейсера был предельно мал, и тем не менее они едва не врезались в голову оказавшегося поблизости змея. Широкие жаберные выросты и тысячи прожорливых щупальцев скользнули по правому борту судна. Глаз на голове-громадине не было: морские змеи передвигались с помощью гидролокатора, на поверхности воды они были абсолютно слепы, а потому не удостаивали своим вниманием помех на пути, если те были меньше мата жаброгунчиков.

Маневрируя между рядами змеев, КВ'Маакс'ду держал крейсер на заданном курсе и, выждав момент, дал залп с кормы. Тут же крейсер запрыгал на волнах, поднятых ударами сотен громадных тел. Носовой электромет по команде КВ'Маакс'ду развернулся и взял на прицел одного из шедших сзади змеев. Сверкнула вспышка, змей спирально завился от боли, дикий вой вылетел из его воздушных отверстий, по всей спине животного пролег след глубокого ожога. Крутые как при землетрясении волны заходили по морю, когда раненый гигант забился в конвульсиях.

КВ'Маакс'ду поставил крейсер на плавучий якорь. Надстройка раскачивалась по дикой параболе, проваливаясь и взлетая на сотню метров с каждым новым валом. Корпус-катамаран сохранял устойчивость при любом крене, но ходил ходуном словно плот в бурю. Как только конвульсии стали стихать и чудовище совсем ослабело, появились падальщики. Найла указала на несколько разновидностей глубоководных подражал.

Крейсер кружил рядом с умирающим змеем до тех пор, пока тот не перестал дергаться. Тогда КВ'Маакс'ду выбрал якорь, погнал крейсер вослед змеиной стае и тем же манером загубил еще одного змея. Много часов подряд ксенос убивал и убивал морских змеев, оставив после себя целый архипелаг длинных мертвых островов, колеблемых зыбучими волнами.

— Это бессмысленно, — сказал Кафирр. Морские змеи были настолько громадны, что с трудом воспринимались как живые существа, однако их предсмертные вопли и конвульсии смогли бы разжалобить и жаброгунчика.

— Серебристые пожиралы не едят падаль, — пояснила Найла. — Они набрасываются на живое мясо. Привлечь их может только раненый змей. Уж не захотелось ли тебе снова стать живцом?

Многие морские змеи успели умереть, прежде чем гидролокатор крейсера просигналил: крупный объект отделяется от глубинной термоклины. КВ'Маакс'ду объявил, что косяк серебристых пожирал поднимается на поживу. Вскоре море вокруг последней жертвы закипело от серебристых тел. Змей задергался с удвоенной силой: теперь он не только умирал, его поедали живьем.

Стало казаться, что весь океан сошел с ума. Вода ожила от тысяч серебристых пожирал. Пока они рвали на части бьющееся морское чудовище, вокруг собралось множество падальщиков, желавших получить свою долю на этом жутком пиршестве. Даже Найла не могла вымолвить

ни слова.

КВ'Маакс'ду весело отдал команду крейсеру, и судно принялось широко разбрасывать небольшие темные снарядики. На короткий миг они черными зернами усыпали гребни волн, а затем с бульканьем ушли под воду. В том месте, куда падал снарядик, вода поначалу как бы чуть втягивалась вниз, а затем взлетала ввысь мощным столбом. Вокруг этой в мгновение ока вознесшейся колоннады воздух и поверхность воды содрогались от приглушенного гула глубинных взрывов. На целую минуту гидрокрейсер затерялся в сплошном лесу громадных всплесков, пока наконец последняя колонна не рухнула и море не улеглось. Целую колонию хищников и падальщиков, собравшихся у бившегося в предсмертных муках морского змея, разметало и оглушило взрывами, большинство животных подышали. КВ'Маакс'ду бросил Найле сеть.

— Ты отберешь всех серебристых пожирал, которые уцелели.

Все новые подражалы подплывали сюда, к месту невесть кем устроенного для них пиршества. Управляя лебедками, Кафирр и Найла прошлись над мертвым морем, выискивая уцелевших пожирал. Под присмотром стоявшего на мостике КВ'Маакс'ду люди затаскивали оглушенных хищников в трюм, пользуясь для этого люком под ватерлинией на правом борту.

Окончив работы, люди с трудом добрались до каюты и рухнули без сил. Кафирр угрюмо молчал: безудержное истребление живого оглушило юношу.

— Ты, наверное, думаешь, что все это нецелесообразно, — сказала Найла. — Погоди, еще окажется, что мы вообще понапрасну силы тратили. Пожиралы, которых мы отловили, настолько слабы, что и до Наветренного Мата вряд ли доберутся живыми, не говоря уж об Эпсилоне Эридана.

Когда трюм заполнился, КВ'Маакс'ду развернул крейсер на обратный курс. Ксеносом овладел теперь азарт: как можно быстрее добраться с уловом до Наветренного Мата, перегрузить его на «Жаворонок» и пуститься в долгий путь к Эпсилону Э. До Порты оставалось еще немало часов хода, когда Найла, вернувшись из трюма, сообщила, что пожиралы подышают.

КВ'Маакс'ду настроил свой речевник на раздраженное возмущение:

— Содержать их живыми — это ваша работа.

— Слушай, Кваз, — ответила женщина, — твои методы подбора коллекции потрясли этих тварей до основания. Серебристые пожиралы — хищники активные и привыкли жить большими косяками. Нельзя просто надавать им по мозгам, подержать без сознания, а после ждать, что они как ни в чем не бывало придут в себя. Их следует осторожно оживлять, выхаживать, даже к еде приучать заново.

— Ну так и займись этим.

КВ'Маакс'ду произнес это так, будто объяснял непонятливым детишкам, как устроен мир.

Найла скрестила руки на груди и бросила на него косой взгляд.

— Мне что, устроить в трюме концерт обеденной музыки?

— Нет, — отозвался КВ'Маакс'ду. — Это лишено смысла. Пусть твой напарник займется ими.

— Как? — Найла даже не взглянула на Кафирра, который ушам своим не верил.

— Пусть постарается расшевелить их, — пояснил КВ'Маакс'ду. —

Пусть использует слабые электроразряды, пусть кормит с рук живой рыбой всех, кто выказывает признаки голода.

Кафирр просто онемел от мысли, что придется надолго оставаться в крошечном мраке трюма, наполненного стоялой водой, который кишмя кишел мертвыми и умирающими стокилограммовыми хищниками.

Кафирр не успел рта открыть, как Найла ответила за него:

— А ты не думаешь, что это чуток опасно? Если у него все получится хорошо, эти миленькие малютки очнутся и захотят кушать. Малый окажется в темном трюме один на один с голодными и злыми хищниками, каждый из которых вдвое больше него.

Тупая голова КВ'Маакс'ду повернулась в сторону девушки, словно на шарнире, и ксенос ответил, избрав наставительный тон:

— А ему как раз за риск и платят. Он всего-навсего человек и ничего особенного не умеет. Весьма разумно, что опасность должна выпадать на долю наименее значимого из имеющихся в наличии существ.

Глаза Найлы сузились.

— Ну вот что, чудо бесшее. Я значу не больше него. Я стану выхаживать пожирал.

Кафирр был потрясен, зато КВ'Маакс'ду — ничуть. Ксенос лишь заметил: тот человек или другой — для него разницы нет.

— Только, — добавила Найла, хочу получить плату вперед, хочу свои деньги в руках подержать, прежде чем полезу в трюм.

— Странное и примитивное желание. — На сей раз КВ'Маакс'ду казался удивленным.

— А я как раз из примитивных, — сказала Найла. — Сейчас или потом — какая тебе разница?

— Никакой, — согласился КВ'Маакс'ду и расплатился с ней.

Кафирр проводил взглядом широкую спину удалявшегося ксеноса.

— Не нужно было тебе этого делать.

— Ой ли?

— Я бы пошел в трюм, — сказал юноша.

— Именно поэтому я так и поступила. — Найла тряхнула головой. — С этим делом справиться можно только одним-единственным способом. Первые же очнувшиеся пожиралы съели бы тебя на закуску. Тогда наш добрый Квазимодо послал бы в воду, еще теплую от твоей крови, меня, или прогнал совсем, если бы я отказалась.

— Почему бы тебе попросту не назвать меня дураком?

— Потому что не хочу обижать тебя. Послушай, я знаю, что говорю ужасные вещи, — сказала Найла, — но пойми, эта работа — мой билет. — Пальцы ее еще крепче стиснули зажатый в кулаке чек. — Мне нужно было почувствовать, что плата у меня в руках, я должна была не дать КВ'Маакс'ду повода пойти на попятный или пожаловаться на меня властям Порты. Теперь в моей жизни все легко и просто: надо остаться в живых до того момента, пока «Река Иордан» не взлетит к системе Пэрадайз.

На всем обратном пути Кафирру оставалось только наблюдать, как Найла уходит в трюм и выходит оттуда. Несколько раз он предлагал свою помощь, но девушка только отмахивалась. Ему бы только радоваться — деньги ни за что шли, — а Кафирр чувствовал себя никчемным. Чем ближе они подходили к Наветренному Мату, тем тягостнее становилось у юноши на душе: ему не давала покоя мысль о том, что пожиралы вот-вот окончательно обретут былую прыть. Найла почти все время проводила в

трюме, но как-то Кафирру удалось застать ее в каюте, где она прилегла отдохнуть.

— Слушай, — сказал он, — не сходи с ума, ты же, как пить дать, ошибешься. Зачем тебе всю опасность брать на себя? Ведь совсем недавно тебя вовсе не заботило, есть я на свете или нет.

Найла присела на краешек циновки и подняла усталые глаза.

— Тогда было по-другому. Мне хотелось любой ценой отделаться от погружений. Я не могла себе позволить ни знать тебя, ни думать о тебе. Ты был просто ныряльщиком, которому предстояло пойти на смерть вместо меня.

Юноша сел рядом с ней.

— Но теперь тебя отнесло в обратную сторону и ты опять зашла слишком далеко. Не позволяешь хотя бы помочь тебе.

Она потеряла глаза, прогоняя сон.

— Тебе не сделать того, что делаю я. Тебя этому не учили, и у тебя не хватит сноровки. — Заметив, что Кафирр обижен, Найла подалась вперед и взяла его за руку. — Дело в том, что ты всю жизнь провел, подвергаясь ужасному риску и почти перестал замечать его. А для того, что делаю я, требуется более развитое чувство самосохранения. Обижаешься?

Юноша пожал плечами. Ему было трудно разобраться в своих чувствах.

Найла вздохнула.

— Обещаю попросить у тебя прощения, если ты пообещаешь мне, что сумеешь получить свой билет при первой возможности.

— Мой билет?

Кафирру никогда в голову не приходило, что мог бы забронировать место для себя.

— Если у тебя, — Найла смотрела в упор, — появится шанс улететь в иномир, ты им воспользуешься?

— Пожалуй. — Кафирр ответил так без особой опаски: до сих пор никто не предлагал ему даже вокруг Наветренного Мата прокатиться.

— Тогда прости меня, — сказала она. — Не такой уж ты несмышлениш.

Помолчав, она сжала его руку.

— Эта комедия почти окончена. Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтоб ты добыл у КВ'Маакс'ду билет в иномир. Скажи ему, что власти Порты не дадут ему разрешения на взлет, если возникнут какие-нибудь осложнения.

— Какие осложнения?

— Обещай пошевелить мозгами. Если со мной что-нибудь случится, надави на ксеноса. Квас не так уж и умен. Я уже одолела его. Получила свой билет — и свободна. Даже если мне никогда не вернуться из этого трюма, даже если через час мне суждено умереть, все равно я победила. И у меня на душе будет спокойней, если я буду знать, что и ты свой шанс не упустишь.

Найла обняла и поцеловала его. Прикосновение ее теплого тела и мягких губ застали Кафирра врасплох. Она отправилась в трюм, а он так и остался сидеть в каюте, глядя ей вслед. Сильную ее спину покрывали бисеринки пота, ступала Найла уверенно, каждый шаг заставлял мышцы на ягодицах играть.

Она уже скрылась в трюме, пропала из виду, а он все сидел и сидел в каюте, раздумывая, что сказать, когда она вернется. Слова все крутились

у него в голове, пока не сложились в нечто подходящее. Но Найла в каюту больше не вернулась.

Они уже причалили к Наветренному Мату, а Найла так и не появилась из трюма. Кафирр места себе не находил, а вот КВ'Маакс'ду, судя по всему, никакого беспокойства не испытывал. Ксенос был счастлив оказаться у причала и тут же вознамерился перенести весь трюм целиком с гидрокрейсера на «Жаворонок». Кафирр поспешил проверить трюм, прежде чем тот упрятут на орбитальную яхту и отправят на Эпсилон Э.

Перед люком он остановился, но из-за переборок не доносилось никакого шума. Кафирр произнес слово на инопланетном языке, люк открылся, поток света разорвал тьму, разбился о поверхность воды, зайчиками заплясал по переборкам. При свете засверкали серебряные туши, шустро сновавшие туда-сюда в воде. Все разом рванули они поближе к люку, пихаясь и отталкивая друг друга, охваченные неумолимой страстью обжорства, которая всегда отличала серебристых пожирал. Унять ее не могло ничто — до тех пор, пока не пропадали либо добыча или аппетит. Не было никаких следов Найлы. Только дно трюма усыпано множеством костей. Разобрать, человеческие ли это кости, Кафирр не мог, однако живые рыбы туши и отсутствие Найлы без слов поведали ему обо всем.

Трюм, как и их с Найлой каюта, находился в правом корпусе катамарана. Кафирр снова мысленно прошел по всему пути. Он видел, как Найла отправилась в трюм. Поскольку обратно из люка она не вышла, то, должно быть, попала в воду к этим созданиям. Все остальные выходы из трюма находились ниже ватерлинии, под водой.

Поднявшись на главную палубу, Кафирр заявил ксеносу, что Найла ушла в трюм и пропала. Добавил также, что существа в трюме очень возбуждены. КВ'Маакс'ду был счастлив слышать, что с его уловом все в порядке, и Кафирру стоило некоторого труда переключить внимание ксеноса на то, что произошло с Найлой. Однако на этот раз юноша проявил настойчивость, словно позаимствовав у Найлы толику ее гнева.

— Найла? — Речевник КВ'Маакс'ду обратил имя в вопрос.

— Да, другое человеческое существо.

— Тот человек потребовал — и получил — плату вперед. Мои отношения с ним на том прекращены, как будут и наши с тобой сейчас тоже. — С не подвластной никаким чувствам деловитостью КВ'Маакс'ду произвел расчет и с Кафирром.

Кафирр глянул на оказавшийся в его руках чек: более чем достаточно для покупки нового металлического щупа. Однако юноша не забыл, о чем говорила ему Найла несколько часов назад.

— Этого вовсе не достаточно: пропал человек. Я потребую, чтобы власти Порты осмотрели трюм и обследовали кости, что лежат там на дне.

— Невозможно, — заявил КВ'Маакс'ду. — Тебе должно быть известно, что я работаю по очень жесткому расписанию. Времени на то, чтобы перевести из трюма пожирал, нет. Я должен немедленно взлететь, чтобы состыковаться с маршевым институтским кораблем, направляющимся в иносистему. Можешь быть уверен, что содержимое этого трюма подвергнется всестороннему исследованию в Институте Зоологической Морфологии, когда я доберусь до Эпсилона Эридана IV. Доклад на эту тему станет достоянием гласности.

Однако обещание возможной публикации отнюдь не отвечало насущным интересам.

— Это еще когда будет, через сотни тысяч часов. А я все это время должен сидеть здесь, гадая, что же случилось с Найлой? Что я скажу, если кто-нибудь прилетит ее разыскивать? Ты и все доказательства будут в иномире. А мне здесь придется отвечать за все последствия.

КВ'Маакс'ду настроил речевник на терпеливую укоризну:

— Какие последствия? Одним больше, одним меньше — не имеет значения. Кто будет разыскивать его?

— Ее, — поправил Кафирр.

Ксенос подрегулировал речевник:

— Кто будет разыскивать это?

Кафирр был непреклонен. У него из головы не выходили последние слова Найлы: как повелось, у ныряльщиков последний совет всегда самый ценный.

— Что ж, тогда я обращусь прямо к властям Порта. Я не собираюсь один отвечать за все: либо мы оба отвечаем на все вопросы, либо оба летим в иномир.

Речевник донес удивление:

— Грузовая палуба на «Жаворонке» переполнена, и я больше в твоих услугах не нуждаюсь. Брать тебя на Эпсилон Эридана бессмысленно.

— Прекрасно, — сказал Кафирр. — Вместо этого я возьму билет до системы Пэрадайз, примерно через час туда отходит «Река Иордан».

Речевник донес еще большее удивление:

— Подобные траты превышают все мыслимое.

— Придется пойти на немыслимое, — подсказал Кафирр. — Пропал человек, создания, что находятся в трюме, являются вещественным доказательством. Власти Порта могут и не позволить вывезти их.

КВ'Маакс'ду забрал обратно чек, заявив Кафирру, что торговаться с человеческим существом неразумно. Затем ксенос дал команду узлу связи гидрокрейсера связаться с Портом и приобрести один билет до системы Пэрадайз — только в один конец.

Меньше чем через час Кафирр уже дожидался взлета челнока, раздумывая о Найле и наблюдая за тем, как магнитные краны переносят трюмный контейнер с гидрокрейсера в круглое чрево «Жаворонка». Юноша оказался как бы на человеческом островке. Последние принятые на челнок люди оказались притиснутыми к решетке грузового отсека, набитого коробками, узлами, свертками, чемоданами, мешками и прочим скарбом. Эти немногие счастливицы, чье будущее висело у них за спиной или торчало под мышкой, готовились начать жизнь сызнова в грезившейся им раем системе Пэрадайз. Двери челнока раздвинулись, люди, спотыкаясь, ринулись вперед, будто морские обитатели в металлическую сеть.

Пилотом на челноке был Эриданский Пес. Высокомерно добродушный, он отдавал четкие команды, обнаруживая немалый навык приведения к порядку человеческих толп. Он утрамбовал всех как можно плотнее, так чтобы спрессованные воедино тела и грузы смягчали все мелкие неприятности, вызываемые ускорением. Когда Пес подошел к Кафирру, тот, всмотревшись в лицо инопланетянина, спросил:

— Не помнишь меня? Ты мне работу у КВ'Маакс'ду устроил.

Ксенос попытался припомнить. Столько человеческих существ вокруг, и все на одно лицо.

— Ныряльщик с причала? Повезло тебе, видно, на глубоководье, если ты здесь оказался.

— По-всякому пришлось, — ответил Кафирр, — но тебе я благодарен.

Пес кивнул: он научился приветливо отзываться на людскую признательность, хотя особой пользы для ксеноса в ней не было.

— И был бы еще более благодарен вон за то местечко, — юноша указал на свободное пространство рядом с почти обнаженной молодой женщиной, голову которой покрывала чуть отросшая щетинка каштановых волос.

— Разумеется, — произнес Пес и оттянул губы назад в подобии человеческой ухмылки. Пес выучился различать пол у людей. Он усадил Кафирра вплотную к женщине и посоветовал им обоим смотреть в верхний иллюминатор: — Скоро вы впервые увидите звезды.

Женщина обернулась, чтобы сообщить ксеносу, что звезды для нее не в диковинку, даже рот приоткрыла, но, заметив Кафирра, мигом забыла про Пса.

— Ты, — выговорила она. — Правду говоря, не ждала, что встретимся.

В первый раз увидел Кафирр, как распахнулись от изумления карие глаза Найлы. Он с наслаждением чувствовал, как касаются его тела ее голое бедро и плечо.

— А я знал, что найду тебя здесь, Найла. Сразу понял, как только увидел, что ты оставила в трюме.

— Да, — отозвалась она, опустив голову, но сохраняя на лице легкую улыбку. Примерно так же Пес изобразил бы человеческую печаль. — Все серебристые пожиралы всплыли брюхом кверху. Возможно, я не очень-то хорошо ухаживала за этими милыми чудищами. Во всяком случае, я очень постаралась как можно позже донести весть о трагедии до ксеноса. Ты же знаешь, как чувствительна душа у нашего Квазимодо.

По лицам людей вокруг было видно, что у них перехватило дыхание, когда челнок прорвал толщу облаков и все увидели россыпь звезд. Мир, который они покидали, выглядел так, как его описывала Найла: белая жемчужина в черном ухе ночи. Сгрудившиеся в челноке люди запели:

Новый мир и счастье ждут нас в небесах, да, в небесах...

Найла снова взяла Кафирра за руку и сказала:

— Хуже того, что было, вряд ли будет.

Вскоре следом взлетел «Жаворонок» и состыковался в точно назначенное время с мощным маршевым кораблем, державшим курс на Эпсилон Э. Однако когда КВ'Маакс'ду продемонстрировал свой улов, Институт Зоологической Морфологии интереса к нему не проявил. Ему объяснили, что в трюме находятся всего лишь рыбы-подражалы, обыкновенные падальщики, которые ловятся на любую приманку. Подражалы питались подохшими пожиралами, принимая вид тех, кто еще оставался в живых. Осознав это, КВ'Маакс'ду зашвырнул подальше речевник и принялся поносить человеческое отродье, этих неумех, лентяев и воров, на своем родном, инопланетном языке.

Джон Мэдокс Робертс Костюм из кожи³

Глория сразу же поняла, что это будет один из лучших приемов Джевел. Разумеется, поскольку он скорее был светским, чем

дипломатическим, не было ничего удивительного в том, как неофициальные по протоколу представители стран, не признающих друг друга, разговаривают по-приятельски.

Так, она уже отметила взглядом послов всех трех Китаев, болтающих в сторонке, будто бы они и не вели войну по всей Восточной Азии. А, вон там, в углу, ирландский посол разговаривает с герцогом Йоркским, хотя оба их государства упорно не признают друг друга уже двенадцать лет. По всему было видно, что встреча посла из Шииса была важнее старых счетов.

С трудом пробираясь сквозь сверкающую толпу, приветственно воздев свои полные руки, к Глории шла Джевел — сапфиры и жемчужины просто выступали из каждой поры на ее коже.

— Глория, душечка, ну разве это не самое замечательное сборище из тех, что ты когда-либо видела в своей жизни? Если бы мне удалось напоить их всех как следует, у нас настал бы мир во всем мире еще до полуночи! Ладно, пойдем, я тебя познакомлю с послом из Шииса. Он здесь самый очаровательный из всех... м-м... существ. — Унизанной украшениями рукой она подхватила Глорию под ручку и повела за собой, лавируя между власть имущими, просто имущими и прочими, кто только стремился достичь власти и богатства. Не прерывая привычной для хозяйки бала болтовни, Джевел оглядела наряд Глории: прозрачный боди-чулок, покрытый сеткой из изящных мелких золотых цепочек с крошечными рубинами в перекрестиях.

— Сногсшибательно, дорогая, — сказала она. — Золото и рубины чудо как идут таким бронзово-смуглым блондинкам, как ты.

— Это Стефан для меня придумал, — самодовольно ответила Глория.

— В этом ты будешь гвоздем сезона. Ах, вот и посол. Слушай, — она понизила свой пронзительный голос и продолжала чуть тише, — пусть тебя не пугает его внешний вид. Он достаточно воспитанный и даже в чем-то остряк. Вполне импозантен, если бы только не этот нос.

Посол был высоким и худощавым, довольно короткое туловище подпирали две ноги с узловатыми коленками, которые были крупнее ляжек. Разговаривая, он изящно жестикулировал длинными руками. Когда хозяйка и ее гостя приблизились, он обернулся. Маленькая, не покрытая волосами голова, ничем не примечательные два глаза и широкий безгубый рот. Он был бы похож на человека, если бы не нос. Треугольный, занимающий половину лица, покрытый массой изогнутых тонких дрожащих мембран. Глории он напомнил листоноса⁴.

— Ваше превосходительство, — загудела Джевел, — позвольте мне представить мисс Глорию Норстед, дочь Пакстона Норстеда. Глория, его превосходительство принц Зискиш, посол Шиисской империи.

Делая реверанс, Глория отметила, что гладкая, голая, угольно-серая кожа посла не выдает никаких внешних признаков пола.

— Уверен, что очарован больше других. — Губы Зискиша приоткрылись в V-образной улыбке, открывая два ряда тонких, похожих на иголки зубов: передние были по меньшей мере сантиметров пять длиной.

Джевел повернулась к двум мужчинам, которые разговаривали с послом: высокий сикх и офицер космических войск в форме.

4 Летучая мышь из семейства рукокрылых. (Примеч. перев.)

— Глория, ты, конечно, уже знаешь генерального секретаря Ранджита Синдха, а это капитан Дуглас с «Фрама». — Естественно, она знала, кто такой Дуглас. Его фотографии были сейчас повсюду: тот самый человек, который возглавлял экспедицию на «Фраме», сохранившую мир с Шиисом.

— Надеюсь, что не прерываю важные переговоры, джентльмены, — сказала Глория, улыбаясь и одаривая их в полной мере игрой ямочек на щеках.

— Вовсе нет, мисс Норстед. Его превосходительство рассказывал нам кое-что, касающееся эволюции его рода, — сказал генеральный секретарь ООН.

— Как чудесно! Пожалуйста, не разрешайте мне прерывать вас! — Глория произнесла слова автоматически, как в сотне подобных ситуаций прежде.

— Я как раз подходил к этапу нашего обитания на деревьях, мисс Норстед, — продолжил Зискиш. — В течение многих миллионов лет мои предки жили на деревьях так же, как и ваши, но только мы умели бесшумно скользить по воздуху. — И он поднял руку, чтобы продемонстрировать тонкую кожистую перепонку. — Эти мембраны — единственный рудимент, который остался у нас от тех дней, когда деревья были нашим жилищем. И еще, конечно, наше бинокулярное зрение.

— А в поисках чего вы парили? — спросила Глория, не очень заинтересованная всем этим. Научные беседы всегда нагоняли на нее скуку, но эти трое были очень важными персонами, и если уж им хотелось разговаривать о таких вещах, что ж, она послушает.

— В основном в поисках маленьких летающих существ с более низкой организацией. По вашей терминологии мои предки относились к насекомоядным. — Глория внезапно представила, как эти острые, как иголки, зубы раскусывают таракана пополам — и почувствовала тошноту. — Разумеется, мы в некоторой степени ушли вперед с тех пор, — продолжал Зискиш. Он выбрал канapé с подноса, предложенного проходящим мимо официантом, и длинными тонкими пальцами отправил бутербродик в рот. Он проделал это, не сводя с Глории глаз. В желудке у нее все перевернулось: выбранная послом закуска из икры и паштета напоминала искусно вылепленного жука.

— О Боже! — пронзительно вскрикнула Джевел, и рука ее потянулась к утыканному бриллиантами наушнику, — о Боже, приехала принцесса Фатима. Боюсь, я должна покинуть вас ненадолго. — И она унеслась, гремя brasлетами.

— Однако, уважаемый генеральный секретарь, я чувствую, что отвлекаю на себя большую часть того внимания, которое должно принадлежать присутствующему здесь капитану Дугласу. Ведь как бы то ни было, это его экспедиция устранила злосчастное недоразумение между двумя нашими народами и предотвратила дальнейшую трагедию.

— Офицеры космического флота — это банальность, — возразил Дуглас. — А прибытие первого инопланетного посла — событие уникальное.

— Вы чересчур скромны, капитан, — заговорил Ранджит Синг. — После всего, что... — Но внимание Глории отвлекло иное. К ним шла Джевел, и с ней была принцесса Фатима, и одета была эта стерва совершенно так же, как и Глория, только цепочки были серебряные с аметистами. «Я убью этого прохвоста Стефана, — подумала она. — Он позволил шпионить в своем салоне. Если нас сфотографируют вместе, то

завтра фотография будет на всех страницах светской хроники!» Лицо у нее пошло пятнами, как только она представила себя посмешищем сезона. Смущенная и раздосадованная, она поспешно извинилась и выскользнула из комнаты.

На террасе она стала здороваться направо и налево со знакомыми, кого, подобно ей, положение обязывало в эту ночь быть здесь. Незаметно для себя она оказалась на краю террасы рядом с каким-то бородатым типом от науки, находящимся здесь только потому, что он был на борту «Фрама». Он дымил трубкой и хотел казаться светским, когда трепался.

— Они очень познавательные, мисс Норстед, они много рассказали нам о том, как они развивались, поэтому мы знаем, что они всеядны, как и мы, но мы ничего не знаем об их жизненном цикле, даже не знаем, как они размножаются. Когда мы их об этом спрашиваем, они просто замолкают, а... — Глория была в ужасе, что пока он кончит это предложение, она умрет от скуки, но его прервали. Она подняла глаза и увидела, что к ним присоединился капитан Дуглас.

— Вижу, вы знакомы с мисс Норстед, Каррутерс, — вмешался Дуглас.

— О, конечно, конечно. У нас был захватывающий разговор, сказать по правде, но теперь мне нужно идти. — Каррутерс слегка покачивался. — Мисс Норстед, пожалуйста передайте вашему отцу, что я очень, очень признателен ему за то, что он предоставил мне возможность находиться на борту «Фрама». Капитан, быть в вашей команде — это впечатление на всю жизнь.

И, пожав Дугласу руку, Каррутерс начал протискиваться обратно в зал.

Дуглас улыбнулся ему вслед.

— Боюсь, здешняя атмосфера опьяняюще действует на Каррутерса. По, своей натуре — он лабораторная крыса.

— Он занудный малый, но папочка души в нем не чает. Говорит, что это один из первых биохимиков в мире.

— Ваш папочка? — Дуглас удивленно приподнял бровь. — Норстед кэмикалз?

— Совершенно верно. — Она подарила Дугласу лучшую свою улыбку и оглядела его. Он казался чересчур молодым для своей славы, был хорош собой и достаточно высок, чтобы форма производила впечатление. Вообще-то униформы ей не нравились, и эта обязательная шпага выглядела ужасно театрально, но зато жемчужно-серый плащ очень хорошо смотрелся на высокой фигуре.

— Так вот почему вас приглашают в такие места. Выпьете что-нибудь?

— С удовольствием. Естественно, обязаны приглашать меня. Папочка вносил солидные суммы на проведение кампаний каждого президента, начиная с Рузвельта, мне кажется. — Со звенящим смехом она повернулась и облокотилась на перила. Там, внизу, группка людей собралась вокруг бассейна. Они вели себя то слишком шумно, то натянуто молчали и, уж само собой, не были вхожи. Когда вернулся Дуглас со стаканом в руках, она спросила его, не знает ли он, кто это.

— Это моя команда, — сказал он, окидывая подчиненных критическим взглядом. — Наша хозяйка пригласила весь личный состав на вечер на открытом воздухе, и я разрешаю им приходить группами, чтобы не было лишнего шума.

Он взглянул на часы и вытянулся по струнке. Она тут же поняла, что

сейчас он попросит разрешения проводить ее домой. Выпускник всех военных академий, будь то Аннаполис, Вест Пойнт, Колорадо Спрингс, Сандхерст, Сент Сир — не имеет значения, — все вытягиваются по струнке перед тем, как попроситься в провожатые.

— Мне нужно сейчас встретиться с китайскими послами — всеми тремя одновременно, иначе двое других будут смертельно оскорблены. Если у вас нет других планов, то я сочту за честь, если вы позволите сопровождать вас до дома после приема.

— Буду очень рада, капитан.

— Дуг.

— Хорошо, Дуг. Там внутри очень жарко, я погуляю где-нибудь в саду.

Она будет последней душой, если даст себя заметить рядом с этой стервой Фатимой в ее серебристой боди-сетке.

Уже было поздно, когда Глория оказалась возле бассейна. Она с радостью обнаружила, что большая часть отряда космической службы ушла. Один молодой человек плескался в воде, двое других наблюдали за ним со стороны. Поначалу Глория подумала, что он голый, но потом увидела, что он одет в бледно-серый облегающий костюм из материала, тоньше которого она еще не встречала. Приятели пловца куда-то исчезли, и Глория не спеша подошла к краю бассейна. Молодой космонавт — она решила, что ему не больше восемнадцати — вынырнул из воды и, отбросив с лица длинные светлые волосы, отдуваясь, поймав взгляд Глории, широко улыбнулся.

— Как вода? — спросила она, окуная руку. Прикосновение к ледяной воде было подобно шоку. — Боже мой! Вы, должно быть, зачоченели. Воду же не подогревают!

— Я в полном порядке, — ответил он. Оперевшись ладонями о круглый борт бассейна, он одним рывком выскочил из воды и гибко выпрямился. Капли еще стекали с его лица и волос, но так быстро высыхали на комбинезоне, что казалось — это оптический обман. Тонкий материал настолько точно повторял все контуры тела, как если бы их не покрывала вовсе никакая одежда. Глория задержалась на этой мысли. У юноши было славное тело. На какой-то момент она пожалела, что приняла предложение Дуга. Этот молодой Аполлон казался намного интереснее, чем какой-нибудь выпускник военной академии. Он наверняка не был бы таким официальным и замороженным. И она хихикнула над двусмысленностью, которую обдумывала.

— Как называется ваш костюм? — спросила она, чтобы скрыть свой смех. — Никогда ничего подобного не видела.

— Сказать по правде, я не знаю, как он называется. — Юноша выжал воду из волос. — На самом деле предполагается, что я вообще его не ношу. Я выбрал его у купца с Шииса, когда был там с экспедицией, но один выскочка из торговой компании успел приобрести исключительные права на них, поэтому теперь и не хотят, чтобы нас в них видели. Думаю, торговцы собираются раскрутить рекламную кампанию. Так или иначе, но я надел его под штатскую одежду, а когда увидел бассейн, не смог удержаться. Когда ты в этой штуке, то холода не чувствуешь, а бассейна я уже почти год не видел.

— Правда? Можно потрогать? — Она быстро облизала губы и кончиком пальца провела по дельтовидной мышце и бицепсам. На ощупь костюм совершенно неотличим от обычной кожи, только еще более гладкий, без единой шероховатости — ни пор, ни волосков. — Но если он

такой теплый, то как же вы терпите его под одеждой?

— О, в нем не бывает жарко. — Парень рассеянно водил рукой по мускулистой груди. — Он просто поддерживает оптимальную температуру тела. Если честно, то такое ощущение, будто на тебе вообще ничего нет. Иногда я по несколько дней забываю его снять.

Его глаза стали мечтательными, рука продолжала отвлеченно двигаться. Внезапно он очнулся от голоса, раздавшегося из-за спины Глории.

— Хэлфорд! Накиньте что-нибудь. Вы выглядите неприлично, не говоря уж о том, что нарушаете наш договор с фирмой «Эккерте». Я не позволю, чтобы мои подчиненные разгуливали на глазах у всех в таком виде. Оденьтесь и возвращайтесь в часть.

— Есть, сэр! — отчеканил парень.

Пока он удалялся, Глория рассматривала его затянутые в серое ягодицы. Совершенно ясно, что ни один из земных материалов не мог так плотно прилегать к коже. Она думала о том, как хорошо такой костюм подошел бы для лыж, не то, что вся эта многослойная одежда. Нильс похвалил однажды, как она выглядит сзади в облегающих лыжных брюках. Что если она появится в таком костюме!

— Надеюсь, он не досаждал вам, — произнес Дуг, глядя вслед удаляющейся фигуре. — Хэлфорд хороший парень, но в последнее время ведет себя как-то странно. Наверное, следует направить его к психиатру.

— Вовсе нет, мне очень понравилось разговаривать с ним. За исключением вас и Зискиша, он единственный здесь не навел на меня скуку. Ну, так мы идем? — И она вернулась в бальный зал под руку с Дугом, однако спустилась по парадной лестнице вниз, где ожидали фоторепортеры, только когда окончательно убедилась, что Фатима уехала.

Такси доставило Глорию по адресу, данному ей по телефону служащим фирмы «Эккертс». Здание было новым, в самой престижной части города. Без витрины, только скромная латунная табличка у дверей, уведомляющая: «Эккерт и Эккерт, импортеры». Ниже выгравированы два королевских патента: «...настоящим даруется право...» и прочее.

Дверь открылась автоматически, и продавец поспешил навстречу, чтобы приветствовать ее.

— Ах, мисс Норстед, мисс Норстед, как мы рады, что вы нас навестили! Большая честь, право.

Хотя он и не расстелил перед ней красного ковра и не поцеловал, края ее платья, ему удалось проявить максимум почтения.

— Я просто должна была прийти, когда выяснилось, что торговля с Шиисом будет вестись через «Эккертс». Мистер Эккерт был так добр, что разрешил мне взглянуть на коллекцию.

— Да, обычно мы ведем политику поддержания строгой секретности до тех пор, пока правительство не проведет всех тестов и не выдаст всех лицензий, к тому же сейчас рекламные агенты как раз приступают к раскручиванию основной кампании. Но для вас, мисс Норстед, всегда можно сделать исключение. — Он одарил ее улыбкой сатира. — Не хотите ли взглянуть на некоторые произведения искусства? Они пока еще на складе, не расставлены как следует, но есть много шикарных, просто шикарных.

— Конечно, я с удовольствием их посмотрю, — ответила Глория, разбиравшаяся в искусстве еще меньше, чем в науках, — но думаю, что

мне стоит заняться этим, когда я смогу уделить им то время, которого они заслуживают. Сегодня у меня действительно все расписано.

— Какая жалость! Что ж, у нас есть потрясающая мебель, ткани, целый ряд чудных домашних растений — хоть они и будут находиться на пятимесячном карантине, и еще великолепные духи. Шиисы — большие ценители запахов, да и кем еще им было быть с такими носами. — Он захихикал, довольный своим остроумием.

— Вы упомянули ткани... Сказать по правде, я звонила мистеру Эккертту не без задней мысли. Вам, вероятно, известно, что я большая любительница спорта, особенно альпинизма и лыж. Прошел слух, что вы привезли какой-то новый тип трико, защищающий абсолютно от любой непогоды. Можно мне взглянуть на такой костюм?

— О, Боже, — пробормотал продавец. — Боюсь, где-то была утечка информации. Именно эта модель считается самой засекреченной. Что ж, теперь, я думаю, ничего не поделаешь. Если вы подождете здесь одну секундочку... — Он выскользнул в заднюю комнату и вернулся с коробочкой, во много раз меньшей, чем ожидала Глория. Поставив коробочку на стол из тикового дерева, он благоговейно поднял крышку. Там, внутри, лежало что-то похожее на комочек мятого серого шелка.

Глория подняла эту массу кончиками пальцев. Казалось, в ней не было веса. Просто бесформенный мешочек, из которого свисают четыре трубочки. И это для рук и ног? Вещь целиком была не более десяти дюймов в длину.

— Этот чересчур мал, — сказала Глория, помолчав.

— О нет, он, как говорится, безразмерный. На двухметровом мужчине он будет сидеть так же хорошо, как и на крошечном младенце. У этого костюма есть еще много неповторимых достоинств помимо поддержания температуры тела.

— Что же это за достоинства?

— Ну, обычно он закрывает тело до шеи, кистей и щиколоток, но в очень холодную погоду вырастает, чтобы закрыть руки, стопы и шею.

— Вырастает? — повторила ошеломленная Глория. — Вы хотите сказать, что он живой?

— Не живой, конечно, — запротестовал продавец, — однако наши ученые предполагают, что у этого материала есть достоинства, общие с живой материей. Похоже, что он обладает метаболическими свойствами... — Он поймал непонимающий взгляд Глории. — Свойствами э-э... поглощать, если так можно выразиться, всевозможные излишки нашего тела и побочные выделения. Пот, например, ороговевающие клетки кожи, даже, — голос понизился от легкого смущения, — даже мочу и фекалии можно удалять, не снимая костюма. А если костюм все-таки снять, носивший окажется чистым, как только что из душа.

— По вашим словам получается идеальная одежда для спорта, — подметила Глория.

— Кхм... да. Если честно, им очень заинтересовались военные. Не пройдет и года, как у каждого солдата на этой планете будет такой.

Глория почувствовала, как ее интерес тает по мере роста шансов оказаться одетой в аналог армейской униформы.

— Конечно, — поспешно добавил продавец, — если вы решите приобрести его, вы еще много месяцев будете, возможно, единственным человеком, носящим этот костюм.

И ее интерес снова ожил.

— К тому же, — продолжал ее собеседник, — они, похоже, пуленепробиваемые и огнестойкие.

— Вы серьезно? — спросила Глория.

— О, да. Я бы никогда не стал шутить над изделиями нашей фирмы.

Всем заметным на политической арене деятелям такой костюм окажется очень кстати, как вы можете теперь представить. На душе у Глории потеплело от мысли, что у нее костюм появится раньше, чем у Фатимы или этого толстого султана, ее мужа.

— Я беру, — сказала она. — Упаковывать не надо. — Она схватила коробочку, словно боясь, что та сбежит.

— Прекрасно. Только, мисс Норстед, мы ведь еще не обсудили цену. Вы, несомненно, понимаете, что так как это будет наша первая модель, то и цена будет, скажем, довольно крутой.

— Да, да, я предполагала это. Что ж, просто отправьте счет на имя Пакстона Норстеда. Папочка даже не заметит.

И, сжимая коробку, она бросилась за дверь к ожидавшему ее такси.

Дома она изучала свою покупку. Трудно было найти сходство между сморщенной массой и тем изящным одеянием, которое она видела на том космонавте с «Фрама». Что ж, осталось только примерить. Дрожа от предвкушения, она выскользнула из своей одежды.

Беглый осмотр показал, что надеть костюм можно только через вырез для горла. Она просунула пальцы в отверстие и расправила их внутри. По всей видимости разницы между передом и задом не было. Она просунула в мешок ногу и продела ее в трубочку штанины. Ткань податливо растянулась и быстро приняла форму ее икры. Ступня проскочила наружу, но вокруг щиколотки ткань словно прилипла и уже не подтягивалась выше. Вторая нога прошла также легко. Глория втянула живот и натянула костюм до талии. Все еще никаких сложностей. Она пропустила пальцы сначала сквозь один трубчатый рукав до наружного отверстия, потом через другой, затем натянула серую ткань на одно плечо и подтянула оставшуюся часть боди-костюма до шеи, после чего встала во весь рост. Легкое и странно приятное ощущение скольжения охватило ее в тот момент, когда вещь словно устраивалась поудобнее, а ткань обтекала все изгибы и щелки ее тела. После этого наступило чувство, будто на ней ничего нет.

Она подошла к трехстворчатому, во весь рост зеркалу, чтобы оценить результат. Так же как парень на вечере у Джевел, она выглядела обритой и покрытой краской. К сожалению, она знала, что не сможет, как он, ходить на людях в одном костюме.

Едва заметная пониклость груди и легкая округлость живота ниже пупка показывали, что все тысячи, потраченные в клинике для похудения на Майорке, не в состоянии заставить их исчезнуть. И еще эта наметившаяся складка на зад, которая через несколько лет будет просто кричать о косметической операции. Как это нечестно, что женщина начинает увядать так рано, тогда как мужчины могут оставаться в прекрасной форме так долго. То, что в свои двадцать девять лет она считалась одной из дюжины или около того самых красивых женщин высшего света в мире, вовсе не утешало.

Телефонный звонок прервал ее самокритику. Когда она шла к аппарату, странное чувство поразило ее. Растерявшись на какой-то момент, она поняла, что это произошло от того, что ткань, из которой был сделан костюм, почти устраняла трение ног при ходьбе. Там, где руки

касались бедер, происходило то же самое. Свобода движений потрясала еще больше, чем ощущение наготы.

Звонил Дуг. Она поборола возникшее было раздражение. Зануда, конечно, но он был такой респектабельный и к тому же один из самых известных людей в мире, по крайней мере, в этом сезоне.

— Дуг! Как чудесно, что вы позвонили!

— Глория, я только что отвязался на несколько дней от всех приемов, лекций и встреч, мне смертельно хочется удрать куда-нибудь. Вы свободны?

— До пятницы. Но в пятницу у меня примерка у Годи.

— Великолепно! Что вам больше по душе? На выбор: лыжи, яхта, серфинг, горы? Да, вы не домоседка, не так ли? Конечно, я немного катаюсь на лыжах. Как насчет Цюриха?

На минуту она задумалась. Никто не ездит в Цюрих. Никто не увидит их там. Уж во всяком случае никто из тех, чье мнение что-то значит.

— А как насчет лыжной базы «Вишня в цвету» на Хоккайдо? У меня есть открытое приглашение.

— Восхитительно. Я забронирую места через Пан...

— Не беспокойся, — перебила она. — Просто встречай меня в аэропорту. У меня сезонка на все авиалинии. Что-нибудь подберем.

На Хоккайдо все прошло великолепно. Там была масса народа, и все восхищались тем, как она каталась на лыжах в облегающих брючках от Годи и весенней блузке от Севрез, стоившей баснословной взятки, данной Севрез за то, что блузку продали за шесть недель до весеннего показа мод. Она каталась на лыжах как никогда и выглядела фантастически рядом со всеми остальными в их дутых брюках и объемных свитерах.

Дуг тоже был милым. Появление в обществе с известным путешественником принесло ей успех и стоило приложенных усилий, несмотря на то, что все хотели поговорить с ним об исследовании космоса, об отношениях людей с шиитами и всяких других вещах, надоевших ей до одурения. И каждую ночь она с чувством сожаления стягивала с себя костюм ради занятий любовью, в которых Дуг оказался именно тем, что она и ожидала: усердный и упорный, с умением, присущим практику, и лишенный даже тени воображения.

Внезапно ее осенило: если костюм не нужно было снимать даже для удовлетворения элементарных потребностей человеческого тела, то может быть, даже этим... — надо позволить Мигелю поэкспериментировать над ней, как только она увидит его снова. Уж Мигель испробует все...

Она прошла к трюмо посмотреть, не истерся ли где костюм. В середине проверки она заметила крошечную разницу. Она снова оглядела нижнюю часть груди: ни намек на складку. Она опустила глаза ниже. Живот совсем втянулся. Стараясь успокоить нарастающий восторг, она слегка повернулась. Верхняя часть бедра переходила в ягодицы совершенно гладко. Это было невероятно. Четыре дня катания на лыжах просто не могли вернуть ее девятнадцатилетнюю фигуру. Она спустила верхнюю часть боди-костюма. Ткань сползала медленно, словно с неохотой. Грудь, освобожденные от костюма, привычно поникли. Она снова натянула костюм. Провис исчез.

Она села в кресло и попыталась сообразить. Что там говорил о костюме этот человек из фирмы «Эккеркс»? Что костюм в некотором

смысле как живой, и что он поглощает ороговевшие участки кожи и тому подобное. Но тогда — не паразит ли это? Однако он не причиняет никакого вреда. Было какое-то другое слово. Она пыталась вспомнить ушедшие в прошлое уроки в колледже. Символист? Нет. Симбионт! Вот оно! А раз это симбионт, то он будет стараться сохранить своего хозяина (или хозяйку?) в наилучшей форме. Но ведь, размышляла она, мое тело не меняется, я только кажусь моложе. Но даже от ощущения, что я так хорошо выгляжу со стороны, мне становится намного лучше. И если то, что мне сказали в «Эккертс» правда, то можно не снимать костюм неделями или месяцами. Может, вообще никогда! Глория посмотрела на календарь. Она проносит его месяц.

Лагерь у подножия К-2 совсем опустел к концу сезона. По крайней мере, администрация называла его «лагерем», несмотря на с размахом устроенные отели, охотничьи домики и четыре к звездочные рестораны, где обслуживали официанты-шерпы в ярких национальных костюмах. Период застолий, устраиваемых баснословными богачами, разыгрывавшими из себя альпинистов, в сопровождении пышной свиты, — когда горячие блюда передавались наверх в палатки к концу каждого дня развлекательных подъемов по уже проложенным легким маршрутам, находящимся под постоянным, хотя и тактичным теленаблюдением, — миновал.

В преддверии зимы остались только настоящие скалолазы. Из окон лучших ресторанов Глория любовалась несравненным видом гималайских вершин. По ей самой непонятным причинам она осталась здесь после того, как все «сливки» уехали. Ей необходимо было испытать свое умение в настоящем восхождении, какого она не предпринимала уже несколько лет. Было так странно оставаться здесь одной, но почему-то это ее не волновало. Она приступила к ужину: третий раз на этой неделе она заказывала омара. И до этого ела все больше крабов или креветок. В последнее время она пристрастилась к ракообразным.

В тот вечер, когда она пришла на банкет к Папандриу в одном кожаном костюме и серебристых сапогах от Йоритомо, она стала сенсацией сезона. Каждый хотел узнать имя ее модельера, а все женщины просто позеленели! И впервые с тех пор, как ей минуло двадцать пять, она не чувствовала неуверенности в присутствии более молодых женщин.

Столкнувшись с Мигелем на вечере у принца Рейнальдо и оставшись с ним наедине, она спросила, не хочет ли он испытать кое-что необычное, и конечно же Мигель всегда был готов к чему-нибудь необычному. Когда она изложила суть своего маленького эксперимента, он лишь пошутил, что это новый вид фетиша, но стоит попробовать. И действительно, ему нужно было только чуть-чуть поднажать — и цель была достигнута! Позже он сказал, что это было самое отвратительное ощущение в его жизни, но что костюмчик, безусловно, очень услужливый. Вот уже почти четыре месяца она не снимала его и никогда в жизни не чувствовала себя лучше. Иногда ей очень хотелось узнать, восхищаются ли горничные в отеле неизменно безупречным состоянием ее ванных комнат.

К какой же группе скалолазов присоединиться? На штурм вершины набиралось сразу несколько экспедиций, во главе которых стояли знаменитые альпинисты; несколько человек намеревались попробовать подняться на Эверест, хотя для них всегда была опасность забрести на территорию, удерживаемую одной из китайских фракций. Ей совсем не

хотелось быть принятой за шпионку. Ладно, она решит эту проблему утром. К какой бы группе она ни примкнула, там, естественно, будут только рады.

Она проснулась от лунного света, заливавшего террасу ее люкса. Было полнолуние. Который час? Часы на столе показывали два. Спать совсем не хотелось. Она выскользнула из простыней и вышла на террасу. Как только холодный воздух обдал ее, она почувствовала, что по ее рукам и ногам что-то ползет: костюм рос, закрывая пальцы и ступни, забирался вверх по шее и лицу до линии волос, оставляя открытыми лишь рот, глаза и ноздри. Еще никогда он не рос так быстро, чтобы защитить ее. Ей стало совсем уютно, словно летом на пляже в Каннах.

Настала пора совершить какой-нибудь сумасшедший и вызывающий поступок. Что-нибудь вроде одиночного восхождения при лунном свете. Она представила себе изумление на лицах людей, когда утром вернется после ночного восхождения. Она поспешила назад в комнату, чтобы собрать все необходимое, пока пыл ее не остыл. Одежда ей не понадобится, за исключением кожного костюма, конечно, но она надела шлем и горные ботинки и рабочий пояс со штычком ледоруба и крючьями и еще несколько раз обернула веревку вокруг своей тонкой талии. Слишком высоко она за одну ночь забраться не сможет, поэтому респиратор пока ни к чему.

Когда все было готово, она вернулась на террасу и спрыгнула с высоты четырех или пяти футов на лежащий внизу снег. Оглядевшись и убедившись, что никто ее не видит, она направилась по тропинке к склону для начинающих. Было бы неразумно браться за что-то более сложное. Идти одной, ночью, было само по себе сумасшествием. На пути к подножию склона для новичков она заметила извилистую гористую, но не безнадёжную тропу, ведущую в сторону от основной. Повинуясь первому порыву, как и во всем, что она делала сегодня ночью, Глория пошла по этой тропе, осторожно становясь только на те камни, где не было снега. Пройдя ярдов сто или около того, она оглянулась. В ярком лунном свете не было видно ее отпечатков ботинок. И почему-то не оставлять следов было ужасно приятно.

Восход солнца застал ее уже на верхушке склона. Она поднималась без остановок все время, пока светила луна, и тем не менее не чувствовала усталости. «Зачем же спускаться теперь, — думала она, — если я даже не запыхалась? Почему бы не продолжить путь?» Даже ноги не ныли. Но она была опытной скалолазкой и поэтому села на камень и стянула ботинки, чтобы помассировать ступни. Встав, с тем чтобы оглядеться, она почувствовала уже знакомое ползучее ощущение: костюм принимал новую форму. Словно маленькие воздушные шарики надувались у нее под ногами, и она чувствовала, как что-то отталкивает ее от земли. Она стремительно села и осмотрела ступни. Костюм нарастил толстые подушечки на подошвах ее ног. Они были, по крайней мере, в дюйм толщиной под пятками и, наверное, в половину тоньше у пальцев. Подошвы покрылись круговыми складками, напоминавшими отпечатки пальцев. Она снова поднялась и прошлась. Так было намного удобнее, чем в ботинках.

Интуитивно она сняла шлем и вынула шпильки из прически. Прижав волосы к голове, Глория почувствовала, как костюм наползает на них

гладкой шапочкой. Ботинки и шлем она оставила там, где сняла. Заберет их на обратном пути, может быть. В одном костюме с рабочим поясом она продолжала подъем.

Солнце почти зашло, когда она опять остановилась. Время между двумя остановками прошло в каком-то счастливом полусне. Она ощущала бесконечную энергию, защищенность от всех природных стихий. Что-то, правда, ее беспокоило. Что это было? Ах, да. Подушечки на ногах. Казалось, что каждая подушечка по своим размерам больше, чем когда-то принесенный ею из магазина весь этот кожаный костюм. Откуда могла появиться лишняя масса? По ее представлениям так не должно было быть. Один ученый из папиных протеев сказал ей однажды что-то в этом роде, когда она была маленькой и спросила, не из воздуха ли растут орхидеи на деревьях в саду. Он говорил что-то о сохранении массы, что материя не может просто так появиться ниоткуда. Тогда откуда же взялись подошвы? Ей вспомнилось легкое напряжение во время дефекации, но это не могло иметь никакого отношения к происходящему.

Внимание ее было отвлечено не то гусеницей, не то червяком, ползущим по камню рядом с ней. Она подняла насекомое. Как странно видеть что-то живое на такой высоте. Может, она сделала какое-нибудь научное открытие? Пусть масштабом поменьше этого страшилища — снежного человека. Она подумала, не взять ли насекомое с собой вниз, но рассудила, что не стоит. Вместо того, чтобы положить его обратно на камень, она рассеянно поднесла его ко рту и раскусила. Горький вкус вывел ее из оцепенения и заставил выплюнуть остатки.

Она упала на четвереньки, ее стошнило. Глория потрясла головой, затем протерла рот снегом. Что толкнуло ее сделать такую гадость? Должно быть, от недостатка кислорода она начинает бредить. Она не ела со вчерашнего дня и, наверное, голодна, хотя и не замечает этого. Пора кончать с этим. Пора спускаться.

Она решительно поднялась на ноги и полезла наверх.

Какой был день? Она потеряла счет. Просто знала, что с ней творится что-то ужасное. Она карабкалась вверх уже несколько дней без сна и пищи. Она должна уже быть недалеко от вершины, но ведь этого не может быть. Никто еще не взбирался на К-2 в одиночку, без кислородного снаряжения. Глория знала, что ей суждено умереть тут голодной смертью. Чувствуя себя сильнее, чем когда-либо, понимала: это, конечно, иллюзия. Руки и ноги являли признаки истощения. Бедра становились тоньше колен. Но что-то по-прежнему толкало ее вперед.

Прямо под горным гребнем она обнаружила ледяной утес. Он располагался в узком ущелье, словно ледник в миниатюре. Увидев его, она перестала карабкаться и начала колоть лед ледорубом. Теперь ее движения были чисто механическими, даже цвета, даже запахи воспринимались по-другому. С каким непривычным умением она обкалывала глыбу, прокладывая путь вглубь. И пока она рубила лед, та часть сознания, которая еще принадлежала ей, отчаянно напряглась в последний раз. Это мог быть только костюм. Что же говорил продавец в «Эккертс»? «В течение года каждый солдат на нашей планете сможет надеть такой... Все крупные политические деятели захотят их иметь».

Внутри ледяной пещеры, которую она вырубил, она устроила выступ, а потом заложила вход, оставив лишь маленькое отверстие. После

этого она принялась шлифовать стены, пока не отполировала их до зеркального блеска. В последних перед наступлением тьмы лучах солнца она увидела свое отражение в ледяной стене. Серую кожу, теперь ставшую почти черной, ужасающе истончившиеся руки и ноги. Самое страшное — она увидела плоский треугольник, расползающийся по лицу, треугольник, состоящий из тонких изогнутых мембран.

Она подошла к выступу и села, подтянув к подбородку большие узловатые коленки и обхватив ноги руками. Она закрыла глаза и пронзительно закричала. Она кричала долго, до тех пор, пока кожей не зарос рот.

Лорел Винтер Посол⁵

Лорел Винтер — писательница из Миннесоты, одна из немногих представительниц своего поколения, закончила сельскую школу, где все восемь классов вел один и тот же учитель. Она скучает по горам, однако ни за что на свете не станет жить более чем в десяти минутах от библиотеки. Ее муж постоянно приносит в дом что-нибудь интересное, и она никогда не знает, что будет сказано или сделано через минуту. То же и с детьми — восьмилетними двойняшками. Дом легче привести в нормальный вид, а детей — труднее, но гораздо интереснее.

Лорел написала «Посла», оказавшись на семинаре писателей в Висконсине. Тогда она и начала разрабатывать инопланетную тему. Эта идея сочеталась у нее с другой, которую она вынашивала на протяжении нескольких лет, — относительно общества с жесткими правилами касательно приема пищи. Первый рассказ Лорел в журнале F&SF («Бесконечный сироп», июнь, 1992) также был про еду.

Хозяйка сидела напротив Ким за устланным разноцветными полотенцами столом и чертила фигуры на поверхности жидкого сладкого масла. Кубок был тяжелый, с вывернутыми краями и тоненькими четырехпалыми ножками, которые лучами расходились, образуя подставку. Ким надеялась, что он был сделан из глины, а не из чего-то, бывшего когда-то живым.

Говорят, глядя на фигуры, которые Обаяшки вот так чертят, можно узнать о многом. Если вы разбираетесь в этих фигурах — вот в чем дело. А Ким не разбиралась. Поначалу формы, которые выводила хозяйка, были отчетливыми, почти геометрическими. Потом она постучала по краешку кубка толстым ногтем, и линии задрожали, размылись и стали перетекать одна в другую. Ну точно кляксы Роршаха на дисплее компьютера-психиатра, который программировала кошка. Для вас они ничего не значат, однако вы чувствуете, что могли бы понять...

Комбинезон Ким был унылого серого цвета — по контрасту со складками устилающих стол тканей и яркими одеяниями хозяйки. Ким решила поднять взгляд, чтобы убедиться, что комбинезон по-прежнему настроен по принципу хамелеона. Одно дело знать, что ты находишься

вне зоны действия слабого электрического тока, обеспечивающего программируемые изменения цвета стен корабля и обстановки, а другое — ощущать себя настолько заметной здесь, на чужой планете.

Ей хотелось устроиться поудобнее на устланной подушками скамье, однако она знала, что это будет нарушением этикета. Ближайшим аналогом, который могли откопать корабельные архивы, была чайная церемония древних японцев. Однако Обаяшки — самая похожая на людей раса, когда-либо встреченная в космосе, — выводили такие фигуры при каждой трапезе, которая была строго ритуализована, и в других отношениях их общество не слишком напоминало старояпонское.

Ким инструктировали. «Не двигайся без необходимости. Не заговаривай раньше хозяина. Бери еду — все равно, какую, — когда ее предлагают; посаженные в кишечник бактерии справятся с местными ферментами. Ешь только левой рукой. Не смотри долго в упор на Обаяшек».

Вместо этого она оглядела комнату. Тонкие полосы ткани разной длины свисали с потолка, трепеща под порывами ветра из маленьких скрытых окон. Эти порывы воздуха также доносили до нее волны перемешанных запахов от чаш с пищей, сладкого масла и хозяйки. Пол представлял собой каменные плитки, тщательно подогнанные по размеру и укрытые многочисленными ковриками. Только стены были неприкрашены — грубое, бледное дерево с зернистой структурой, в которой тонул свет низкой лампы и застревали тени.

Ксенологи сказали Ким, что то, что комната для приемов находилась примерно в километре от города, имело особое значение. Можно было сделать вывод, что в городе не приветствуют посторонних — во всяком случае, без формального приглашения. Каждый большой и маленький асимметричный город содержал аналогичное здание, — сказали ей, подчеркивая важность этой церемонии даже в рамках культуры самих местных жителей. Насколько же больше ее значение для делегации со звезд!

Хозяйка прервала мысли Ким, потянувшись к одному из больших кубков, угнездившихся меж перевитых тканей самых разных расцветок и текстур. Неглазированный керамический кубок с рифлеными краями был заполнен какими-то красноватыми корнями. Ким взяла один и обмакнула в чашку с жидким серым соусом — в точности как ее хозяйка. Затем, стараясь, чтобы пальцы не прикасались к губам, она откусила от корня. «Не тяни пищу в рот, не убрав рук; откусив, положи кончики пальцев в чашку со сладким маслом — оно служит для очищения рук. Если у тебя есть художественное воображение, импровизируй, чертя фигуры, если же нет — старайся не нарушить фигур, которые там уже имеются». Все эти правила были выработаны методом проб и ошибок — это означало, что церемония прерывалась как только человек нарушал неведомые ему табу. Они прогнали через эти испытания значительную часть полевого состава — лишь для того, чтобы определить, чего не следует делать.

Ким осторожно погрузила пальцы в масло и вновь вынула их. От этого ближайшая фигура подплыла к ней и отрастила пять ног.

Едкий вкус хрустящего во рту овоща смешивался со специями соуса. Следующий кусок — округлый кусочек мяса с тонким хрящом посередине — она опустила в жгуче-кислый соус, ударивший в нос и опаливший полость рта. И все, кроме первого глотка, чуть-чуть отдавало сладким маслом, которым были покрыты ее пальцы.

Ее выбрали отчасти из-за того, что она была левшой и в еде не имела особых предпочтений. Первый человек, попытавшийся пройти эту церемонию — дипломированный ксенолог, — сломался на том, что позже он описывал как «тухлое жареное молоко в остром соусе». Он так и не сумел проглотить эту смесь. Церемония была прервана, и это произвело на Обаяшек не слишком хорошее впечатление.

Но основной причиной, — объяснила ей капитан Сериналь, — послужило то, что среди всех левшей на борту у нее был наименьший показатель уверенности в себе. «Инопланетяне, похоже, осторожны, — сказала капитан. — Их сильная приверженность ритуалам свидетельствует, что они не выносят быстрых, независимых решений. А все наши дипломированные ксенологи думают слишком быстро или что-то вроде. Обаяшкам они не нравятся». Она озидала Ким с некоторым сомнением. "Может, вы им понравитесь больше".

Ким разделяла эти сомнения. Трудно определить, что на самом деле думают Обаяшки, потому что естественным их выражением служит подобие безгубой улыбки, открывающей широкую полосу хряща, выполняющего функцию зубов. Линия рта при этом образует угол с вершиной внизу и чуть изгибающимися лучами. При ноздрях, спрятанных по краям плоского твердого носа, и крошечных круглых глазках улыбка определенно была основной особенностью Обаяшек. В том-то и заключалась еще одна проблема, сказала ей капитан, что люди подсознательно воспринимали Обаяшек как дружелюбных существ.

«Проблема не для меня», — подумала Ким, откусывая что-то волокнистое и мягкое, обмакнутое во что-то густое и кислое. Она не слишком-то доверяла улыбкам и всегда была настороже. Не очень удачный характер для дружеских вечеринок, но, может, в самый раз, когда пытаешься завязать контакт с инопланетянами.

Хозяйка обмакнула пальцы в центральный кубок, и, поднеся прямо ко рту, начала по очереди их облизывать. Ким проделала то же — сладкое масло облекло рот и липло на языке. Никто прежде не доходил до этой стадии, подумала она. Может, у нее и получилось. Или, может, облизывание пальцев было какой-то формой оскорбления, которое она только что вернула обратно, и они готовы теперь убить ее и полностью прервать отношения с человечеством.

Она заставила свою руку лежать спокойно, пальцы кверху, точно ножки мертвого животного, на столе перед ней. Это приблизительно напоминало то, как хозяйка держала свою собственную руку с четырьмя тонкими длинными пальцами. Тыльная сторона руки Ким лежала поперек двух кусков ткани — желтой, похожей на ошпуть на мокрый шелк, и более жесткой переливчатой голубой, от которой ей хотелось почесаться.

Почти сразу в комнату вошли Обаяшки-подростки и погрузили все многочисленные чашки с едой и соусами на огромные круглые подносы. Когда они удалились, вошли другие и убрали все грязные куски драпировавших стол тканей, заменив их новыми драпировками. Один снял ложкой слой сладкого масла с поверхности кубка и долил его из кувшина. Еще двое принесли два узких кубка с горячей смесью воды и масла и поставили их перед Ким и хозяйкой.

Опять, следуя за хозяйкой, Ким погрузила руку до запястья, от жара у нее чуть не перехватило дыхание, поскольку температура была повыше приятного для человеческой кожи уровня. Если они специально не ставили целью ошпарить ее, это было похоже на нормальное завершение

трапезы.

И все же она не расслаблялась. Теперь, вероятно, хозяйка будет говорить. Ким не доверяла автоматическому переводчику, закрепленному спереди на ее униформе. Предполагалось, что лингвисты на корабле, неделями слушавшие местные радиопередачи и наводнившие всё своими жучками, так отладили эту коробку, что она могла переводить слова Ким Обаяшкам и наоборот. Лингвисты сказали Ким, что устройство переводит «грубо, но эффективно». Ким могла бы поручиться лишь за первое.

Хозяйка помахала рукой в воздухе, чтобы осушить ее, и отставила в сторону кубок с горячей маслянистой водой. Ким сделала то же самое. Во рту держался сладкий маслянистый осадок. Ей бы стакан вина или шипучки — хоть что-нибудь, чтобы отбить привкус масла. Теперь, когда еду унесли, основным запахом был исходивший от хозяйки запах паленых яиц.

Хозяйка заговорила низкими, размеренными созвучиями, казалось, меж слов нет пауз.

Переговорное устройство Ким на мгновение замялось:

— Хорошие приветствия или хорошо съедено.

Капитан не смогла сказать ей, как ответить; никто до Ким так далеко не заходил.

— Привет, — сказала она. — Хорошо съедено и хорошо подано.

Переговорное устройство испустило ряд плавных звуков, и хозяйка наклонила набок голову.

Ким лишь надеялась, что эти звуки не являлись эквивалентом «Вы обмочились в скафандр». Во имя пространства, что она здесь делает? Голова у нее раскалывалась, а смесь незнакомой еды бурчала в желудке. Она надеялась, что то, что она сказала, прозвучало вежливо.

Переговорное устройство произнесло:

— Вы или ваше называть как вопросительная интонация.

Черт бы побрал этих лингвов. Не могли, по крайней мере, отладить эту штуку так, чтобы она говорила «вопрос», а не «вопросительная интонация»?

— Ким, — ответила она. — А вы кто?

Обаяшка старательно повторила — Ким, а затем произнесла короткую комбинацию звуков, которую переговорное устройство проигнорировало.

Ким постаралась воспроизвести:

— Са-ме-ка? Са-ме-ка.

У нее никогда не было блестящих способностей к языкам. Неплохие, может, и были, но не блестящие. Однако Са-ме-ка выглядела довольной. Она не отвернулась, как делала — или, возможно, это был какой-нибудь другой Обаяшка — раньше при каждом контакте с людьми.

— Вопросительная интонация Ким связана с плохими или слабыми едоками.

Должно быть, речь идет о других людях, о тех, что были отвергнуты. Что ей сказать? Вакуум бы побрал капитана, втравившую ее во все это!

— Слабые едоки, — сказала она, — научатся от Ким. Они станут хорошими едоками.

— Хорошими или хорошо.

Ким просто сидела, гадая, что бы еще сказать. Са-ме-ка тоже молчала.

Через несколько минут Са-ме-ка наклонилась вперед и коснулась

руки Ким, постукивая кончиками пальцев по коротко остриженным ногтям Ким.

— Ким есть мудрая или трусливая завтра возможно для формальной или серьезной переговорной еды.

Инопланетянка убрала руку и, нарочно не поворачиваясь к Ким спиной, вышла из комнаты.

Какое-то время Ким сидела, тяжело дыша. Теперь ей нужно было возвращаться на корабль, чтобы выяснить, что ей, по мнению капитана и ксенологов, вообще следовало здесь делать.

И если «переговорная еда» станет еще более «формальной или серьезной», Ким просто не сможет ее выдержать. Она начала потеть и вернулась в челнок как раз вовремя, чтобы вернуть всю чужую еду в рециркулятор.

На борту космического корабля капитан Сериналь вызвала Ким на совещание так срочно, что у той почти не хватило времени на то, чтобы избавиться от привкуса желчи во рту. По дороге она пила шипучку, свободной рукой дотрагиваясь до гладкой стены коридора. Ее комбинезон уловил прошедший через ноги разряд и стал бордовым с серебряными зигзагами, чтобы гармонировать с цветом пола.

— Хорошая работа, младший лейтенант, — сказала капитан.

Она сидела в дальнем конце комнаты для совещаний за вращающимся столиком, ее собственный комбинезон пылал ярко-красным цветом. Кивком она велела Ким занять место слева от нее. Пол и потолок, такие же гладкие, как стены, с которыми они встречались в закругленных углах, закручивались бледными узорами, напомнившими Ким выцветшую версию драпировки стола у инопланетян. Ким замутило. Ее комбинезон некоторое время мерцал, выбирая между узорчатым покрытием и стулом «под дерево», и, наконец, остановился на зеленовато-коричневом.

— Мы проследили за вашими переговорами с Обаяшками, — сказала капитан, — в переговорное устройство были вставлены объективы.

На экране около овальной двери появилось изображение комнаты встреч примерно на уровне ключицы Ким.

— Спутники на стационарной орбите передали нам сигналы. Начни сначала и выключи звук, — сказала она технику. — Я хочу выслушать комментарии младшего лейтенанта.

— Я не знала, что делать, — дрогнувшим голосом произнесла Ким.

Капитан Сериналь выглядела удивленной.

— Теперь все кончено, — сказала она. — Все, что вы сделали, похоже, сработало. Я просто хочу прогнать эти переговоры еще раз, пока впечатления свежи у вас в памяти.

— Ладно, — сказала Ким, хоть ей хотелось забиться к себе в каюту, принять успокоительное и вздремнуть.

Они проработали всю встречу до мельчайших деталей, капитан Сериналь и пара ксенологов расспрашивали Ким о каждом слове хозяев, о вкусе каждого соуса и о приблизительной температуре кубка для омовения в конце трапезы. Она отвечала, когда могла, часто говорила «Я не уверена» и как-то ухитрилась пройти через это.

— Завтра, — сказала капитан Сериналь, — вы сможете...

— Может, кто-то другой это сделает? — спросила она. — Теперь, когда вы знаете все этапы?

— Но что, если этапы будут другими? — спросила капитан. — Завтра «формально или серьезно», а это может быть не то же самое. Пока что вы лучше всех реагировали на реплики хозяев.

Ким отнюдь не чувствовала себя лучше всех.

— Я не знала, что делать, — сказала она. — Все это время я не знала, что делать. А завтра, даже если все будет точно так же, я не думаю, что смогу...

— Сможете, — сказала капитан, — и сумеете. — Она одарила Ким начальственным взглядом. — Поспите немного и поешьте чего-нибудь нормального. Затем вернетесь сюда часов через восемь. На этот раз мы сможем дать вам больше — раз мы уже видели, как Обаяшки действуют. Осторожные создания — ну точно как вы.

Ким кивнула и как-то умудрилась добраться до каюты раньше, чем ее снова вывернуло. После новых впечатлений на планете интерьер корабля — даже ее собственной каюты — казался чужеродным. Гладкая поверхность, отталкивающая пыль. Вентиляторы, отсасывающие отработанный воздух и заменяющие его на свежий. Отсутствие звуков и запахов на самом деле не было отсутствием — просто эффективной маскировкой.

Ее сегодняшний путь от челнока до комнаты встреч, пусть он был поспешным и коротким, пробудил острую тоску по земле — скорее, по почве — и по открытому небу. Чужой эквивалент травы — коренастые широколистные кустики, сквозь которые проглядывала земля, заставили ее отчаянно скучать по траве. Или даже по ковру — что угодно, только не этот гладкий, чуть пружинящий материал, образующий интерьер корабля.

Даже с транквилизатором она засыпала с трудом. Ей удалось проглотить немного супа — ничего больше. Ей снилось, что она погружает еду в неправильный соус, и каждый раз, когда она пыталась обмакнуть пальцы в сладкое масло, кубок отбегал прочь на своих маленьких ножках. Са-ме-ка стояла на голове, и улыбка ее постепенно превращалась в оскал, который, в свою очередь... Ким наполовину проснулась и вкатила себе еще одну дозу транквилизатора — последнюю дозу, которую выдал ей корабль. Она была совершенно одуревшей и наконец смогла заснуть.

Но это значило, что когда будильник, вделанный в наручные часы, разбудил ее, и она отправилась на совещание, она все еще была одуревшей. Она натянула свежий комбинезон и быстро проделала ультразвуковой массаж лица. «Я не смогу этого сделать», — прошептала она самой себе.

Все остальные на корабле, похоже, полагали, что сможет.

Долгий миг после того, как Ким прибыла, Са-ме-ка продолжала глядеть на дверь. Ее сопровождали еще два Обаяшки — женского и мужского пола.

— Слабые или плохие едоки хорошо или хорошие вопросительная интонация.

Может, от нее ждали, что на этот раз она кого-то приведет с собой? Может, это и означало «формально или серьезно»? Ее пальцы зарылись в груды тканей на скамье — так, что Обаяшкам за столом этого не было видно.

— Едоки все еще плохие, — сказала она медленно, стараясь говорить твердо. — Они не научились от Ким.

Принято? Са-ме-ка прекратила разговор. Она взяла маленький кувшинчик светло-желтого масла и начала выводить свои узоры.

Ким мысленно вцеплялась в каждое движение. Пища, соус, глоток, погрузить пальцы. Чуть позже настала и очередь этой штуки, напоминающей тухлое молоко, но Ким так сосредоточилась на следующем движении Са-ме-ки и ее напарников, что сглотнула почти механически.

Делай то же, что ты делала раньше, сказала ей капитан, это почти то же самое. Ты все сделаешь правильно. Правда, было несколько деталей, касающихся того, что говорить, а что — нет, но это дало ей не слишком много. «Мы не хотим сбивать тебя, — сказала капитан Сериналь, — предоставив слишком много информации».

Желудок ее урчал и бурно протестовал. Похоже, ее скоро вырвет, подумала она, а это явно не то, что полагается делать. И перед тем, как Са-ме-ка или кто-нибудь другой успели подхватить еще один кусок, она сунула пальцы в масло и начала облизывать их, сражаясь с приступом тошноты.

Обаяшки последовали ее примеру. После того, как юнцы унесли многочисленные чаши и вновь убрали стол, а руки были вымыты и высушены, Ким долгое время сидела, пытаясь справиться с подступающим к горлу желудком. Наконец, когда она почувствовала, что может открыть рот и ее не стошнит при этом, она сказала:

— Наилучшие пожелания. Хорошо съедено.

Са-ме-ка ответила соответственно. Опять молчание. Ким проклинала себя за то, что она завершила трапезу. Это явно означало, что ноша беседы будет возложена на нее.

Она пыталась думать о последнем инструктаже. У Обаяшек были сложные астрономические обсерватории, но космических полетов не было. И согласно показаниям корабельных приборов, ядерного оружия у них не было тоже, а если и было — они никогда его не использовали. Они вообще почти не использовали оружия, по всей видимости, сводя конфликты к бесконечным переговорам. Если вас оскорбили, надлежало повернуться спиной к оскорбителю — Обаяшки явно не убивали друг друга ударом в спину. Она гадала — как они поладят с людьми.

Са-ме-ка и остальные двое, казалось, точно так же, как и Ким, старались не сделать какой-нибудь ошибки. Ким уже думала, что они, вчетвером, будут сидеть тут вечно, не зная, каким будет следующий шаг, и не желая совершить промах.

Только мысль об очередном инструктаже у капитана и о затянувшемся обсуждении этого бесконечного молчания, наконец, подтолкнула Ким к разговору.

— Что вы хотите, чтобы я сказала? — спросила она.

Са-ме-ка заколебалась.

— Говорить вместе вопросительная интонация.

Ким могла перевести это двояко: либо Са-ме-ка спрашивала, будет ли Ким разговаривать с остальными Обаяшками, либо готова ли она вообще к разговору. В любом случае, она полагала, ей следует ответить «да».

— Да, — сказала она.

Три аборигена сгрудились потеснее, точно секретничающие дети. Переговорное устройство выхватило несколько созвучий, но поскольку они были отрывочными, отдельные слова не имели смысла. У Ким началась такая головная боль, что она почти забыла о состоянии своего

желудка.

— Что мы тут делаем? — прошептала она.

Переговорное устройство перевело.

Ким почувствовала, как кровь отливает от лица. Обаяшки прервали свою дискуссию и устали на нее.

— Ким говорит с Ким, — сказала Са-ме-ка в переговорник.

Отвечай сама на свой вопрос, это она имела в виду. Ох, пространство и время. Сколько раз она спрашивала себя об этом за последние четыре года? Эта цифра уже приближалась к бесконечности. И насколько она была уверена, что знает ответ? Ведь если она даже могла понять, что именно она тут делает, откуда она знала, что у капитана Сериналь нет секретного приказа поработить и эксплуатировать аборигенов? Но сейчас неподходящее время для развития этой мысли.

— Мы пытаемся понять разные вещи, — сказала она медленно. — Мы задаем вопросы и пытаемся найти ответ.

Это переговорник сможет передать? — гадала она. Может, Обаяшки лучше поймут его, чем она, или же их сторона тоже сбита с толку глупостями вроде «вопросительная интонация»?

— Мы посмотрим на звезды, как и вы. Мы нашли много ответов и много вопросов. Потом мы научились путешествовать между звездами.

Черт бы побрал капитана Сериналь. Ей бы следовало находиться тут вместо Ким.

— Мы плохие едоки, — сказала она, — но мы хотим учиться, даже если мы напуганы, даже если мы не знаем, что сказать или что сделать.

Переговорник продолжал говорить еще некоторое время после того, как Ким умолкла, переводя ее слова на язык Обаяшек. Она обнаружила, что старается дышать осторожно — медленно набирая воздух и проталкивая его поглубже в грудную клетку.

Затем несколько минут Обаяшки сидели неподвижно. О чем они думали? И что подумает капитан после того, как услышит то, что она только что сказала? Она ведь представила человечество напуганным, сбившимся с толку, хотя на самом деле это она чувствовала себя так.

Ким ждала, когда заговорит Са-ме-ка. Ей было мутно, и она чувствовала какую-то отстраненность от происходящего — даже ощущала свой собственный участвовавший пульс. Обаяшка склонилась вперед и снова дотронулась до руки Ким.

— Все или всегда плохие или слабые едоки, — сказала она. — Все или всегда добывают знания, борясь или торгуясь со страхом.

Ким дотронулась своей рукой до руки Са-ме-ки, ощущая слегка маслянистую кожу, толстые ногти. Всё или всегда борется или торгуется со страхом, — подумала она. Капитан Сериналь, уверенная в каждом своем решении, с этим не согласится. И большинство членов команды — тоже; сначала вы решаете, что делать, а потом выполняете решение, — говорил ей Калейб, один из ксенологов. Если ты растерялся, ты проиграл.

— Давай устроим переговорную еду завтра, — сказала она Са-ме-ке. — Ким нужно поговорить с другими едоками.

Они заставят ее продолжать, понимала она, потому что они все слишком уверены в своих способностях и профессиональной пригодности. Обаяшки просто не поймут никого, кто будет бороться или торговаться, не испытывая при этом страх, как испытывала она.

Ким вежливо попятилась к выходу с переполненным, напряженным желудком, пытаясь понять, что хуже — капитан или аборигены.

Они стоят друг друга, решила она. Она надеялась, что не наживет язвы. Ей представился звездный корабль, непобедимый металлический организм, пролетающий в небе над ее головой и глядящий вниз на этот мир и на нее своими зоркими глазами. Новый полномочный посол неуверенной походкой брела к челноку, стараясь справиться с позывами рвоты.

Наукософия

Метте Брюль, Нина Люкке

Космонавтика и астрология: гадания о космической судьбе⁶

«Террадеяние» — это концепция, рожденная современными космическими полетами. Цель ее — в сотворении новых земель, превращение разнообразных неприспособленных для жизни небесных тел в земные, пригодные для жизни планеты, своего рода «кибернетические» Земли. То, что звучит сегодня научной фантастикой, может стать реальной перспективой в грядущем освоении космоса.

Оглянувшись назад на три-четыре столетия, мы увидим всю историю нашей планеты огромным проектом по террадеянию. В отличие от предыдущих культур научная революция с ее механистическим подходом изменила не только изолированные экосистемы, но, наоборот, всему — к лучшему или худшему — придала смысл террадеяния, переделки всех измерений, составляющих тело нашей Земли, Терры. В результате сегодня мы не просто обеспокоены, как то было в прошлом, той или иной местной неурядицей, но вынуждены искать перспективу изменения и исцеления всей планеты.

«Женщины за здоровую планету» и подобные лозунги женских

⁶ © Nina Lykke and Mette Bryld. Between Terraforming and Fortune-Telling Space Flight and Astrology Ambivalences of a Post-Modern World — «GENDER-NATURE-CULTURE», Working Paper 6, 1994 — Печатается с согласия авторов.

экологических движений — ясный знак этой перспективы. Многие женщины рассматривают космонавтику как проявление механической цивилизации, и потому — нечто внешнее по отношению к ним самим, природе, материнству, Земле.

Цель настоящего раздела⁷ состоит в рассмотрении феминистской перспективы, обнаруживающей всепланетную актуальность этих направлений. В наш полный кризисами век мы обращаемся к тому, что может быть определено как Иное: природе, материи, телу, матери, всему содержанию Земли и Космоса как жизненно важным условиям жизни. Как же феминистское движение может помочь переосмыслению этого Иного с тем, чтобы обеспечить длительное общественное и экологическое сосуществование Земли и Космоса?

Возьмем за отправную точку две противоположных реакции на современный кризис, в котором — вся противоречивость нашего времени. С одной стороны, мы видим вызов науки и технологии. С другой стороны — радикально отрицающие современную науку и технологию направления, которые видят выход в возврате к архаичным системам мышления. Это, например, очевидное сегодня возрождение древних языческих религий и ритуалов (хороший пример тому — феминистское движение Богини-матери) и заметный рост интереса к старым оккультным астрологическим дисциплинам, а также многие подобные феномены культуры постиндустриальных обществ.

Будучи представительницами двух течений — научного и духовного, — мы выбрали в качестве темы космонавтику и астрологию. Несмотря на категорические различия, эти два направления имеют тем не менее единый объект — космос, и им обоим свойственна глобальность взгляда.

«Мир большой науки выглядит мужским, корпускулярным, организованным по приоритетам, — как писали в 1991 году американские исследователи Спенглер и Томисон, — в то время как оккультные науки представляются мягкими, женственными, интуитивными, маргинальными. Они ведут в униженную ныне страну ведовства, хиромантии, лозоходства, геомантии, астрологии, кирлианских аур и морфогенетических полей».

Очевидно, что большой космос астронавтов и Потусторонняя вселенная астрологов — абсолютно разные сферы. Для первых — это пространство неизведанного, полное неограниченных ресурсов, застывшая в ожидании предприимчивых современных исследователей целина. Как утверждение будущего человечества, освоение космоса предстает следующим отчаянным, но неизбежным шагом по эволюционным ступеням.

Экологический кризис приводит к пониманию необходимости в изменении нашего подхода к Иному, то есть к Природе, Матери и Земле.

Для астрологии же космос предстает не пассивно ждущей пустотой, но воплощением Судьбы, определяющей наши истоки и назначение, жизнь и смерть. Вселенная как судьба и неизбежное прошлое часто соотносима с женским началом, будь то греческие Мойры или римская

7 Вся эта часть основана на более широком исследовании «Пол, космос и новое видение мира». Эмпирическая часть опирается на интервью с мужчинами и женщинами — учеными Космического Центра имени Джона Кеннеди в США и Института Космических Исследований в Москве, а также с русскими и датскими астрологами.

Фортуна, не оставляющие необходимого любому современному научному исследованию фундамента свободы мышления и самоопределения, контроля над материей. Астрология не признает главенства сознания над материей, но утверждает принцип их взаимопроникновения, взаимообусловленности их движений⁸.

В контексте космонавтики Космос выступает Отцом, в то время как для астрологов это скорее материнское начало. Радиоволны в космосе несут преимущественно мужские голоса, так же как проблемы космонавтики вызывают интерес преимущественно мужского населения. Сфера астрологии по контрасту озвучена голосами обоих полов и привлекает к себе как мужчин, так и женщин, но, как нам кажется, отличается главным образом женским присутствием.

Классические науки демифологизировали космологию, представляя природу пассивной, мертвой, инертной материей, определяя ее отсутствием того, что является позитивными характеристиками для самих этих наук разума, смысла, свободной воли, самоопределения. Направляя технологию и промышленность, механистическая наука непосредственно конструирует свое видение природы и согласно ему способна изменить в процессе террадеяния истинную натуру Земли. Объективные ценности современной науки порождают эскапистскую — техническую фантазию, страдающие гигантоманией проекты изменения космоса, террадеяния в галактических масштабах.

Со времен речи президента Кеннеди в 1961 году, посвященной программе полета человека на Луну, обозначаются новые точки отсчета и современные границы технической мысли. Космические достижения человечества рожают две связанные меж собою серии представлений. Во-первых, это изменение идеи об ограниченности природных ресурсов и пространств. Земля, казавшаяся так недавно маленькой и истощенной, неожиданно превращается в часть изобильного макрокосмоса. Словно бы осуществив уже космическую одиссею, мы начинаем представлять себе путешествия в открытом пространстве рутинным способом новой колонизации, сравнимым с плаваниями Колумба и Магеллана или даже с авантюрами Льюиса и Кларка, возглавивших разведку ресурсов Миссури; мы попросту ищем новые внеземные прииски, вступая тем самым в эпоху новых географических открытий проверенным имперским путем.

Второй комплекс представлений являет нам новый «черный континент» вне любого мыслимого ранее земного предела, всю ту же ждущую освоения пустошь, сходную с Америкой или Африкой до вторжения белого человека или даже дореволюционной Россией в советском видении огромной страны как пространства, подлежащего террадеянию.

Оба комплекса являют нам новое видение, картину голубой планеты космического века. Существовавшие ранее картины земного бытия сменяет изображение человека на небольшой голубой планете. Все человечество как продукт ступившей на почву из океана эволюции делает очередной космический шаг, который становится очередной программой. Мы превращаемся в людей голубой планеты, и наше новое понимание

⁸ В контексте астрологии мы используем концепцию синхронности, отталкиваясь от теорий К. Г. Юнга. Тут не лишне вспомнить книги Л. Иригарей, чьи теории о половых различиях и женственности играют значительную роль в феминизме. Тема книги — ранние отношения матери и дочери.

родины является на телевизионных заставках, со спутников, на сотни миль за нашими головами предсказывающих завтрашнюю погоду, с рисунков на футболках из космических музеев по всему нашему миру, словно мы марсиане, для которых Земля в диковинку Воистину, мы стоим на границе столь измененной за последние столетия Земли и заатмосферы, зовущего к титаническим потугам, результатом которых должно стать пресловутое «благо всего человечества».

Очевидно, что космические исследования на теоретическом, практическом и организационном уровне традиционно являются сферой мужского влияния. Во-первых, они — продукт точных наук, Большой науки, все еще возглавляемой мужчинами. Статистика на 1987 год показывает, что ученые-мужчины составляют в американском космическом центре имени Кеннеди 90 %. Наше посещение московского Центра Космических Исследований в 1991 году также не оставило сомнений в том, что космос для русских представляют мужчины. Очевидна также прямая зависимость военных и космических исследований в обеих странах. Их символ — мускулистая фигура астронавта, как правило, бывшего летчика-испытателя или просто военного пилота Женщины, впрочем, принимают некоторое участие. Их две в Советском Союзе⁹, где еще сильна поговорка: «Курица не птица, женщина не человек», то есть едва ли способна к полету.

Однобокому пониманию реального космоса способствуют также героические эпопеи, написанные авторами-мужчинами на потребу мужской публике. Члены крупного частного всеамериканского клуба, называемого Планетарным Обществом, по сходным причинам преимущественно мужчины¹⁰. Надо сказать, что без конца продуцируемое ныне литературное изображение космоса было представлено еще Константином Циолковским в научно-фантастической повести «Вне Земли», написанной в 1918 году, где он описал космический корабль пионеров нового Исхода человечества, несущийся к искусственным самообеспечиваемым мирам, кочевников в космической пустыне (а в современном контексте — жителей окраин Земли или новоосвоенных планет).

О каких слабых местах подобного проекта можно говорить, когда перед ними такое изобилие энергии и разнообразных ресурсов! Свобода и процветание в новом мире, где навсегда забыты болезни, голод, и нищета, и экономические кризисы. Высшим же удовольствием среди всего набора радостей автору представляется невесомость — свобода от всякого влияния тела Земли. Но едва космические эмигранты создают свой новый мир (буквально на пустом месте, ex nihilo), искусственно изменяемая гравитация начинает приносить телесные радости. Вот сцена, когда ее регулируют по земному уровню: «Как приятно ощущать невольное напряжение мышц, когда встаешь или поднимаешь руки! Но они побледили с непривычки... И когда все кончилось, они вздохнули с облегчением...»

Собственное тело видится человеку уже не объективной необходимостью, а одним из возможных условий, предметом выбора,

9 По данным на 1991 год (*Примеч. ред.*)

10 На 1989 год членами этого общества были 125 тысяч человек, активно призывающих американских политиков увеличить космические статьи бюджета страны.

частью виртуальной реальности, киберкосмоса, в который, по желанию, можно войти или покинуть его.

Циолковскому также принадлежит едва ли не самая весомая метафора о космонавтике, поднимающая мечты об Исходе с Земли на фило- и онтогенетический уровень: «Планета — это колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели»¹¹. Хотя это было написано в 1911 году, популярность фразы подтверждает ее живучесть и силу.

Посмотрим теперь чуть пристальнее на образ восстающего из люльки человечества, и, возможно, красочная метафора пояснит нам, почему жизнь в космосе выглядит столь отчетливо мужской стезей. Сентенция утверждает, что мы достаточно прожили в детской зависимости от Земли и настало время покинуть наконец материнскую утробу и начать зрелую и независимую жизнь.

На сегодняшний день мы, похоже, вышли из чрева. Однако, вопреки Циолковскому, освоение космоса, особенно с конца семидесятых годов, все больше открывает зависимость Земли от нас. Планета выглядит теперь престарелой, хрупкой матерью, которой мы бесконечно обязаны.

По словам советского космонавта Павла Поповича, Земля — это «мать-старушка, полностью зависимая от нас, ее детей». И в самом деле, некоторые акции за сохранение нашего общественного и культурного наследия основаны на идее о том, что мы, взрослые дети Земли, должны окружить планету заботой, достойной любимых родителей, освободить ее от бремени широкомасштабной разработки недр, грязной промышленности и демографических взрывов. Удаление любого мусора с тела Земли в космос могло бы исцелить планету, которая превратилась бы в мирный заповедник.

«Земля может быть сохранена как сокровище, словно парк или заказник, в то время как промышленность и горное дело мы выслали бы на Луну и астероиды», — писал в своей книге со знаменательным заглавием «Потревоженная вселенная» (1979) известный физик, консультант НАСА Фримэн Дайсон. На Востоке известный академик-философ А. Д. Урсул недавно отстаивал идею о разделении космоса на индустриальные небеса и земные зоны отдыха, совершенной утопии, где перемежаются работа и свободное время, человек-робот и человек в своем естестве, и каждый имеет свое место в строгой иерархии¹².

Огромный курорт посреди пульсирующего промышленного космоса, мать-Земля как «святой дом», где, если позволят наши будущие космические обязанности, мы найдем наше последнее пристанище. Совершается полный оборот колеса меж нашим мифологическим рождением и утопическим концом в райском саду с Землею, покрытою цветами, будто приоткрытый рай, и космической цивилизацией в роли ее садовника, безупречным единением грядущего царства Девы и заботливого Бога-Отца в райских играх на искусственных полях.

Как бы то ни было, Земля не просто мать-старушка в современных представлениях. Женственность нашей планеты вполне отчетливо видна в ученой дискуссии 70-х — 80-х гг., основной вопрос которой — в причинах

11 В контексте языка того времени под разумом безусловно подразумевалось человечество.

12 Урсул предвидел также использование новых космических кораблей-челноков, менее загрязняющих атмосферу и не повреждающих озоновый слой.

беременности планеты жизнью.

Любые мыслимые спекуляции на этот счет восходят еще к началу века (1908), когда шведский химик Сванте Аррениус развил теорию о натуральном оплодотворении Земли рассеянным по всей вселенной семенем жизни. В шестидесятые годы теории космической спермы были возрождены, причинами же стали гипотезы рождения вселенной в результате космического оргазма, он же Большой взрыв, или — возможно — эксперименты по искусственному оплодотворению спермой «из холодильника». Главной же причиной скорее всего стали возрожденные потуги поиска внеземной жизни, оформившиеся в науку, предполагающую существование суперцивилизаций¹³.

Наиболее образная и радикальная идея о космическом семени была выдвинута нобелевским лауреатом Фрэнсисом Криком, который прямо связывал оплодотворение Земли с межпланетными путешествиями и могущественным внеземным разумом. По его мнению, древняя, в высшей степени развитая цивилизация, обитающая вне планет, миллиарды лет назад пустила ракету в девственное земное лоно. Спекуляции Крика сводятся к следующему: «Жизнь началась, когда эти структуры упали в первобытный океан и принялись множиться»¹⁴. Возникла ли земная жизнь путем насилия или непорочного зачатия — так или иначе родилась дискуссия. (Возможно, что противоречие ее сторон состоит лишь в обсуждении вопроса, совершилось ли все с согласия Земли, или она была просто «выбрана» среди других тел небесных, чисто в аристотелевском контексте, выполняя лишь роль пассивного приятия космического семени.)

Все эти дискуссии так или иначе рождают образ «космического семени», некоей «панспермы», чередующийся с видением будущего человечества в роли космического садовника. Обе картины сливаются в единое изображение, в котором не только превращение Земли в райские кущи, но и задачи сеятеля, оставляющего за собою зеленый след в небесной пустоте. Мы способны, по выражению, бытующему у русских, стать творцами космоса. Глава книги Дэйсона (1979), в которой он предполагает возможность садоводства на астероидах посредством генетических манипуляций, названа «Озеленение галактики». Джеймс Лавлок, известный эзотерическими взглядами на планету как на Гею — живое чувствующее существо, — является одновременно соавтором книги по озеленению Марса (The Greening of Mars, 1985), название которой не нуждается в комментариях. Скажем в заключение, что эпос будущего астро- и космонавтики основан на той же идее космического оплодотворения, разве что квазибожественное «космическое семя» заменяется поднявшимся из колыбели вселенским героем-человеком, повторяющим библейский генезис.

Подводя итоги, мы видим, во-первых, мифологическую древнюю версию Земли как женственной троицы — девы, матери и старухи.

13 Обсуждение научности этих гипотез, а также возможностей существования внеземного разума было представлено книгами В. Шкловского и К. Сагана (1968). В отношении обсуждения «космического семени» они противостоят Крику и Оргелу.

14 Известно, что жена Крика пыталась убедить мужа в ненаучности и фаллоцентризме его гипотез. Советскому же ученому Л. В. Лескову эти же гипотезы служили аргументами для доказательства существования внеземной цивилизации-создателя.

Кэролин Мерчент в книге «Смерть природы» (The Death of Nature, 1980) представляет все следующие с семнадцатого века научные идеи как своего рода садистские лозунги насилия и пыток природы. Что же до космического контекста от Циолковского до Дайсона с Урсулом, от осознания приобретенной «независимости» до грядущего переустройства, сейчас мы видим лишь необходимость в исцелении ран изнасилованной матери нашей, «жемчужины в космосе».

Космические письма Мойры

Космонавтикой представлена все реакция на кризис механистического террадеяния, основанного, в свою очередь, на современной науке и технологии. Альтернативой космонавтике являются радикальные призывы о прекращении всяких научно-технических изысканий и возрождении существовавших до того идей. Современная астрология выглядит именно такой альтернативой. В астрологической вселенной мы определяемы космосом, как бы играем по его правилам. Наша космическая цель — не в героической колонизации, но в приятии запредельного космического назначения, признания одновременного со всеми вселенскими ритмами и движениями нашего с космосом бытия.

Известные астрономы, такие как Кеплер, Тихо Браге и Галилей, противопоставляют астрологии более актуальные идеи: видение окружающего в конкретный момент времени, демифологизация космологии и т. д., идеи, в свете которых Земля и другие планеты просто движутся вокруг Солнца с точностью часового механизма — прототипа этой модели. Совместно с другими оккультными науками, астрология восходит на костер и становится едва ли не криминальной дисциплиной, запрещенной, например, в Англии законом о ведьмовстве 1735 года и актом против бродяжничества 1829 года, осуждавшим любое прорицание, в том числе астрологию. Несмотря на забытые крайности, эти запреты все еще сказывались на практике астрологов середины нашего века¹⁵.

В рациональном научном видении современности просто нет места мифической космологии и в особенности — для веры в Судьбу — синхронности жизни макро- и микрокосмоса, космоса и человеческого тела. Было просто запрещено все противоречащее новой гуманистической идее, основанной на рациональном самоопределении и разуме превыше материи. Оставаясь все же частью массовой культуры, астрология не теряла своей привлекательности в Новое время, вызывая интерес как демоническое Иное, альтернатива научному мировоззрению, подвергающее сомнению веру в то, что все явления в небесах могут быть видны в телескоп и описаны в соответствии с математическими и физическими законами. Современный кризис подобных взглядов дал астрологии больше жизненного пространства, ее влияние неуклонно повышалось на гребне волны спиритуального возрождения, вылившейся в движение Нью-Эйдж, и явилось просто взрывом в странах восточной и центральной Европы после падения там коммунизма. Но, несмотря на то, что астрология обрела под собою значительно более твердую почву в

15 Действие английского Акта о Ведьмовстве от 1735 года было остановлено в 1951 году, но оккультисты были оставлены под подозрением, сменившим его еще более строгим Актом против мошенников-медиумов (Fraudulent Medium Act), (Sj8-8. 1992, 294-295).

культуре постиндустриального общества, она все еще представляется чуждой большой науке, будучи своего рода демонической точкой соприкосновения с космической судьбой, определяющей вопросы рождения и смерти. Представим себе, что подобные вопросы сводимы лишь к одному, а именно к вопросу о верховном Ином, лежащем вне всякого нашего контроля, Ином, которое правит нами.

Попробуем обратиться вновь к теориям *écriture feminine*, дабы более ярко представить весь жизненный контекст астрологии, к работам психолингвиста и культуролога Юлии Кристевой, пытавшейся исследовать языковые следы древнейших связей, женского в семиотическом пространстве языка.

Прежде всего сам объект астрологии может быть принципиально описан как знаковая система, как язык, в котором представлены или описаны символические сочетания (знаки Зодиака, планеты и созвездия), безусловно отличные от символов нашего «нормального» языка. Для тех, кто верит в планетарные предназначения, они предстают естественными космическими внечеловеческими письменами.

Астрология прочно основана на древнейшей неискоренимой вере в то, что человеческое тело прочно связано с космосом, таким же живым как оно само. «Как свыше, так и внизу» — согласно старой астрологической формуле, вселенная находит свое отражение в микрокосмосе человеческого тела. Этот естественный путь мышления — основа астрологии, как в ее изначальном контексте, так и сегодня. В концепции астрологии все — каждая из звезд, планет, равно как и их комбинация в момент рождения человека — уникальны, и человеческая индивидуальность — продолжение этой уникальности в ходе внутренних телесных процессов в бесчисленных изменениях всех сущих тел вселенной. Таким образом, мы видим космос, в котором все связано со всем, и частица определяема всей системой, равно как в свою очередь изменяет ее.

В астрологии Зодиак и планеты — это не мертвые тела в механистических отношениях, но, напротив, живые человеческие и животные создания различных полов, совокупляющиеся друг с другом в непрерывном обращении созвездий: Венера во Льве, Марс в Скорпионе, Луна в Деве, Солнце в Близнецах и т. д. Точно так же и отдельное человеческое тело в астрологии никогда не замкнуто своим индивидуализмом. Назначение и существование индивидуума определено космическими отношениями в момент рождения, и связь астральных тел представляется небесным зачатием. Внутренние и внешние части человеческого тела также соотнесены с определенными знаками Зодиака и планетами. Эти связи играют главенствующую роль в медицинской астрологии. Деятельность кишечника и пищеварительной системы управляема, например планетой Меркурием и зодиакальным знаком Девы, одновременно являющейся небесным отражением женских гениталий. В другой последовательности Марс и знак Скорпиона олицетворяют гениталии мужские, симбиоз человека и космоса.

Назад возврата нет

Мы — белые датские исследовательницы-феминистки, выросшие в современном рационалистическом обществе и получившие современное научное образование. Как феминистки мы особенно чувствительны к

доминирующим и угнетенным структурам в современном обществе и мире. Следовательно, мы, например, особенно ясно видим причины, почему духовные поиски Иного часто радикально отрицаемы современным мировоззрением.

Простое утверждение о существовании противоречий, конечно, не может решить каких-либо проблем. Неверным был бы также простой выбор одной из сторон, переворот иерархий и выведение наверх астрологии. Хотя астрология и оппозиционна механистическим концепциям, выбор одного лишь астрологического мировоззрения привел бы к репрессиям против научного подхода, что представляется, помимо всего прочего, невозможным, уж слишком современный мир — к лучшему или нет — развращен идеями макровоздействий. Точка возврата пройдена, и проекты механистического терра-, умо-, теладеяния будут развиваться.

В отношении космонавтики мы можем упомянуть три аспекта. Прежде всего, это ее вклад в наше понимание Земли не фрагментарным, но истинно глобальным образом. Без фотографий нашей планеты из открытого космоса, без всего небесного паноптикума едва ли вообще были подняты столь важные для феминизма и экологии планетарные вопросы. Во-вторых, появился новый подход к Земле, от призывов к насилию мы повернулись к защите планеты. А забота уже в любом случае лучше убийства. В-третьих, старый образ шара, как выражения чистой математики, сменился голубой планетой, возрождающей старые образы и дарующей почву новым. Наша планета уже никогда не явится мертвой и пассивной составляющей разума, теперь она видится нам материнским чревом, где зреет будущее, хрупким живым организмом, имеющим собственные права.

Что же до астрологии, то репрессированная оккультная наука, уже своей возрожденной и стремительно растущей популярностью добавляет новые черты современности. Благодаря астрологии мы учимся пониманию всей бесконечной сложности мира, распознаем нерушимые связи человеческого тела и разума, Земли и телесно живущего космоса.

Хотя растущий интерес к астрологии возможно не связан непосредственно с женским, но женщины, как второй полноправный вселенский голос, могут представить духовный путь, Иное, возможно сыгравший большую роль в драме грядущей цивилизации постиндустриальной культуры.

В соревновании между двумя точками зрения не может быть побежденных и победителей, но лишь перспектива дальнейшего как субъективного, так и объективного осознания всей вселенной.

Инвариант

Продолжаем публикацию глав книги А. де Токвиля, находящейся в центре дискуссий в современной Америке. Предыдущие главы:

Предисловие к журнальной публикации. Введение. Гл. I. Внешние очертания Северной Америки. — № 4, 1994; Гл. II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5, 1994; Гл. III. Общественный строй англоамериканцев. Гл. IV. О принципе народовластия в Америке. — № 6, 1994; Гл. V. Необходимость изучить

происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом. — № 1-2, 1995; Гл. VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство общества. Гл. VII. О политической юстиции в Соединенных Штатах. — № 3, 1995.

Алексис де Токвиль (1805-1859) Демократия в Америке¹⁶

Глава VIII О ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ

До сих пор я рассматривал каждый штат как некое отдельное целое и указывал на различные механизмы общественной жизни, приводимые в движение самим народом, а также на различные средства, используемые им. Однако все штаты, о которых я говорил как о независимых государствах, в определенных случаях все же обязаны подчиняться верховной власти, а именно власти всего Союза в целом. Наконец пришло время описать те полномочия верховной власти, которые были переданы Союзу, и одновременно бросить беглый взгляд на федеральную конституцию¹⁷.

ИСТОРИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ

Происхождение первого Союза. — Его слабость. — Конгресс обращается к учредительной власти. — Двухлетний отрезок времени, отделяющий этот момент от даты обнародования новой конституции.

Тринадцать колоний, которые одновременно освободились от господства Англии в конце прошлого века, имели, как уже было отмечено мною выше, общую религию, общий язык, общие обычаи и почти одинаковые законы. Они вели борьбу с общим врагом, и, следовательно, у них неизбежно должны были найтись серьезные причины к образованию тесного союза и слиянию в единую нацию.

Между тем каждая колония жила своей собственной жизнью и имела свое собственное правительство, у каждой из них сложились особые интересы и традиции. Вследствие этого все они активно противились созданию описанного выше прочного и всестороннего союза, который приобрел бы свою значимость в результате утраты индивидуальной роли каждой из них. Отсюда вытекают две противоположные тенденции: одна подталкивала англоамериканцев к объединению, другая же приводила их к разъединению.

Пока шла война с метрополией, жизненная необходимость заставляла отдавать предпочтение принципу объединения. И хотя законы, на основании которых был учрежден данный союз, были весьма несовершенны, взаимосвязь между штатами продолжала существовать¹⁸.

¹⁶ Публикуется по изданию: Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., Прогресс, 1992. Продолжение. Начало см.: №№ 4-6 за 1994 г., №№ 1-3 за 1995 г.

¹⁷ См. текст федеральной конституции.

¹⁸ См. статьи первой конфедерации, образованной в 1778 году. Всеми штатами данная конституция была принята лишь в 1781 году. См. также анализ этой конституции,

Однако как только мир был заключен, пороки законодательства проявились со всей очевидностью: государство распалось фактически на глазах. Каждая колония, обретя независимость, стала полностью суверенной республикой. Федеральное правительство, которое сама конституция обрекла на бессилие и которое колонии перестали поддерживать, почувствовав отсутствие общей для всех опасности, потеряло свой авторитет настолько, что флаг Соединенных Штатов превратился в объект для насмешек со стороны всех великих народов Европы. Это правительство не могло даже найти возможность дать отпор индейским племенам и одновременно выплачивать проценты по займам, сделанным им в период Войны за независимость. Находясь на краю гибели, оно официально объявило себя недееспособным и призвало на помощь учредительную власть¹⁹.

Если Америке когда-либо и удавалось хотя бы на мгновение подняться до того высочайшего пика славы, которую ее жители, обуреваемые гордостью, желали бы навечно внедрить в наше сознание, то это, пожалуй, произошло в тот торжественный момент, когда общенациональная власть в некотором смысле отреклась от своего господства.

Нет ничего необыкновенного в том, что тот или иной народ энергично борется за свою независимость, — в каждом столетии мы можем увидеть такие примеры. Кстати, усилия, предпринятые американцами с тем, чтобы избавиться от владычества англичан, сильно преувеличены. Отделенные от своего противника океанскими просторами протяженностью в 1300 лье и поддерживаемые могущественным союзником, Соединенные Штаты обязаны своей победой в гораздо большей степени своему географическому расположению, нежели силе своего оружия или патриотизму граждан. Кто решился бы сравнивать войну американцев с войнами периода Французской революции, а усилия Соединенных Штатов — с нашими усилиями, когда Франция, отражая атаки буквально всей Европы, без денег, без кредитов, без союзников, бросала двадцатую часть своего населения навстречу неприятелю, одной рукой туша пожар, охвативший всю страну, а в другой держа факел, освещающий все вокруг? Однако новое в истории человечества состояло все-таки в том, что великий народ, извещенный своими законодателями об остановке правительственной машины, без лишней поспешности и без страха обратил внимание на самого себя, оценил глубину зла и, сдерживая себя на протяжении двух лет, попытался найти то средство, которое бы его спасло, а уже найдя это средство, подчинился ему добровольно, не пролив ни единой слезы и ни малейшей капли крови.

Когда недостатки первой конституции стали для всех очевидными, брожение политических страстей, вылившееся в революцию, отчасти уже улеглось, а все великие люди, порожденные этой революцией, были еще живы. Для Америки это оказалось двойной удачей. В немногочисленной ассамблее²⁰, которая принялась за составление второй конституции,

приведенный в «Федералисте» (№ 15-22), а также Стори. Комментарии к Конституции Соединенных Штатов, с. 85 — 115

19 Конгресс сделал это заявление 21 февраля 1787 года.

20 В ее состав входили всего 55 членов, в числе которых Вашингтон, Мэдисон, Гамильтон и двое Моррисов.

участвовали лучшие умы и благороднейшие характеры, которые когда-либо встречались в Новом Свете. Председательствовал на этой ассамблее Джордж Вашингтон.

Это общенациональная комиссия после продолжительных и вдумчивых обсуждений представила наконец на утверждение народа свод основных законов, которые вплоть до наших дней определяют жизнь Союза. Постепенно все штаты, один за другим, приняли его²¹. Новое федеральное правительство приступило к исполнению своих обязанностей с 1789 году, после двухлетнего периода междуцарствия. Таким образом, Американская революция кончилась как раз тогда, когда началась наша.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ

Разделение власти между федеральным правительством и правительствами отдельных штатов. — Правительства штатов являются органами, действующими на основе общего права, тогда как федеральное правительство — на основе чрезвычайного права.

Американцы столкнулись с первой трудностью: речь шла о разделении власти таким образом, чтобы различные штаты, входящие в состав Союза, продолжали управлять своими делами самостоятельно во всем, что касается их внутреннего благосостояния, и чтобы при этом вся нация, представленная Союзом, существовала как единое целое и обладала бы властью, необходимой для обеспечения всех общих для нее потребностей. Задача эта оказалась весьма сложной и трудноразрешимой.

Было совершенно невозможно заранее со всей точностью и полнотой установить, какие полномочия при разделении верховной власти должны перейти к правительству штата, а какие — к федеральному правительству.

Кто мог наперед предвидеть все мельчайшие подробности повседневной жизни народа?

Права и обязанности федерального правительства было просто и легко установить, потому что сам Союз был создан с целью удовлетворения некоторых наиболее общих для всех потребностей. Права и обязанности правительств штатов оказались, напротив, весьма многочисленными и сложными, поскольку эти правительства вмешивались во все подробности жизни общества.

Таким образом, сначала со всей тщательностью были определены полномочия федерального правительства, а затем было заявлено, что все те полномочия которые не вошли в этот перечень, передаются в компетенцию правительств штатов. Следовательно, правительствам штатов были предоставлены все общие права, тогда как федеральное правительство оставило за собой лишь чрезвычайные²².

21 Принимали ее вовсе не законодатели, а специально с этой целью выбранные народом депутаты. Новая конституция стала предметом самых основательных и жарких дискуссий в ходе ассамблей, проходивших в каждом штате.

22 См. поправки к федеральной конституции. «Федералист», № 132; Стори, с. 711; Кент. Комментарий, т. 1, с. 364.

Следует также отметить, что в тех случаях, когда конституция не предоставляет конгрессу чрезвычайного права решать те или иные вопросы, штаты могут делать это сами до тех пор, пока конгресс не соизволит этим заняться. Например, конгресс имеет право издать общий закон о банкротстве, однако не делает этого: каждый штат в таком

Но как и предполагалось, на практике могут возникать вопросы о точных пределах компетенции этого исключительного по своему характеру правительства, а поскольку было опасно оставлять решение данных проблем на усмотрение обычных судов, образованных в различных штатах самими же штатами, то в связи с этим был учрежден федеральный Верховный суд, уникальное судебное учреждение, одной из прерогатив которого было поддержание того разделения власти между двумя соперничающими правительствами, которое было изначально установлено самой конституцией²³.

ПРЕРОГАТИВЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Предоставление федеральному правительству права заключать мир, объявлять войну, устанавливая общие налоги. — Области внутренней политики, которые находятся в его ведении. — Правительство Союза, более централизованное в некоторых отношениях, нежели королевская власть в эпоху старой французской монархии.

Народы вступают в отношения друг с другом подобно тому, как это делают отдельные люди. Следовательно, для того чтобы успешно поддерживать взаимоотношения с иностранными государствами, нации необходимо единое правительство.

И Союзу было предоставлено исключительное право заключать мир и объявлять войну, заключать торговые соглашения, формировать армию, создавать и содержать военно-морской флот.

Необходимость создания общенационального правительства ощущается менее настоятельно в процессе управления внутренними делами общества.

Однако и в этой области существуют определенные, общие для всех

случае может принять этот закон в том виде, в каком ему захочется. Впрочем, данное правило было установлено лишь после длительных обсуждений в судах, ибо оно имеет самое непосредственное отношение к юриспруденции.

23 В 45-м номере «Федералист» разделение верховной власти между федерацией и отдельными штатами толкуется следующим образом: «Полномочия, предоставляемые конституцией федеральному правительству точно определены и немногочисленны. Те же полномочия, которые закреплены за правительством каждого штата, напротив, достаточно расплывчаты и многочисленны. Первые реализуются преимущественно во внешней сфере деятельности государства, например в вопросах войны и мира, переговоров, торговли. Права, которые оставили за собой отдельные штаты, распространяются на все области повседневной жизни и используются для обеспечения соответствующих условий существования людей, свободы и благосостояния данного конкретного штата».

Мы еще нередко будем ссылаться в этом сочинении на «Федералиста». Когда законопроект, превратившийся впоследствии в Конституцию Соединенных Штатов, все еще находился на обсуждении народа, одобрение которого он должен был получить, три знаменитых гражданина, которые позже приобрели еще большую известность, а именно Джон Джей, Гамильтон и Мэдисон, совместными усилиями стремились показать народу все преимущества представленного на его одобрение проекта. С этой целью они опубликовали ряд статей, собрав их в одном журнале. Данные статьи все вместе составили законченный трактат о конституции. Они назвали этот сборник «Федералист», и данное название так и осталось за изданием.

«Федералист» — это прекрасное сочинение, которое, несмотря на то, что имеет отношение лишь к Америке, должно быть хорошо знакомо государственным деятелям всех стран мира.

интересы, удовлетворить которые с большей пользой способна лишь общенациональная власть.

Союзу было предоставлено право чеканить монету, регулировать ее ценность и ценность иностранных денег, создавать почтовые службы, прокладывать основные пути сообщения, связующие воедино различные части национальной территории²⁴.

Всеми было признано, что правительство каждого штата совершенно свободно действует в сфере своих полномочий, хотя оно могло и злоупотребить данной ему свободой и неразумными действиями создать угрозу безопасности всего Союза в целом. В таких редких и заранее определенных случаях федеральное правительство получило право вмешиваться во внутренние дела штатов²⁵. Итак, полностью признавая за каждой из входящих в федерацию республик право вносить изменения в свое законодательство и пересматривать его, им, однако, запретили издавать законы, имеющие обратное действие, а также жаловать дворянские титулы.

И наконец, для того чтобы федеральное правительство смогло выполнять возложенные на него обязанности, ему было предоставлено неограниченное право взимать налоги.

Если внимательно посмотреть на разделение компетенции между федерацией и штатами, как это зафиксировано в федеральной конституции, если проанализировать те полномочия верховной власти, которые оставили за собой отдельные штаты, а также те, которые были переданы Союзу, то легко заметить, что федеральные законодатели составили себе чрезвычайно ясные и верные представления о том, что я ранее назвал централизацией правительственной власти.

Соединенные Штаты являются не только республикой, но еще и федерацией. Между тем общенациональная власть в этой стране оказалась в некотором отношении более централизованной, чем во многих абсолютистских монархиях Европы той же эпохи. В доказательство я приведу здесь всего лишь два примера.

Во Франции насчитывалось тринадцать верховных судов, которые, как правило, обладали правом толковать законы в последней инстанции. Кроме того, во Франции существовали провинции, или так называемые государственные земли, которые даже после того, как представляющая всю нацию верховная власть приказывала взыскать тот или иной налог, могли отказать ей в содействии.

Американский Союз имеет всего лишь один суд, который толкует законы, а также один законодательный орган, издающий эти законы; налоги, одобренные в ходе голосования представителями всей нации, являются обязательными для всех граждан. Таким образом, в этих двух важных сферах Союз отличается более высокой степенью централизации, нежели французская монархия, хотя Союз есть не что иное, как простое объединение республик.

24 Ему было предоставлено еще немало аналогичных прав: например право принимать единообразные законы о банкротствах, закреплять исключительные права на изобретения. Нетрудно понять, почему именно в этих вопросам вмешательство Союза сочли необходимым.

25 Даже в этих случаях его вмешательство имеет косвенный характер. Союз действует через свои суды, как мы впоследствии сможем убедиться.

В Испании некоторые провинции обладали правом устанавливать собственную таможенную систему, хотя, по существу, данное полномочие должно принадлежать исключительно центральной верховной власти.

В Америке только конгресс имеет право определять торговые взаимоотношения между штатами. Следовательно, в этом случае правительственная власть федерации более централизована, нежели правительство королевской Испании.

Правая, во Франции и в Испании королевская власть всегда имела возможность, а в случае необходимости даже путем применения силы, осуществлять то, чего не разрешала ей конституция королевства, так что в конце концов окончательный результат был одинаков. Однако в данном случае речь идет о теории.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ

После того как мы определили, что у федерального правительства есть четко очерченный круг деятельности, необходимо выяснить, каковы же основные направления его деятельности.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Разделение законодательного органа на две палаты. — Различия в формировании этих двух палат. — Принцип независимости штатов имеет первостепенное значение при формировании сената. — Принцип народовластия служит основой для определения состава палаты представителей. — Своеобразные последствия, вытекающие из того факта, что конституции только тогда отличаются логичностью, когда народы еще очень молоды.

При создании союзных властей американцы во многом следовали той схеме, по которой ранее строились конституции каждого отдельного штата.

Федеральный законодательный орган Союза состоит из сената и палаты представителей.

Было предусмотрено, что формирование этих двух палат будет происходить по разным правилам, что должно было соответствовать духу примирения различных интересов.

Как я уже отмечал выше, при выработке федеральной конституции пришлось считаться с двумя противоположными тенденциями, которые господствовали тогда в обществе. Эти две тенденции послужили основой для возникновения двух различных систем взглядов.

Одни хотели видеть в Союзе некую лигу независимых государств — своего рода конгресс, в котором представители различных народов собирались бы для обсуждения тех или иных вопросов, отражающих общий для всех интерес.

Другие намеревались объединить всех жителей бывших колоний в одну единую нацию и создать такое правительство, сфера деятельности которого хотя и была бы ограниченной, но которое в пределах своей компетенции могло бы действовать в качестве единственного представителя всей нации. Эти две позиции привели бы на практике к совершенно различным последствиям.

Так, если бы речь шла об образовании лиги независимых государств,

а не о создании общенационального правительства, то право принимать законы принадлежало бы большинству граждан штатов, а вовсе не большинству жителей Союза Дело в том, что в данном случае каждый штат, большой или маленький, сохранял бы за собой статус независимого государства и входил бы в состав Союза на правах абсолютного равенства с другими штатами.

В том же случае, если всех жителей Соединенных Штатов рассматривали бы как один-единственный народ, то, естественно, творцами закона должны были бы стать все граждане Союза.

Вполне понятно, что небольшие штаты не могли пойти на применение данной системы, ибо при верховной власти федерации они полностью лишались бы возможности существовать в качестве самостоятельной единицы, поскольку из государства, участвующего наряду с другими в управлении, они превратились бы в незначительную часть великого народа. Первая система позволяла им сохранить необоснованно большую власть, тогда как вторая приводила их к полной гибели.

При таком положении дел произошло то, что обыкновенно случается, когда интересы входят в противоречие с рассуждениями: правила логики были подчинены требованиям действительности. Законодатели избрали нечто среднее между этими двумя крайностями и тем самым совместили две системы, теоретически несовместимые.

Принцип независимости штатов стал преобладающим при формировании сената, а принцип народовластия — при образовании палаты представителей.

Каждый штат имеет право направлять в конгресс двух сенаторов и определенное число членов палаты представителей, пропорциональное численности населения данного штата²⁶.

В результате вплоть до настоящего времени штат Нью-Йорк имеет в конгрессе сорок членов палаты представителей и всего двух сенаторов, штат Делавэр — двух сенаторов и всего лишь одного члена палаты представителей. Таким образом, штат Делавэр по количеству сенаторов равен штату Нью-Йорк, тогда как в палате представителей последний имеет в сорок раз больше влияния, нежели первый. Следовательно, может случиться так, что меньшинство населения, преобладающее в сенате, сможет полностью парализовать волю большинства, представленного в другой палате, а это решительно противоречит самому духу конституционного правления.

26 Каждые десять лет конгресс заново определяет число депутатов, направляемых от каждого штата в палату представителей. Их общее количество в 1789 году составляло 69 человек, а в 1833 году — уже 240 человек (Американский альманах, 1834, с 194).

В конституции было сказано, что на каждые 30 тысяч жителей число представителей не должно превышать одного, в то время как не было указано наименьшее число жителей, которые имели бы право направлять представителя в палату. Конгресс не счел нужным увеличивать число членов палаты представителей в той же пропорции, в которой возрастала численность населения. Первым законом, имевшим отношение к этому вопросу, стал закон 14 апреля 1792 года (см.: Стори. Законы Соединенных Штатов, т. 1, с. 235), который установил, что на каждые 33 тысячи жителей будет приходиться по одному члену палаты представителей Согласно последнему закону, изданному в 1832 году, член палаты представителей выдвигается от каждых 48 тысяч жителей. При определении квоты населения, представляемого в палате, в расчет принималось все свободное мужское население и три пятых от общего числа рабов.

Вышесказанное является прекрасным свидетельством того, насколько трудно и насколько редко удается логически и рационально связать воедино все разрозненные части государственного законодательства.

С течением времени один и тот же народ начинает проявлять различные интересы и устанавливать различные права. Когда же речь заходит о составлении новой, всеохватывающей конституции, эти интересы и права превращаются в естественные препятствия для того, чтобы те или иные политические принципы претворялись в жизнь полностью, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, законы могут быть логичными лишь на заре становления всякого общества. И если вы видите, что какой-то народ логичен в своем законотворчестве, не спешите делать заключение о его мудрости, исходите лучше из того факта, что он просто еще очень молод.

В период составления федеральной конституции в среде англоамериканцев существовало всего лишь два подхода, решительно противоположных один другому: первый заключался в стремлении к сохранению индивидуального облика каждого штата в отдельности, а второй — в объединении всего народа в единый союз. Следовательно, нужно было найти некий компромисс.

Необходимо между тем признать, что данный раздел конституции до сих пор не привел к тем отрицательным результатам, которых можно было бы опасаться изначально.

Все штаты еще молоды, достаточно близки друг к другу; у них схожие обычаи, убеждения и потребности; различия же, возникающие вследствие их больших или меньших размеров, недостаточны для того, чтобы интересы штатов оказались действительно противоположными. Поэтому никогда еще не было случая, чтобы в сенате маленькие штаты объединялись, с тем чтобы противодействовать намерениям крупных штатов. Кроме того, выражение воли всего народа законодательным путем представляет собой такую непреодолимую силу, что, когда большинство в ходе голосования в палате представителей действительно выражает эту волю, сенат оказывается совершенно бессильным что-либо изменить.

Не следует также забывать о том, что вовсе не от американских законодателей зависело превращение в одну единую нацию народа, для которого они составляли законы. Цель федеральной конституции состояла не в уничтожении штатов как самостоятельных единиц, а лишь в ограничении этой самостоятельности. Поэтому если этим частным структурам оставалась реальная власть (а отнять эту власть у них было невозможно), то тем самым уже заранее предопределялся отказ от постоянного принуждения с целью подчинить штаты воле большинства. Как только был сформулирован данный принцип, введение индивидуальных сил штатов в единый механизм функционирования федерального правительства не представляло собой уже ничего необыкновенного. Это служило признанием существующей реальности, а именно: раз власть официально признана, с ней необходимо ладить, а не нарушать ее установления.

ПРОЧИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СЕНАТОМ И ПАЛАТОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Сенаторы избираются законодательным собранием штатов. — Члены палаты представителей выбираются народом. — Двухступенчатые выборы в сенат. — Прямые — в палату представителей. — Сроки полномочий сенаторов и членов палаты представителей. — Прерогативы.

Сенат отличается от палаты представителей не только самим принципом представительства, но также и порядком избрания, продолжительностью срока полномочий сенаторов и сущностью самих полномочий.

Палата представителей избирается народом, сенат — законодательным собранием штата.

Палата представителей формируется в результате прямых выборов, сенаторы избираются в два тура.

Срок полномочий членов палаты представителей — всего лишь два года, сенаторы получают свои мандаты на шесть лет.

Палата представителей имеет сугубо законодательные функции. Она вторгается в сферу судебной власти только в том случае, когда предъявляется обвинение государственным должностным лицам. Сенат же участвует в составлении законов, он судит политические правонарушения, которые передаются на его рассмотрение палатой представителей; кроме того, он является высшим исполнительным советом всей нации. Соглашения, заключаемые президентом, вступают в силу лишь после их утверждения сенатом, все назначения на должности, производимые президентом, чтобы стать окончательными, должны быть также утверждены этим органом²⁷.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ²⁸

Зависимость президента. — Выборность и ответственность. — Свобода президента в пределах отведенной ему компетенции; надзор за его действиями со стороны сената, без права направлять эти действия. — Жалованье президента, назначаемое при его вступлении в должность. — Отлагательное вето.

Перед американскими законодателями стояла трудновыполнимая задача: они стремились к созданию исполнительной власти, которая зависела бы от воли большинства и которая вместе с тем была бы достаточно сильна, чтобы свободно действовать в пределах своей компетенции.

Поддержание республиканской формы правления требовало, чтобы представитель исполнительной власти был подчинен воле всего народа.

Президент является выборным должностным лицом. Его честь, его имущество, его свобода, его жизнь являются в глазах народа постоянными гарантиями должного употребления вверенной ему власти. Пользуясь властью, президент, впрочем, не вполне независим: сенат осуществляет контроль за его взаимоотношениями с иностранными государствами, а также за тем, как он распределяет государственные должности, чтобы предотвратить коррупцию самого президента и его

27 См. «Федералист», № 52–66, *Стори*, с 199–314; Конституция, разд 2, 3

28 См. «Федералист», № 67–77; Конституция, ст. 2; *Стори*, с 315, 515–780; Кент. Комментарии, с 255

возможные поползновения коррумпировать других. Законодатели Союза понимали, что носитель исполнительной власти будет не в состоянии с пользой и достоинством осуществлять возложенные на него обязанности, если не удастся придать этой власти большую стабильность и большую силу, нежели та, которой она обладала в рамках отдельных штатов.

Президент стал избираться сроком на четыре года с правом последующего переизбрания. Перспектива переизбрания придавала ему мужество, чтобы трудиться на всеобщее благо, и расширяла возможности его деятельности.

Президент был сделан единственным представителем исполнительной власти всего Союза. Законодатели даже воздержались от того, чтобы ставить его решения в зависимость от одобрения каким-либо советом: это было опасное средство, которое, ослабляя силу правительства, одновременно уменьшало бы и его ответственность за свои действия. Сенат мог объявить недействительными некоторые распоряжения президента, однако он не мог ни заставить президента действовать в том или ином направлении, ни разделить с ним исполнительную власть. Воздействие законодательной власти на исполнительную может быть и прямым, но мы только что убедились в том, что американцы сделали все, чтобы этого не произошло. Оно может быть также и косвенным.

Имея возможность лишить государственное должностное лицо его жалованья, палаты конгресса отнимают у него известную долю его независимости; кроме того, только они могут издавать законы, и, следовательно, можно опасаться, что они постепенно, шаг за шагом, лишат его даже той доли власти, которую стремилась сохранить за ним конституция.

Подобная зависимость исполнительной власти является одним из пороков республиканских конституций. Американцы не сумели нейтрализовать тенденцию к захвату правительственной власти, свойственную законодательным органам, однако они смогли несколько ослабить ее.

Жалованье президента определяется при его вступлении в должность на весь срок его полномочий. Президенту также дано право отлагательного вето, что позволяет ему задерживать прохождение законов, могущих ликвидировать независимость, предоставленную ему конституцией. Однако борьба между президентом и законодательной властью всегда остается неравной, потому что законодательные органы, упорствуя в своих намерениях, всегда в состоянии сломать оказываемое им сопротивление. Вместе с тем право отлагательного вето, по крайней мере, приводит к тому, что им приходится вновь возвращаться к рассмотрению того или иного вопроса и на этот раз они должны принимать решение уже на основании большинства в две трети голосов. Кроме того, право вето является своего рода обращением к народу. Исполнительная власть, которая при отсутствии такой гарантии могла бы быть подавлена тайно, доказывает свою правоту и заставляет выслушать свои доводы. Однако если законодательная власть по-прежнему упорствует в своих намерениях, не окажется ли вновь победа в ее руках? На это я отвечу, что в конституции любого народа, какой бы она ни была, существует положение, согласно которому законодатель вынужден обращаться к здравому смыслу и доброжелательности граждан. Данное положение более явно и более схоже отражено в конституциях республик

и спрятано и завуалировано в конституциях монархий; однако оно всегда существует. Нет такой страны в мире, где бы закон мог предусмотреть все и где институты власти были бы в состоянии заменить собой благоразумие и нравственность жителей.

В ЧЕМ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО МОНАРХА ВО ФРАНЦИИ

В Соединенных Штатах исполнительная власть ограничена и имеет исключительный характер, как и сама верховная власть народа, от имени которой она действует. — Исполнительная власть во Франции всеобъемлюща, как и верховная власть. — Король является одним из авторов законов. — Президент — лишь исполнитель законов. — Прочие различия, вытекающие из различий в сроках пребывания у власти этих двух лиц. — Сфера деятельности президента как представителя исполнительной власти ограничена. — Свобода короля в сфере исполнения. — Франция, несмотря на все эти отличия, больше похожа на республику, нежели Союз — на монархию. — Сравнение численности должностных лиц, действующих в сфере исполнительной власти в обеих странах.

Исполнительная власть играет столь важную роль в судьбах нации, что я считаю совершенно необходимым остановиться на этом вопросе и подробнее объяснить, какое место отведено ей американцами.

Чтобы составить ясное и точное представление о положении президента в Соединенных Штатах, будет полезно сравнить его роль с ролью короля в одной из конституционных монархий Европы.

При сравнении я не стану обращать особого внимания на внешние проявления власти; они скорее вводят в заблуждение того, кто их замечает, нежели служат ему сколько-нибудь достоверной путеводной нитью.

Когда монархия постепенно превращается в республику, носитель исполнительной власти продолжает сохранять в этой стране свои титулы, ему оказывают те же почести и знаки уважения, у него даже остаются причитающиеся ему денежные средства, и все это происходит в течение длительного времени после того, как сама власть уже лишилась своего реального могущества. Англичане, отрубив голову одному из своих королей и согнав с трона другого, по-прежнему преклоняли колена, обращаясь к преемникам этих монархов.

С другой стороны, когда республика попадает под власть одного человека, этот человек продолжает сохранять простоту, ровность и скромность в обращении, как если бы он ни в чем не возвышался над всеми остальными. Когда императоры деспотически распоряжались имуществом и даже самой жизнью своих сограждан, люди, ведущие с ними разговор, все так же величали их «цезарями», а сами они по-прежнему запросто заходили поужинать к своим друзьям.

Итак, оставим в стороне внешние атрибуты и попытаемся заглянуть глубже.

Верховная власть в Соединенных Штатах поделена между Союзом и штатами, тогда как у нас она едина и неделима. В этом я вижу первое и самое существенное различие между президентом Соединенных Штатов и королем Франции.

В Соединенных Штатах исполнительная власть ограничена и имеет исключительный характер, как и сама верховная власть народа, от имени

которой она действует. Во Франции исполнительная власть всеобъемлюща, как и сама верховная власть.

Американцы имеют федеральное правительство, мы же имеем общенациональное правительство.

Это первое, но не единственное обстоятельство, обуславливающее более низкий статус президента, вытекает из самой природы вещей. Вторым важным обстоятельством является то, что именно верховной власти принадлежит право принимать законы.

Во Франции король в действительности имеет определенную часть полномочий верховной власти, потому что без его санкции законы не могут вступить в силу, да к тому же он сам является и исполнителем законов.

Президент также является тем лицом, которое исполняет законы, однако он потому не принимает реального участия в их создании, что его отказ одобрить закон не оказывает решающего воздействия на существование этого закона. Следовательно, он не обладает никакой верховной властью, а может считаться лишь ее представителем.

Король во Франции не только сам обладает частью полномочий верховной власти, но к тому же участвует в формировании законодательных органов, которым принадлежат остальные права верховной власти. Король может назначать членов одной палаты и досрочно распускать другую, если он того пожелает. Президент Соединенных Штатов никоим образом не участвует в формировании законодательных органов и не имеет права их роспуска.

Король наряду с членами палат имеет право предлагать тот или иной закон на рассмотрение.

Президент правом законодательной инициативы не располагает.

В палатах короля представляют несколько министров, которые излагают его точку зрения, поддерживают его позиции и стараются добиться торжества его принципов управления страной в парламенте.

Президент и его министры не имеют права быть членами конгресса, так что он может влиять на этот чрезвычайно важный орган и излагать там свои взгляды лишь опосредованно.

Таким образом, французский король стоит вровень с законодательным собранием, которое не может действовать без него, как и сам король не может управлять страной без законодательного собрания.

Президентская власть существует как бы возле законодательной власти и является более низкой по уровню и зависимой от законодательной.

Даже в самом отпадении исполнительной власти — а это та самая сфера, в которой положение президента, по-видимому, наиболее сходно с положением французского короля, — существует целый ряд характерных черт, обуславливающих гораздо более низкий уровень власти президента по сравнению с властью короля.

Преимуществом королевской власти во Франции, если ее сравнивать с властью президента, является ее большая продолжительность; а ведь именно продолжительность пребывания у власти и является первейшим условием ее могущества. Любят и боятся только того, кому предстоит долгое существование.

Президент Соединенных Штатов — это всего лишь должностное лицо, избранное на четыре года. Король Франции — это наследный глава государства.

Президент Соединенных Штатов исполняет свои обязанности под неустанным и пристрастным контролем. Президент проводит всю подготовительную работу по заключению договоров, но не может принимать окончательного решения в этой области, он предлагает кандидатуры на те или иные должности, однако утверждает их опять-таки не он.

Король Франции является неограниченным властелином в сфере исполнительной власти.

Президент Соединенных Штатов несет ответственность за свои действия. Французские же законы говорят о том, что особа короля Франции неприкосновенна.

Между тем, как над одним, так и над другим существует некая направляющая власть — власть общественного мнения. Во Франции эта власть определена менее четко, чем в Соединенных Штатах; она менее признана и слабее закреплена в законах, хотя она и существует де-факто. В Америке эта власть оказывает свое влияние в ходе выборов и при принятии тех или иных решений; во Франции она проявляется в виде революций.

Таким образом, несмотря на все различия конституций, Франция и Соединенные Штаты сходны в том, что доминирующей силой в этих странах является общественное мнение. Следовательно, исходный принцип, лежащий в основе законов этих стран, по сути один и тот же, хотя его применение отличается большей или меньшей степенью Свободы и приводит зачастую к самым различным результатам. По своей природе этот принцип полностью отражает республиканский дух. Поэтому, как мне кажется, Франция со своим королем больше похожа на республику, нежели Союз со своим президентом — на монархию.

Во всем вышеизложенном я старался указывать только лишь на наиболее существенные различия. Если бы я стремился показать подробности, то в этом случае несхожесть двух стран оказалась бы еще более разительной. Однако мне предстоит сказать еще очень многое, поэтому я постараюсь быть кратким.

Я уже отмечал, что сфера власти президента Соединенных Штатов ограничена, как и сфера верховной власти, тогда как власть короля во Франции беспредельна.

Я мог бы показать, что исполнительная власть короля Франции выходит даже за свой естественный предел, сколь бы он ни был широк, тысячью путей проникая в область управления интересами отдельных личностей.

Одна из причин столь большого влияния французского короля заключается в том, что во Франции существует огромное число чиновников, которые практически все без исключения обязаны своим назначением носителю исполнительной власти. В нашей стране их количество превысило все естественные пределы и достигает 138 тысяч человек. Как следствие, каждого из этих 138 тысяч назначенных должностных лиц следует рассматривать в качестве дополнительной частицы, усиливающей исполнительную власть Президент же лишен неограниченного права назначать должностных лиц на государственные посты, да и количество этих постов не превышает 12 тысяч²⁹.

29 В Соединенных Штатах ежегодно публикуется альманах, «Национальный календарь», в котором можно отыскать имена всех федеральных должностных лиц. Цифры, которые я здесь привожу, взяты мною из «Национального календаря» за 1833

СЛУЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБНЫЕ УСИЛИТЬ ВЛИЯНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Внешняя безопасность Союза. — Выжидательная политика. — Армия, насчитывающая 6 тысяч солдат. — Флот, состоящий всего из нескольких кораблей. — Значительные прерогативы президента, которыми он не имеет случая воспользоваться. — Слабость президента, проявляющаяся в процессе его деятельности.

Если исполнительная власть в Америке слабее, чем во Франции, то причины этого, скорее всего, следует искать в конкретных обстоятельствах, а не в законах.

Исполнительная власть страны имеет наибольшую возможность проявить присущую ей силу и ловкость главным образом в сфере взаимоотношений с иностранными государствами.

Если бы существованию Союза непрерывно угрожала какая-нибудь опасность, если бы его жизненные интересы повседневно переплетались с интересами других народов, то в этом случае роль носителя исполнительной власти в общественном мнении могла бы заметно возрасти в зависимости от того, как он выполняет то, что от него ожидают.

Действительно, президент Соединенных Штатов является главнокомандующим вооруженных сил, однако армия насчитывает всего 6 тысяч солдат, а во флоте всего несколько кораблей. Он руководит сферой взаимоотношений Союза с иностранными государствами, но Соединенные Штаты не имеют соседей. Отделенные от всего остального мира океаном, пока еще слишком слабые, чтобы стремиться к господству на море, Соединенные Штаты Америки не имеют никаких врагов, а их интересы редко приходят в какое-либо соприкосновение с интересами других стран земного шара.

Из этого становится очевидно, что не следует судить о практике управления страной, исходя из одних лишь теоретических построений.

Президент Соединенных Штатов обладает почти королевскими прерогативами, которыми он не имеет случая воспользоваться, а те права, которыми он в настоящее время располагает, оказываются в силу обстоятельств ограниченными; законы предоставляют ему возможность быть могущественным, однако условия, в которых он действует, делают его слабым.

Во Франции исполнительная власть находится в неустанной борьбе с колоссальными препятствиями, возникающими на ее пути, и использует огромные средства для их преодоления. Ее роль возрастает в зависимости от ее достижений и важности тех событий, которыми она руководит. При всем том ее конституция не подвергается никаким изменениям.

Если бы законы сделали эту власть столь же слабой и ограниченной, какую мы видим в Соединенных Штатах Америки, то все равно вскоре ее влияние заметно бы усилилось.

год.

Из всего вышесказанного следует, что король Франции имеет в своем распоряжении в одиннадцать раз больше государственных постов, нежели президент Соединенных Штатов, хотя численность населения Франции всего лишь в полтора раза больше, чем численность населения Союза.

ПОЧЕМУ ПРЕЗИДЕНТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ПОДДЕРЖКЕ БОЛЬШИНСТВА СЕНАТОРОВ И ЧЛЕНОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Конституционный монарх не может править, если его взгляды расходятся с господствующей в законодательных органах точкой зрения, — данное положение в Европе считается аксиомой.

Многие президенты Соединенных Штатов, случалось, теряли поддержку большинства в законодательных органах, однако это обстоятельство вовсе не вынуждало их отказываться от власти и не причиняло обществу сколь-нибудь заметных неприятностей.

Я слышал, как этот факт приводился в доказательство независимости и могущества исполнительной власти в Америке. Однако достаточно немного поразмыслить, чтобы, напротив, увидеть в этом свидетельство ее бессилия.

Король в Европе нуждается в поддержке законодательных органов для выполнения обязанностей, возложенных на него конституцией, потому что эти обязанности чрезвычайно широки и значительны. Конституционный монарх в европейских странах является не просто исполнителем законов, он обладает всей полнотой власти в сфере их претворения в жизнь, так что, если закон направлен против короля, он может парализовать действие закона. Ему необходима поддержка палат в принятии законов, палаты же нуждаются в нем для реализации данных законов. Эти две власти не могут существовать одна без другой, ибо, как только между ними намечаются разногласия по тому или иному вопросу, функционирование государственного механизма незамедлительно нарушается.

В Америке же президент не может помешать принятию законов, он также не может уклониться от их исполнения. Его искреннее и заинтересованное участие в управлении страной, несомненно, полезно, но не является необходимостью. Деятельность его прямо или косвенно подчинена законодательной власти, а там, где он от нее не зависит, он практически бессилен что-либо сделать. Таким образом, слабость, а не сила, позволяет ему функционировать в условиях противостояния с законодательной властью.

В Европе согласие между королем и законодательными органами является обязательным условием, потому что между ними может возникнуть серьезная борьба; в Америке согласие не обязательно, потому что невозможна сама борьба.

ИЗБРАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Рост, опасностей, таящихся в системе выборности главы исполнительной власти, в зависимости от расширения его прерогатив. — Для американцев возможно введение этой системы, ибо у них нет необходимости в сильной исполнительной власти. — Каким образом обстоятельства могут благоприятствовать введению системы выборности. — Почему выборы президента ни в чем не меняют принципов функционирования правительственного механизма. — Влияние выборов президента на участь нижестоящих чиновников.

В системе выборности главы исполнительной власти великого народа кроется ряд опасностей, на которые достаточно ясно указывает нам наш

собственный опыт, а также исследования историков.

Поэтому я затрону данную тему лишь применительно к Америке.

Дело в том, что опасности, которые заключает в себе система выборности, могут быть более или менее значительными в зависимости от того места, которое занимает в обществе исполнительная власть, от ее значения в структуре государственной власти, от порядка выборов и от условий, в которых живет народ, готовящийся участвовать в выборах.

Пороки системы выборности главы государства заключаются в том — и это нередко и небезосновательно подчеркивается, — что она дает такую соблазнительную возможность для проявления личных амбиций и так сильно разжигает страсти в погоне за властью, что часто законных средств достижения этой власти уже недостаточно, и, как следствие, люди решаются прибегнуть к силе, если им не хватает прав.

Очевидно, что чем шире прерогативы исполнительной власти, тем больше становится желание добиться ее; чем сильнее воспламеняется честолюбие претендентов, тем активнее их поддерживают нижестоящие, но не менее честолюбивые чиновники, рассчитывающие разделить власть и могущество после того, как победит их кандидат.

В результате опасности, таящиеся в системе выборности, возрастают прямо пропорционально тому влиянию, которое оказывает исполнительная власть на дела всего государства.

Революции в Польше нельзя объяснить одним лишь фактом существования там выборности, необходимо учитывать и то, что выборное должностное лицо правило обширной монархией.

Таким образом, прежде чем рассуждать о безусловных достоинствах системы выборности, необходимо решить следующий преюдициальный вопрос, а именно: позволяют ли географическое положение, законы, обычаи, нравы и убеждения народа, которые намерен ввести у себя данную систему, установить в этой стране слабую и зависимую исполнительную власть. Поскольку стремление иметь главу государства с широкими и сильными полномочиями и одновременно желание избирать его являются, на мой взгляд, совершенно несовместимыми. Что же касается меня, то мне известен единственный способ превратить наследственную королевскую власть во власть выборную: сначала необходимо сузить сферу ее деятельности, а затем постепенно сокращать ее полномочия, понемногу приучая народ существовать без ее содействия. Но вот именно этим-то республиканцы в Европе и не желают заниматься вовсе, так как многие из них только потому ненавидят тиранию, что непосредственно на себе испытывают ее жестокие проявления, тогда как размах исполнительной власти их лично не затрагивает. Они подвергают нападкам лишь саму природу этой власти, не замечая существующей между этими двумя явлениями тесной взаимосвязи.

До сих пор еще не нашлось человека, который рискнул бы своей честью и жизнью ради того, чтобы стать президентом Соединенных Штатов, потому что власть президента временна, ограничена и зависима. Необходима колоссальная ставка в этой игре для того, чтобы появились отчаянные игроки, готовые вступить в борьбу. Пока еще ни один из кандидатов не сумел вызвать ни слишком горячих симпатий, ни опасных страстей среди населения. Причина этого чрезвычайно проста: достигнув необходима его повседневная деятельность, и тем больше опасности таит в себе подобное положение. У народа, привыкшего к тому, что им

управляет исполнительная власть, и, более того, привыкшего к ее административным распоряжениям, выборы не могут не вызвать чрезвычайно глубоких потрясений.

В Соединенных Штатах исполнительная власть может безнаказанно замедлять свои действия, потому что в своих проявлениях эта власть слаба и ограничена.

После избрания нового главы государства во внутренней и внешней политике страны почти всегда ощущается нестабильность. В этом заключается один из основных пороков системы выборности.

Однако этот недостаток ощущается в большей или меньшей степени в зависимости от той доли власти, которой располагает выборное должностное лицо. В Риме принципы, заложенные в основу правительственной власти, оставались неизменными, хотя консулы сменялись ежегодно, потому что решающей, руководящей силой был сенат, а он был наследственным институтом. Если бы в большинстве европейских монархий королей избирали, то королевство меняло бы облик с каждым новым избранником.

В Америке президент оказывает достаточно существенное влияние на государственные дела, однако не он управляет ими — над всем главенствует власть народа. Следовательно, чтобы изменить основные направления осуществляемой политики, необходимо переменить всю массу населения, а не только самого президента. Поэтому в Америке принцип выборности главы исполнительной власти не оказывает заметного негативного воздействия на устойчивость всего правительства.

Впрочем, та же неустойчивость, к которой приводит порочность системы выборности, явственно ощущается и в сфере деятельности президента, как бы она ни была ограничена.

Американцы вполне обоснованно полагали, что главе исполнительной власти, для того чтобы осуществлять все возложенные на него обязанности и нести за их выполнение всю полноту ответственности, необходимо по возможности свободно отбирать своих чиновников и отзывать их по своему усмотрению, а законодательному органу следует скорее наблюдать за действиями президента, нежели руководить им. Таким образом, каждые новые выборы приводят к тому, что федеральные государственные служащие не знают, как повернется в дальнейшем их судьба.

В конституционных монархиях Европы постоянно слышатся жалобы на то, что участь второстепенных правительственных чиновников нередко зависит от участия министров. Их положение значительно хуже в тех государствах, где избранию подлежит и сам глава правительства. Причина этого проста: в конституционных монархиях министры сменяют один другого довольно часто, однако основной представитель исполнительной власти не сменяется никогда, и потому дух обновления в достаточной степени ограничен. Таким образом, перемены в системах управления здесь происходят скорее в частности, нежели в своей основе: невозможно резко сменить одну систему управления на другую без своеобразной революции. В Америке же такая революция происходит каждые четыре года, и притом от имени закона.

Что же касается проблем личного характера, которые неизбежно возникают в результате применения подобного законодательства, то следует признать, что неустойчивость положения должностных лиц в Америке не сопровождается теми бедствиями, которых можно было бы

ожидать в других государствах. В Соединенных Штатах настолько легко обеспечить себе независимое существование, что, отняв у чиновника занимаемое им место, можно в ряде случаев лишить его тех или иных жизненных удобств, но никогда — средств к существованию.

В начале данной главы я сказал о том, что опасности, вытекающие из применения системы выборности главы исполнительной власти, могут быть большими или меньшими в зависимости от условий жизни, которые характерны для народа, принимающего участие в выборах.

Тщетными оказываются любые усилия уменьшить значение исполнительной власти в обществе, потому что существует одна область, в которой данная власть имеет чрезвычайно большое влияние независимо от роли, отведенной ей законами. Речь идет о внешней политике государства: переговоры могут начинаться и продолжаться успешно лишь в том случае, когда они ведутся одним и тем же человеком.

Чем более безнадежно и губительно положение народа, тем больше ощущается потребность в последовательной и устойчивой внешней политике и тем опаснее становится применение системы выборности в отношении главы государства.

Политика американцев в сфере международных отношений чрезвычайно проста: можно было бы сказать, что никто в них не нуждается и сами они также не испытывают ни в ком потребности. Их независимость находится вне опасности.

Таким образом, в Соединенных Штатах сфера компетенции главы исполнительной власти ограничена не только законами, но и обстоятельствами. Президент может часто изменять свои взгляды, однако государство нисколько не страдает от этого и не может от этого погибнуть.

Каковы, бы ни были прерогативы главы исполнительной власти, тот период, который непосредственно предшествует выборам, а также тот промежуток времени, когда эти выборы проходят, следует всегда считать периодом общенационального кризиса.

Чем более сложно внутреннее положение страны и чем более велика внешняя опасность, тем страшнее для нации данный период. Среди европейских стран мало найдется таких, где бы не опасались во время смены верховного правителя оказаться захваченными другим государством или же наступления анархии внутри государства.

В Америке же общество устроено таким образом, что оно может поддерживать само себя безо всякого содействия со стороны; ему никогда не угрожает сколь-нибудь существенная опасность извне. Поэтому избрание президента есть повод для волнений, но вовсе не угроза гибели государства.

ПРОЦЕДУРА ВЫБОРОВ

Американские законодатели проявили находчивость при выработке процедуры избрания президента. — Создание особого избирательного корпуса. — Раздельное голосование специальных выборщиков. — В каких случаях президент избирается палатой представителей. — Что происходило в ходе тех двенадцати избирательных кампаний, которые имели место с момента вступления конституции в силу.

Независимо от проблем, неразрывно связанных с самим принципом выборности главы исполнительной власти, существует также немало

других опасностей, вытекающих из различных форм проведения выборов; однако благодаря усилиям законодателей их все же можно избежать.

Когда массы народа собираются в публичном месте для избрания главы своего государства, они подвергаются не только опасностям, тающимся в самой системе выборности, но и угрозе гражданской войны, которую могут спровоцировать подобные выборы.

Поставив избрание короля в зависимость от вето одного человека, польские законы обрекли этого человека на смерть или же предрешили воцарение анархии.

По мере изучения различных институтов в Америке и более внимательного анализа общественно-политического положения в этой стране начинаешь замечать удивительное совпадение счастливых обстоятельств с человеческими усилиями. Америка была страной новой; однако люди, населившие ее, уже в течение длительного времени привыкли пользоваться свободой в тех местах, где они жили раньше: таковы две основные причины внутреннего порядка. Кроме того, Америка не опасалась, что ее кто-то соберется завоевывать. Американские законодатели, воспользовавшись этими благоприятными обстоятельствами, смогли без труда создать слабую и зависимую исполнительную власть, а затем уже безо всяких опасений сделать ее выборной.

После этого им оставалось лишь найти среди различных избирательных систем ту, которая представляла бы наименьшую опасность. Установленные ими на данный счет правила прекрасно дополняют те гарантии, которые обеспечивало географическое положение и политическое устройство Соединенных Штатов.

Задача, которую предстояло решить, заключалась в том, чтобы найти такой способ избрания президента, при котором, с одной стороны, отражалась бы истинная воля народа, а с другой — не возбуждались бы слишком сильно народные страсти и люди как можно меньше пребывали бы в неизвестности. Сначала было решено, что президент будет избираться простым большинством голосов. Однако получить это большинство без долгих проволочек оказалось чрезвычайно трудно, а этого-то как раз и намеревались избежать.

В самом деле, редко случается так, что какой-то один человек сразу же получает большинство голосов в стране со столь многочисленным населением. Еще труднее добиться этого в федеративной республике, состоящей из штатов, в которых очень сильно развиты местные влияния.

Для устранения этого второго препятствия было одно средство, а именно делегирование избирательных прав населения некоему органу, который бы его представлял.

Данный порядок выборов лучше обеспечивал достижение большинства голосов, ибо чем меньше лиц участвовало в выборах, тем легче им было прийти к согласию. Этот способ давал также и большие гарантии в отношении правильности выбора. Но следовало ли давать право избирать президента самому законодательному органу, обычно представляющему народ, или же нужно было сформировать избирательную комиссию, единственной функцией которой было бы избрание президента? Американцы предпочли второй вариант. Они пришли к выводу, что люди, которых выбрали для того, чтобы они принимали обычные законы, не смогут адекватно выразить волю народа в том, что касается избрания главы государства. Кроме того, будучи

избранными на срок больше года, они могут выражать взгляды, которые за истекшее время уже изменились. Американцы также рассудили, что если на законодательный орган будет возложена обязанность избирать главу исполнительной власти, то еще задолго до начала выборов законодатели сделаются объектом подкупа и игрушкой в руках интриганов, тогда как специальные выборщики, подобно присяжным заседателям, останутся неизвестными толпе вплоть до того самого дня, когда им придет время действовать, причем они появятся лишь для того, чтобы отдать свои голоса.

Поэтому было установлено, что каждый штат выбирает определенное количество выборщиков³⁰, которые в свою очередь будут избирать президента. А так как было замечено, что ассамблеи, которым поручалось избирать главу государства в тех странах, где применялся принцип выборности, неизбежно превращались в средоточие всяческих страстей и интриг, и так как эти ассамблеи в отдельных случаях присваивали себе власть, им не принадлежащую, и так как нередко процедура, в которой они участвовали продолжалась слишком долго, вследствие чего создавалась какая-то неопределенность, ставившая под угрозу функционирование государственной машины, — то вследствие всех этих причин было установлено, что выборщики будут участвовать в голосовании все вместе, в течение одного дня, но не собираясь в одном месте.

При подобной модели выборов, состоящих из двух туров, достижение большинства голосов становилось вполне вероятным, но вместе с тем полной гарантии все-таки не было, так как вполне могло случиться, что выборщики так же разойдутся во мнениях, как могли бы разойтись во мнениях те, кто доверил им право выбора.

В этом случае необходимо было прибегнуть к одной из трех мер: или назначить новых выборщиков, или вновь обратиться к уже отобраннным выборщикам, или же, наконец, передать право избрания главы государства другому органу.

Первые два способа, помимо того, что не гарантировали нужного результата, сопровождались бы еще и проволочками и порождали бы всегда опасные в таком случае волнения.

Поэтому было принято решение остановиться на третьем способе, причем согласились на том, что результаты голосования выборщиков в печатанном виде будут передаваться председателю сената и что в назначенный день в присутствии членов обеих палат он вскроет печатанные списки и произведет подсчет. Если же ни один из кандидатов не соберет большинства голосов, то палата представителей незамедлительно приступит к избранию президента, однако это ее право избрания было строго ограничено: палата представителей могла избрать лишь одного из трех кандидатов, за которых было подано наибольшее количество голосов³¹.

30 Столько же, сколько человек он посылал в конгресс. На выборах 1833 года число выборщиков составляло 288 («Национальный календарь»).

Выборщики от одного штата собираются вместе и направляют в правительство список всех лиц, за которых голосовали в индивидуальном порядке, а не результаты голосования большинства.

31 В этом случае вопрос решается большинством представителей штатов, а не большинством от общего числа конгрессменов, с тем чтобы, например, Нью-Йорк имел

Таким образом, оказывается, что выборы возлагаются на обычных представителей народа лишь в очень редких и трудно предсказуемых заранее случаях, причем даже в этой ситуации они могут избрать лишь того, кого уже поддержали специальные выборщики, число которых весьма невелико. Это довольно удачное сочетание позволяет, с одной стороны, соблюсти уважение к народу, а с другой — быстро и с должным порядком провести выборы, что отвечает интересам государства. Впрочем, предоставление палате представителей права избрания президента в случае разделения голосов выборщиков далеко еще не было полным разрешением всех трудностей, поскольку не было уверенности, что и там кандидат соберет необходимое большинство голосов, а в этом случае конституция уже не предлагала никакого реального выхода. Однако, установив обязательные кандидатуры и ограничив их число тремя, а также полагаясь на разумность выбора, сделанного группой просвещенных людей, конституция сумела сгладить все те препятствия³², на которые она была в состоянии воздействовать непосредственно, ибо оставшиеся проблемы были присущи самой системе выборности президента как таковой.

Федеральная конституция существует уже сорок четыре года, и Соединенные Штаты вот уже двенадцать раз избирали своего президента.

Десять раз выборы прошли практически мгновенно, путем единовременного голосования специальных выборщиков, находившихся в это время в самых различных частях Соединенных Штатов.

Что же касается палаты представителей, то она пока всего лишь дважды использовала то исключительное право, которым была наделена на случай разделения голосов выборщиков. Первый раз это произошло в 1801 году при избрании Джефферсона, а второй — в 1825 году, когда президентом был избран Куинси Адамс.

КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВЫБОРОВ

Период президентских выборов можно рассматривать как период общенационального кризиса. — Причины этого. — Народные волнения. — Озабоченность президента. — Спокойствие, наступающее вслед за волнениями в ходе выборов.

Я уже говорил, что условия, в которых находятся Соединенные Штаты, благоприятствовали принятию системы выборности президента, а также рассказал о тех мерах предосторожности, которые приняли законодатели для уменьшения опасностей, порождаемых данной системой. Американцы привыкли участвовать в самых разнообразных выборах. Они по собственному опыту знают, какой накал страстей можно себе позволить, а когда лучше и остановиться. Огромная протяженность их территории и разбросанность живущего в стране населения делает

такое же влияние в ходе обсуждения, как и Род-Айленд. Таким образом, сначала испрашивается мнение всех граждан Союза как составляющих один целостный народ, а если они не могут прийти к единому решению, то вновь прибегают к запросу мнения каждого штата, которому дается отдельный и независимый голос. Такова еще одна странность, таящаяся в федеральной конституции, которую можно объяснить лишь столкновением противоположных интересов.

32 Однако Джефферсон в 1801 году был избран лишь в результате 36-й баллотировки.

столкновения между различными партиями менее вероятными и менее пагубными, чем в других государствах. В Америке политическая обстановка, в которой до сих пор проходили выборы, не представляла никакой реальной опасности.

И тем не менее выборы американского президента все-таки можно рассматривать как период общенационального кризиса.

Влияние, оказываемое президентом на ход дел в государстве, безусловно слабое и опосредованное, но оно распространяется на все это государство. Для каждого гражданина, взятого в отдельности, выбор того или иного человека на пост президента не имеет такого уж существенного значения, однако он важен для всего общества в целом. Дело в том, что даже самый незначительный поначалу интерес приобретает огромное значение, если он превращается во всеобщий.

По сравнению с королями в европейских странах, у президента, бесспорно, мало средств для того, чтобы завоевать себе сторонников. Однако количество должностей и постов, которыми он распоряжается, оказывается все достаточно внушительным для того, чтобы многие тысячи избирателей были прямо или косвенно заинтересованы в его избрании.

Кроме того, партии в Соединенных Штатах, впрочем, как и в других странах, стремятся сгруппироваться вокруг какой-либо личности, чтобы народным массам было проще воспринимать их. Они обычно используют имя кандидата в президенты в качестве символа, персонифицируя в его лице свои теории. Следовательно, партии чрезвычайно заинтересованы в избрании своего кандидата, и не столько для того, чтобы вновь избранный президент содействовал победе их теории, сколько для того, чтобы доказать самым фактом его избрания, что их доктрины сумели завладеть большинством.

Задолго до назначенного дня выборы становятся самым важным и, если так можно выразиться, единственным делом, действительно занимающим умы людей. Различные группировки удваивают свое усердие, и тут-то в этой счастливой и спокойной стране начинают бушевать такие искусственно возбуждаемые эмоции, какие только можно себе вообразить.

Что же касается президента, то он целиком занят тем, чтобы защищать себя. Он уже не думает об интересах государства, а действует с единственной целью добиться переизбрания. Он буквально падает ниц перед большинством и нередко вместо того, чтобы противостоять страстям, раздирающим это большинство, к чему, кстати, его обязывает должность, сам идет навстречу этим капризам.

По мере приближения выборов интриги нарастают, а волнение людей приобретает все более лихорадочный и массовый характер. Граждане делятся на несколько лагерей, каждый из которых выступает за определенного кандидата. Вся страна взбудоражена, выборы становятся ежедневной темой всех публичных изданий, всех частных бесед, целью любых начинаний, объектом всех помыслов — словом, единственным в этот момент интересом у всей страны.

Правда, как только объявляются результаты выборов, эта суматоха кончается, все успокаиваются, словно река, вышедшая из берегов, а затем мирно возвращающаяся в собственное русло. И неудивительно ли вообще, что подобная буря могла-таки возникнуть?

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Когда переизбранию подлежит глава исполнительной власти, интригами и подкупом занимается уже само государство. — Желание быть вновь избранным господствует над всеми помыслами президента Соединенных Штатов. — Неблагоприятные условия переизбрания, характерные для Америки. — Естественный порок демократических государств заключается в постепенном подчинении любой власти малейшим пожеланиям большинства. — Переизбрание президента способствует укоренению этого порока.

Правильно или нет поступили законодатели Соединенных Штатов, допустившие возможность переизбрания президента?

На первый взгляд запрещение переизбрания на второй срок главы исполнительной власти кажется противоречащим здравому смыслу. Всем известно, какое влияние могут оказать на судьбы целого народа, особенно в трудных обстоятельствах или в периоды кризисов, таланты или характер одного-единственного человека. Законы, запрещающие гражданам переизбирать первое лицо в государстве, лишают их прекрасной возможности для достижения благоденствия страны или для ее спасения. Все это могло бы привести и к такой нелепой ситуации, когда человек отстранялся бы от управления государством именно в тот момент, когда он доказал, что в состоянии хорошо им управлять.

Безусловно, эти доводы весьма внушительны, однако нельзя ли противопоставить им еще более существенные аргументы?

Интриги и коррупция являются естественными пороками выборных правительств. Однако в том случае, когда глава государства может быть переизбран, эти пороки стократно усиливаются и само существование страны ставится на карту. Если успеха на пути интриг намерен добиваться простой кандидат, то его уловки распространяются на весьма ограниченный круг людей. Если же, напротив, в этой игре решил поучаствовать сам глава государства, то он начинает использовать в своих собственных интересах мощь всего государства.

В первом случае это простой гражданин, располагающий достаточно скромными средствами, тогда как во втором — это государство, с его огромными возможностями для интриг и подкупа.

Простой гражданин, использующий всевозможные неблагоприятные приемы для того, чтобы прийти к власти, может лишь косвенным образом нанести ущерб общественному благосостоянию. Однако если в предвыборную борьбу вступает представитель исполнительной власти, то тогда государственные интересы отодвигаются для него на второй план, а на первый выступает его собственное переизбрание. Переговоры с другими странами, равно как и исполнение законов, превращаются для него всего лишь в предвыборные комбинации; раздача должностей рассматривается им в качестве компенсации за оказанные услуги, но услуги, оказанные не нации, а ему лично. И даже если деятельность правительства и не противоречит интересам государства, она все же уже не нацелена на обеспечение этих интересов. Между тем ее главная задача заключается именно в этом.

Наблюдая за повседневными делами Соединенных Штатов, нельзя не заметить, что желание быть вновь избранным властвует над всеми помыслами президента; что политика его администрации направлена на это; что его любые, даже самые незначительные действия подчинены

этой цели; что особенно по мере приближения критического момента личные интересы полностью вытесняют из его сознания интересы государства.

Таким образом, принцип переизбрания президента делает пагубное влияние выборных правительств еще более глубоким и еще более опасным. Это сопровождается также упадком политической морали нации и приводит к замене патриотизма ловкачеством.

В Америке же применение этого принципа непосредственно затрагивает жизненные основы страны.

Каждому правительству свойственны пороки, обусловленные самой природой его деятельности. Гений законодателя заключается в том, чтобы распознать их наилучшим образом. Государство может успешно справиться с множеством плохих законов, тем более что зло, причиняемое этими законами, часто преувеличено. Однако всякий закон, способствующий развитию этих смертоносных начал, не может с течением времени не сделаться губительным для общества, хотя его пагубное воздействие проявляется не сразу.

Таким разрушительным принципом в условиях абсолютистских монархий является безграничное и противоречащее здравому смыслу расширение влияния королевской власти. Поэтому всякая мера, уничтожающая противовесы этой власти, предусмотренные конституцией, вредна изначально, даже если отрицательные последствия этой меры не проявятся в течение весьма продолжительного времени.

Точно так же и в странах, где торжествует демократия и где народ постоянно стремится все подчинить себе, законы, способствующие быстрой его действия и придающие этому действию непреодолимый характер, прямо угрожают самому существованию правительства.

Самой большой заслугой американских законодателей было то, что они ясно осознали эту истину и имели мужество учесть ее на практике.

Они поняли, что помимо народовластия должно существовать определенное число институтов власти, которые, не будучи полностью независимыми от воли народа, все же могли бы в своей области пользоваться довольно широкой свободой, с тем чтобы, неизменно повинаясь решениям большинства, все-таки противостоять его капризам и отвечать отказом на его самые опасные требования.

Для этого они сосредоточили всю исполнительную власть страны в руках одного человека; они предоставили президенту самые широкие полномочия и вооружили его правом *вето* для того, чтобы он мог оказывать сопротивление посягательствам законодательных органов на свои права.

Однако, провозгласив принцип переизбрания, законодатели частично разрушили свое собственное творение. Они предоставили президенту большую власть, но лишили его стремления использовать ее только по назначению.

Не имея возможности быть избранным на второй срок, президент не переставал тем не менее зависеть от народа, так как он продолжал нести ответственность перед своими избирателями. Вместе с тем благосклонное отношение народа не превращалось для него в такую настоятельную необходимость, чтобы он вынуждал себя приноравливаться к любым его желаниям.

Обладающий же правом переизбрания (а это особенно проявляется в наше время, когда политическая мораль все больше и больше падает, а

великие личности постепенно исчезают со сцены общественной жизни), президент Соединенных Штатов становится всего лишь послушным инструментом в руках большинства. Он начинает любить и ненавидеть все то, что любит и ненавидит его большинство, он предупреждает все его желания и жалобы, подчиняется любым его капризам; законодатели хотели, чтобы президент вел за собой большинство, а на деле он сам оказался в роли ведомого.

Таким образом, не желая лишать государство возможности использовать талантливую личность, законодатели добились того, что таланты этого человека оказались практически бесполезными; а их стремление обеспечить себе соответствующее средство воздействия на общество в чрезвычайных обстоятельствах поставило страну под угрозу постоянной опасности.

(Продолжение в следующем номере)

Теперь вы знаете...

О прошлом, настоящем и будущем космических полетов.

На вопрос, когда он вступил в технику космических полетов, Владимир Сергеевич Сыромятников отвечает: тогда, когда ее еще фактически не было. Он пришел в КБ к Королеву 10 апреля 1956 года, за полтора года до того, как был запущен первый спутник. С тех пор он активно участвовал во многих космических программах, от полета Юрия Гагарина до стыковки «Атлантика» с «Миром». В. С. Сыромятников заканчивает написание книги о своей жизни и работе над системами космических кораблей, о людях, открывших космос — лидерах, таких как Королев и Глушко, и простых «бойцах и полевых командирах», о подробностях извилистого пути отечественной и мировой космонавтики, о философских и общечеловеческих ее аспектах, о космическом веке и космическом поколении землян. Он назвал ее «20 лет спустя», потому что именно такой срок миновал с тех пор, как состоялась первая международная миссия космонавтов и астронавтов со стыковкой на орбите кораблей «Союз» и «Аполлон». Тогда автор книги отвечал за систему стыковки и вместе с американскими коллегами создал первые АПАСы — андрогинные периферийные агрегаты стыковки. За прошедшие «потерянные» двадцать лет (так называется одна из глав будущей книги) под руководством В. С. Сыромятникова было разработано много уникальных космических систем, в том числе новые усовершенствованные АПАСы. Именно они «приглянулись» американцам, и НАСА купило эту систему, которая уже была использована летом этого года при стыковке «Атлантика» со станцией «Мир». Эта же система будет применена при строительстве Международной орбитальной станции «Альфа». О трудном пути, приводящем к такому успеху, и рассказывается в книге, другое название которой «Десять рассказов о стыковке и других приключениях на Земле и в космосе». Каждый из рассказов, выстроенных в хронологическом порядке, — это отдельная законченная новелла, повествующая о ключевом моменте в истории космонавтики и астронавтики. Пожалуй, мало кто из российских ученых столь тесно и

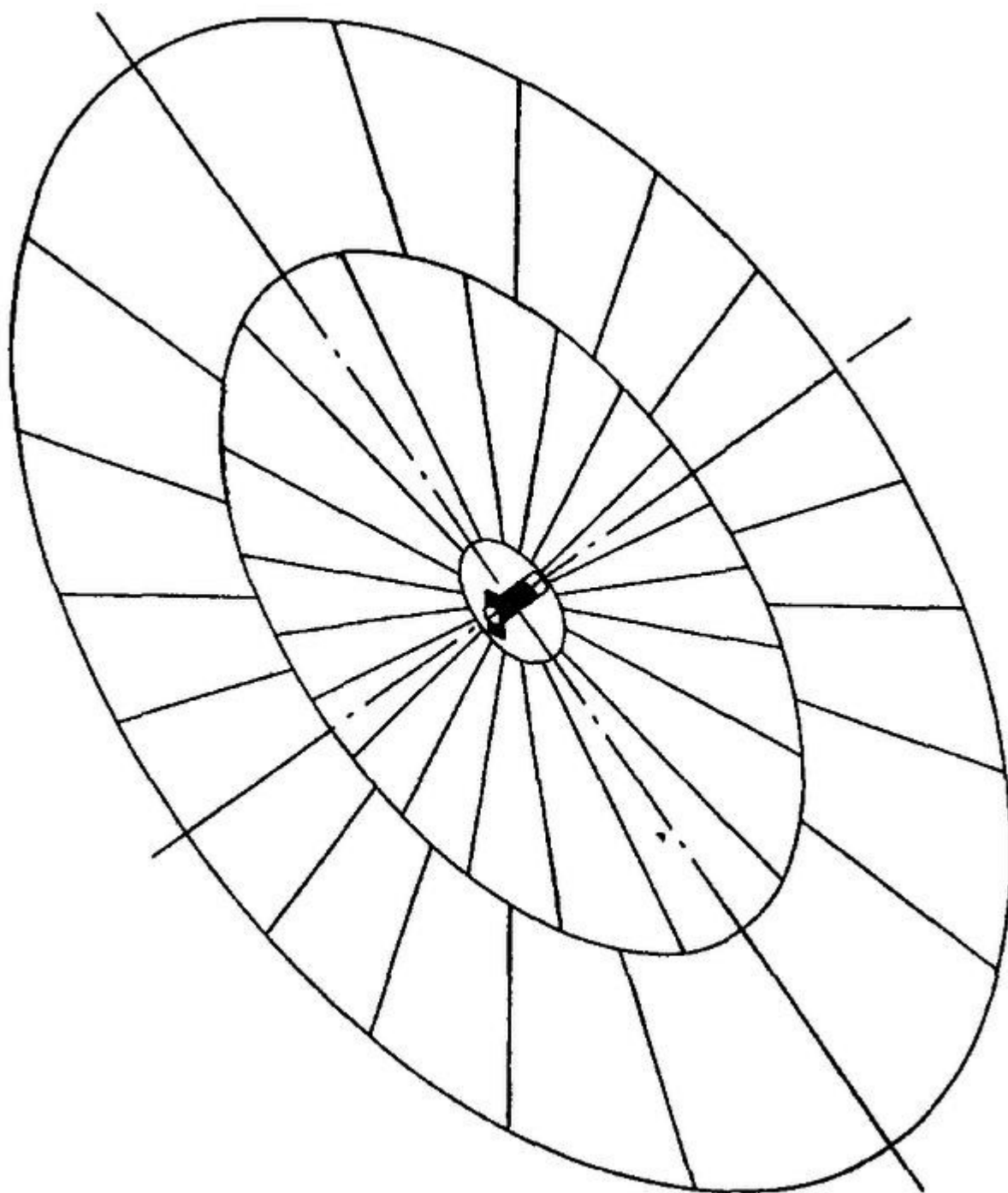
плодотворно сотрудничал с зарубежными коллегами, и недаром недавно В. С. Сыромятников первым из отечественных конструкторов был избран действительным членом Американского Института аэронавтики и астронавтики. Потому мы вдвойне рады его публикации на российско-американских страницах «Сверхновой». Космический век продолжается, профессор Сыромятников разрабатывает сверхновые системы, а его книга ждет своего издателя в России и США.

Владимир Сыромятников Пятьсот лет спустя: под солнечными парусами «Нового Света»

В самом конце 1988 года Юбилейная комиссия по празднованию пятисотлетия открытия Колумба единодушно учредила Космический кубок солнечного паруса и объявила всемирный открытый конкурс на создание и постройку космического корабля с солнечными парусами (СПК).

До Москвы информация о конкурсе шла медленно, и российские специалисты по космическому кораблестроению узнали об условиях соревнования только в апреле 1989 года, когда срок подачи заявок на участие в нем почти истек. Тем не менее, преодолев многие препятствия и трудности, оформленная заявка была передана председателю проекта доктору Клаусу П. Хайссу в Вашингтон. В конце концов продолжатели дела академика Сергея Королева были официально зарегистрированы как участники соревнования.

С. Королев был основателем практической космонавтики, он запустил первый спутник, первого человека в космос и был первым еще во многом другом. Известно, что он благожелательно относился к «космическому плаванию»; напутствуя Алексея Леонова перед первой прогулкой в открытом космосе, он сказал: «Пусть солнечный ветер дует тебе в спину там наверху». Ныне Конструкторское бюро Королева называется НПО «Энергия». Оно расположено в Калининграде под Москвой, там, где Академик космонавтики разрабатывал свои первые ракеты и космические корабли. Творческая команда Молодежного центра «Энергия», начавшая разработку солнечных парусов, возглавлялась ветеранами космической технологии — членами старой гвардии Королева, не утратившими энтузиазм и юношеский задор.

Общий вид солнечного парусного корабля (СПК)

По условиям соревнования предполагалось, что в 1992 году три космических парусных аппарата, названных по именам кораблей Колумба «Нинья», «Пинта» и «Святая Мария» со всех трех континентов, «участвовавших» в открытии Америки — Европы, Америки и Азии, — стартуют с высокой околоземной орбиты и медленно, но непрерывно, разгоняясь по спиральной траектории, в конце концов достигнут окрестностей Луны и, возможно, выйдут на межпланетную трассу по направлению к Марсу.

Этот проект последнего десятилетия XX века, названный в России «Космической Парусной Регатой», является заметным и привлекательным со многих сторон. Как и пять столетий назад, он может

привести к непредвиденным открытиям и оказать воздействие на все человечество.

Организаторы — Юбилейный комитет и АИАА (Американский институт аэронавтики и астронавтики) сформулировали следующие принципиальные цели Проекта:

- проверить концепцию солнечных парусов;
- расширить горизонты космических исследований во всем мире;
- способствовать научным и технологическим достижениям;
- содействовать осознанию необходимости использования космоса для нужд земной цивилизации в целом.

К упомянутому должна быть добавлена еще одна более утилитарная задача — попытаться использовать солнечные паруса для решения жизненных проблем Земли. Уже в ближайшем будущем солнечно-парусная технология может принести видимые итоги в прямом и переносном смысле. Ее результатом может стать новый вид космической технологии и, скорее всего, космической индустрии.

Идея использовать давление солнечного света для движения космических кораблей и путешествий по солнечной системе, предложенная русским инженером Ф. Цандером, так же стара, как и формула Циолковского. Но более чем за тридцать лет, прошедших с начала космической эры, ни один солнечный парусник не был выведен на орбиту несмотря на то, что сама идея постоянно привлекала ученых, и было предложено определенное число концептуальных разработок. Но практическая работа далеко не продвинулась. Тому было много причин, главная из которых имеет физическую и техническую природу.

Создатель Вселенной поспешил на силу светового давления: на расстоянии от Земли до Солнца его мера не превышает одного миллиграмма на квадратный метр. Чтобы создать заметную «тягу», требуются гектарные паруса. До сих пор в космосе не было подобных гигантских структур. Вот почему подобные предприятия всегда сопровождаются риском: и пять столетий назад никто не хотел вкладывать деньги и оказывать поддержку такому начинанию, которое еще неизвестно, принесет ли что-нибудь «Старому Свету». Может быть, дело еще и в том, что просто не нашлось современной Изабеллы, подобной той королеве, чья интуиция дала жизнь предприятию, сохранившему ее имя в веках.

В США предпринимались три или четыре реальных попытки в области солнечных парусников. В 1977–1978 годах проект полета к комете Галлея под солнечными парусами обошелся НАСА в четыре миллиона долларов. Известный космический специалист Луис Фридман в своей книге «Солнечный парус и Межзвездное путешествие» приводит слова У. Лэймена, технического директора проекта. Он говорит, солнечный парус всегда привлекал лучших людей повсюду — в НАСА, в университетах и в промышленности. По утверждению людей, активно участвовавших в проекте, он был сокращен бюрократами из НАСА.

На этот же раз Проект Солнечных парусов привлек внимание всего мира. Потенциальные участники конкурса были поддержаны широко известными мощными компаниями и корпорациями в странах-лидерах аэрокосмических исследований. Список аэрокосмических гигантов говорит сам за себя: «Боинг», «Мартин-Мариэтта», «Макдоннел Дуглас», «Вестингхаус Электрик». Поддержку исследовательским коллективам оказали также многие ведущие университеты страны, такие как

Массачусетский технологический Институт.

Европа также была представлена несколькими группами из университетов и промышленных компаний Франции, Италии, Англии и других стран. «Космические страны» Азии — Япония, Китай и Индия тоже выразили желание испытать свои силы.

Казалось, что на этот раз главная проблема не устоит против научно-технического потенциала такого уровня. Была большая надежда, что время солнечных парусов наконец наступает, что придут подходящие люди и будут найдены необходимые средства.

Работа над техническими предложениями прежде всего подтверждала осуществимость солнечных парусов. С другой стороны, это бросающая вызов научная и техническая задача. Во всяком случае, могут быть выделены три основных проблемы: во-первых, на орбиту должна быть помещена очень тонкая и невероятно большая пленочная структура ($2-5 \times 10^4$ кв. м); во-вторых, необходимо осуществлять наведение и управление столь гигантской структуры, чтобы развернуть ее по направлению к Солнцу; и в третьих, общая масса космического аппарата должна укладываться в жесточайший лимит (500 кг). Только при соблюдении всех этих трех условий становится возможным двигать космический корабль (или солнечный корабль, как мы будем его называть) с ускорением порядка 0,5 миллиметра в секунду за секунду, то подставляя «солнечному ветру» «корму», то идя левым или правым «галсом», то двигаясь ребром паруса вперед навстречу «ветру». И так в течение 2-х или 3-х лет.

Реальным достижением первой стадии Конкурса стало большое количество предложенных и разработанных концепций. Их здесь невозможно описать все. В отличие от остальных разработка Молодежного Центра «Энергия» представляет собой композицию из двух парусов, вращающихся в противоположные стороны. Центробежные силы используются для развертывания пленочной структуры и поддержания ее в нужной форме — но не только. Такая конфигурация в действительности является по сути необычайно большим спаренным гироскопом. Несмотря на столь большие размеры и, соответственно, огромный момент инерции, этот гироскоп обладает заметной управляемостью: его можно разворачивать в любом направлении. Более того: с увеличением момента инерции возрастает и управляемость гироскопом. Вот почему эта концепция представляется многообещающей.

Организаторы соревнования подумали не только о технической стороне дела; они требовали проведения научных и прикладных экспериментов, а также предоставления возможностей для новых начинаний в общественной, образовательной и гуманитарной сферах, прежде всего чтобы привлечь и стимулировать молодежь, дать дополнительный импульс творческой работе во многих областях.

Требования к предложениям составляли профессионалы. Своими условиями они заставили задуматься, как использовать предстоящий необычный полет для проведения дополнительных экспериментов и частных конкурсов. Откликнувшиеся исследовательские команды предложили множество интересных идей, чтобы украсить предстоящее событие.

Я до сих пор хорошо помню осень 1957 года. Я уже около полутора лет работал в КБ Королева, и мне посчастливилось участвовать в создании первого спутника. По вечерам мы выходили на улицу, и когда

погода была безоблачной, задрав головы, наблюдали движущуюся искусственную Звезду, пользуясь заранее публиковавшимися в газетах данными. Может быть, именно эти впечатления моей юности подсказали идею эксперимента, позже получившего название «Новый Свет».

В наши дни никого не удивит искусственным спутником, разве что это окажется НЛО. Но солнечный парус — это нечто большее, чем просто летающий объект. Ранним утром, перед рассветом, 4 февраля 1993 года, тридцать пять лет спустя после запуска первого спутника, люди могли увидеть искусственную звездочку, маленькую, но необыкновенно яркую. Лучше всего сказать об этом русской пословицей: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Совершившееся событие может вызвать самые серьезные сдвиги во многих областях. Это означает не только технологический толчок, но и одновременное обеспечение информацией людей во всем мире. Новый вид космической технологии — это прорыв не только в технике, но и в осознании необходимости этой техники.

Но путь к цели был неблизким и непростым.

Мне подумалось, что солнечный парус к тому же может стать превосходным космическим отражателем: огромным, мобильным зеркалом отличного качества. Такого рода устройства, необычные даже для космической технологии, могли бы освещать ночную сторону Земли. С высоты 1000 км (перегиб начальной орбиты, с которой стартует космическая ракета) парус отбросит на Землю «солнечный зайчик» диаметром 10 км. Самым неожиданным будет степень освещенности. В безоблачную ночь от 200-метрового паруса она будет равна яркости так называемых «Полных лун» (30 люкс). При такой освещенности можно не только устраивать карнавалы на открытом воздухе, но и читать газету, и фотографировать.

Идея использования классических отражателей солнечного света не нова, ее высказывал еще более 60 лет назад известный немецкий исследователь профессор Г. Оберт, а дальнейшее развитие ее теоретические аспекты получили в фундаментальных трудах его ученика К. Эрике. Он ввел в обиход термины «Люнетта» и «Солетта» — искусственные источники, соответствующие по яркости света Луне и Солнцу. Однако широкого распространения теория не получила — ее время еще не пришло, ведь технология крупногабаритных космических конструкций по существу только зарождается.

Для осуществления в России этого необычного проекта консорциум «Космическая регата» объединил усилия многих космических предприятий бывшего Советского Союза во главе с НПО «Энергия». Была подготовлена более подробная схема проекта и разработаны технические аспекты запуска трех или более космических парусов с помощью ракеты.

Но основной ход проекта затормозился по финансовым причинам. По причине отсутствия денег проект чуть было не сорвался совсем. Похоже, и на этот раз русские пошли своим путем. Несмотря на огромные экономические трудности, команда «Космическая регата» нашла, как продолжить свои «игры» и достичь практических результатов. Был предложен, спроектирован и разработан демонстрационный орбитальный эксперимент, получивший название «Знамя». В конце концов было подготовлено все его техническое оснащение, отправлено на космодром Байконур, и 27 октября 1992 года, в Международный год космоса, запущено в космос на грузовом корабле «Прогресс».

«Космической базой» для миссии «Знамя» стала орбитальная

станция «Мир» и грузовой корабль «Прогресс». В октябре «Прогресс» со свернутым Солнечным парусом «Знамя» на борту как обычно состыковался со станцией «Мир», доставив топливо и другие средства жизнеобеспечения. Первоначально планировалось оставить «Прогресс» в состыкованном положении на 40 дней и провести испытания 8 декабря, в конце всемирного юбилейного года космоса. Но по ряду причин испытания задержались еще на два месяца. Первая причина — техническая — желательно было оставить комплекс состыкованным, чтобы использовать «Прогресс» для различных работ. Вторая — не с кем было соревноваться в космосе под солнечными парусами.

В конце основного этапа космонавты Анатолий Соловьев и Александр Авдеев работали в стыковочном отсеке, монтируя солнечный парус «Знамя» и завершая приготовления к уникальному событию. Ранним утром, 4 февраля 1993 года, сразу же после расстыковки установка первого солнечного паруса была завершена.

Грузовой корабль «Прогресс М-15» с развернутым солнечным парусом. Снимок с борта орбитального комплекса «Мир».

Цели испытания были следующими:

- показать космическому сообществу и общественности планеты реальность солнечного паруса;
- проверить принятую концепцию и разработку модели;
- измерить ее основные характеристики;
- осуществить эксперимент «Новый свет».

В завершающей стадии проекта планировалось, что «Знамя» совершит четыре оборота вокруг Земли в течение шести часов. Во время

своего полета первый солнечный парусник наблюдали и контролировали с «Прогресса», со станции «Мир» и с Земли. Две телевизионные камеры и телеметрическая система на борту «Прогресса» передавали изображение и данные в центр контроля за экспериментом для оценки характеристик огромного аппарата. Космонавты, сменившие прежний экипаж, также использовали все имеющиеся на борту теле- и фотокамеры, чтобы запечатлеть первый полет солнечного парусника. Все данные были получены и переданы в сеть мирового телевидения и других средств массовой информации.

Сам же эксперимент был захватывающим зрелищем. На четвертом витке первый солнечный парус осветил Землю искусственным светом, который в ясную погоду был бы в два-три раза ярче лунного. К сожалению, погода в Европе, над которой пролегла траектория парусника, не очень благоприятствовала эксперименту. Но несмотря на это, поступило множество известий со всей трассы полета от Тулузы в южной Франции через Швейцарию, Австрию и Польшу до Белоруссии. Наиболее профессиональное из всех сообщений пришло с высокогорной метеорологической станции в южной Германии. Специалисты по контролю окружающей среды за час до рассвета зафиксировали в темном небе секундную, но необычайно яркую вспышку.

С такой низкой орбиты (около 400 км) нелегко отражать солнечный свет, к тому же здесь есть некоторые тонкости. Во-первых, существуют сравнительно короткие периоды времени, когда становится возможным освещать ночную сторону Земли. В принципе при такой высоте понадобится два 5-7-минутных промежутка в течение каждого обращения солнечного парусника вокруг Земли: каждый орбитальный закат и восход. Конкретно в этот день, 4 февраля, в радиусе действия первой космической световой системы могли оказаться области, находящиеся между 45 и 55 градусами Северной и Южной широты.

Вторая тонкость заключается в том, чтобы удержать световое пятно строго в определенном месте, скажем, над Лионом или Веной, Сиэтлом или Монреалем. Зеркало наводится на определенную точку на Земле — мишень, и затем его движение совмещается с обращением корабля вокруг Земли. Во время подготовки первого демонстрационного эксперимента не все трудности были устранены. Поэтому отражатель «Знамя» наблюдали лишь в течение очень короткого времени, фактически как вспышку. Световая точка двигалась по своей траектории с поистине космической скоростью — 8 км в секунду (т. е. с первой космической скоростью). С другой стороны, размер светового пятна также зависит от высоты орбиты. Для отражателя «Знамя» она составила примерно 5—10 км. Таким образом, вспышка длилась около секунды — довольно-таки короткая, но впечатляющая.

В безоблачном небе «Знамя» смотрелось как маленькая, но необычайно яркая звезда, причем не только в ночное время. Благодаря ее яркости эту искусственную звезду можно было наблюдать и в дневные часы. Поэтому люди смогли видеть ее по всей земле: на небольшой высоте в обоих полушариях.

В конце эксперимента вся система вращающихся парусов была отстрелена с носителя — этот этап также контролировался космонавтами. С расстояния пяти километров на телеэкранах было видно, как небольшое световое пятно распалось на несколько фрагментов, продолжавших вращаться в небе.

Главная часть эксперимента была завершена, но этим все не кончилось. Потревоженные люди все еще выходили из домов, чтобы попытаться увидеть космическое зеркало собственными глазами. Множество сообщений пришло из Канады. Последовал ряд звонков на местную телевизионную студию в Торонто. Люди рассказывали о том, что наблюдали перед рассветом три НЛО, ярко светившихся в темном небе, один из которых падал. Телевизионщики обратились ко мне за комментариями. Кажется, они поверили, что это были все-таки остатки реального объекта. Я пообещал в следующий раз осветить Канаду из космоса. Люди должны верить в это!

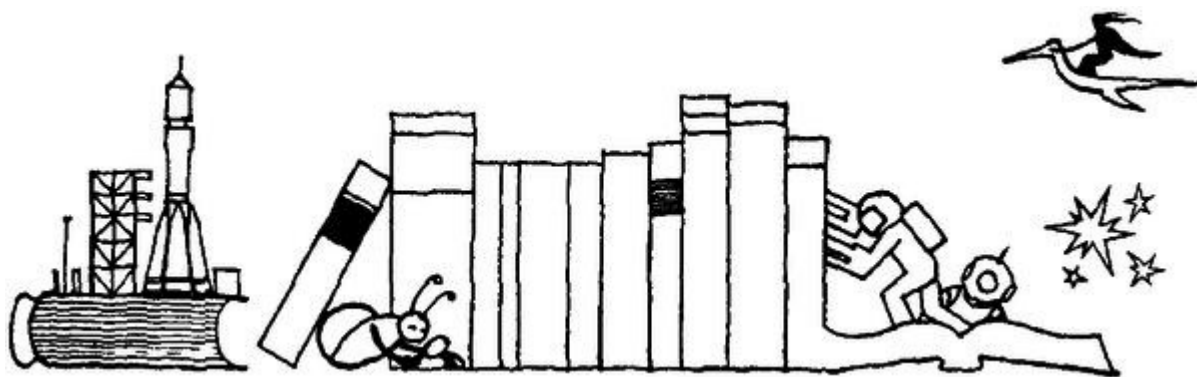
Пять столетий назад Христофор Колумб, отправившись под парусом искать новый путь к Индии через другую сторону Земного шара, неожиданно открыл Новый свет. Открытие, неправильно понятое самим Колумбом и не оцененное большинством его современников, послужило поворотным пунктом в развитии и Старого, и Нового Света.

Пять столетий спустя мы смогли развернуть паруса в космосе. Использование солнечных парусников позволит Колумбам XX века не только путешествовать между планетами Солнечной системы, используя самые что ни на есть естественные законы Вселенной, не нарушая природный баланс и не расходуя земные ресурсы, но и заставит их служить земному человечеству.

До сих пор звезды украшали ночное небо, привлекая романтиков, астрономов и навигаторов. Пришла пора искусственных звезд, которые смогут освещать путь человеку по ночам, освещать без газовых рожков, керосиновых и электрических ламп, не перегораживая реки и не истощая недра — звездные мечты человечества.

В Священном Писании сказано: «И создал Бог два светила великие: светило большее для управления днем, и светило меньшее для управления ночью, и звезды. И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю. И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы». Научиться править ночью с помощью Нового светила, большего и меньшего — задача, достойная последнего десятилетия XX века после Рождества Христова.

Библиография

Татьяна Лаврова

**Солнечные парусники на литературных страницах
Краткий библиографический справочник**

Каждый наш поступок, каждая мысль, каждое движение летит на крыльях светоносного эфира в бесконечность мирового пространства, ни на миг не пропадая, никогда не уничтожаясь, а только трансформируясь по временам в другого рода события.

Морозов Н.А. Путешествие по Четвертому измерению пространства // Морозов Н.А. На границе неведомого. — М.: Звено, 1910. — С.77.

Наша планета не что иное, как эфирный корабль, перевозящий души через бездны небес с быстротою 2,5 миллиона километров в сутки около своей путеводной звезды и переносящийся вместе с нею в пространстве на 640 миллионов верст каждый год.

Фламмарин К. «В небесах» // *Рынин Н.А.* Межпланетные сообщения. — Вып. 3: Лучистая энергия в фантазиях романистов и в проектах ученых. — Л., 1930. — С. 129.

Принятые сокращения

ВГБИЛ — Всероссийская гос. библиотека иностранной литературы (бывш. Всесоюзная).

ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук.

РГБ — Российская гос. библиотека (бывш. Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина).

Словарь

Вагон — один из важнейших элементов «космического парусника».

Аппарат мог поднять 1800 кг; из них по предварительному расчету на долю вагона падало всего 600 кг и 100 кг на скрепление его с зеркалом... материалом для того и другого послужит великолепный сплав Имеретинского.

Первоначально предполагали сделать вагон в виде ящика со стенками в 1 см толщины; с точки зрения прочности, это представлялось совершенно достаточным, принимая во внимание качества ванадийного максвеллия. Самой выгодной формой, чтобы при наименьшей поверхности получить наибольший объем, является, как известно из геометрии, шар. Имеретинский возразил... что шарообразный вагон неудобен во многих отношениях: придется делать внутренние полы так как ходить по вогнутой поверхности и что-либо на нее ставить — немыслимо; далее, при малой высоте шара можно будет сделать только два окна сверху и снизу, с остальных сторон зеркало закроет пространство, и пассажиры аппарата не будут в состоянии производить наблюдения по всем направлениям; наконец, шарообразный вагон труднее скрепить с движущим зеркалом... шарообразная форма была отвергнута... решили придать вагону форму цилиндра, но с закругленной верхней стороной. Тогда, оставаясь в пределах 600 кг, вагон, при толщине стенок в 1 см, мог иметь 4,5 метра высоты и 3 метра в поперечнике; внутренняя перегородка разделит его на два этажа. Каждый этаж будет освещаться тремя окнами: двумя боковыми и одним сверху или снизу... пассажиры небесной экспедиции получат комфортабельное помещение из двух круглых комнат в 2,25 метра (3 арш.) высоты и 3 метра (4 слишком

аршина) в диаметре...

Красногорский Б. По волнам эфира. — СПб., 1913. — С. 102-109.

Давление света

Давление света впервые было экспериментально открыто и измерено П. Н. Лебедевым (1899) // БСЭ — 3-е изд. — Т. 7. — С. 487-488.

«...Где та сила, которая могла бы перебросить нас за миллионы верст, отделяющие нашу планету от остальных?.. Я эту силу нашел: эта сила — свет! Итак, сила, которая может нас унести из земных пределов, была найдена, и моя задача сводилась к тому, чтобы построить аппарат, приводимый ею в движение».

Красногорский Б. По волнам эфира. — СПб., 1913. С.18-19.

«Протяните ладони к Солнцу. Что вы чувствуете? Тепло, конечно. Но кроме него есть еще давление. Правда, такое слабое, что вы его не замечаете. На площадь ваших ладоней приходится всего около одной миллионной унции. Но в космосе даже такая малая величина играет роль, потому что она действует все время, час за часом, день за днем. И запас энергии в отличие от ракетного горючего неограничен. При желании можно ее использовать. Мы можем создать паруса, которые будут улавливать солнечное излучение».

Кларк А. Солнечный ветер // Кларк А. Конец детства: Роман. — Рассказы. — М.: Книга, 1991. — С.223.

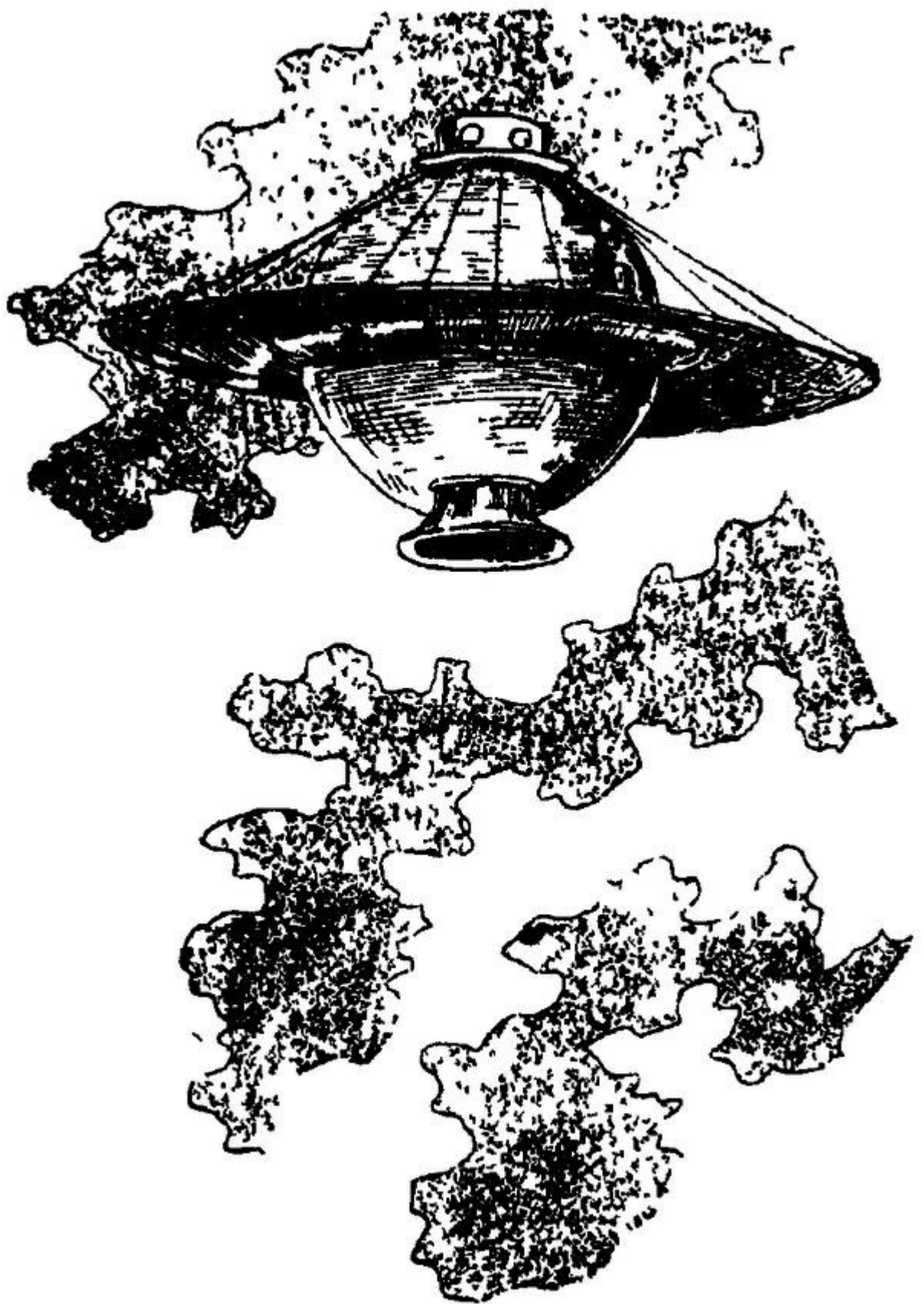
Защитительная ширма — составная часть «солнечного зеркала».
Красногорский Б. По волнам эфира. — СПб., 1913. — С.101.

Звездный ветер см. Солнечный ветер.

Космический парусник (корабль, солнечный парусник, солнечная яхта).

«Прибор, так любезно предоставленный в распоряжение земных гостей селенитами, представлял собою полый шар из селена, имевший до десяти метров в диаметре. В нижней части шара находилось отверстие, около метра в поперечнике. Четыре трубки, утвержденные в этом отверстии крестообразно, служили подпорами для оси из селена, которая оканчивалась вверху большим кругом, а тотчас над последним возвышался пол камеры, служившей для помещения путешественников. Отношение этой камеры к окружавшему ее шару было таково, что она могла оставаться неподвижною, тогда как шар мог вращаться вокруг нее со страшною быстротой. Это достигалось устройством, похожим на то, какое дают обыкновенно вращающимся башням в обсерваториях, т. е. круг, которым оканчивалась ось, мог скользить по дну камеры при помощи бронзовых катков.»

Ле-Фор Ж., Графиньи А. де. Вокруг Солнца. — СПб., 1892. — С. 44-45.

Корабль Фора и Графиньи, отгаливаемы лучами света

«Диана» хорошо начала гонки; теперь можно взглянуть и на соперников... Ближе всех — каких-нибудь пятьдесят миль — южноамериканская «Санта Мария», очень похожая на воздушного змея,

только размеры не те: длина стороны — миля с лишним. Несколько дальше — «Лебедев», сконструированный Астроградским университетом, напоминающий мальтийский крест; четыре крыла по его краям, очевидно, можно поворачивать для перемены курса. «Вумера», снаряженная Федерацией Австралазии, — обыкновенный парашют четырех миль в поперечнике. «Арахна» (яхта Главного космического комбината), в полном соответствии со своим именем, похожа на паутину и собрана по тому же принципу: из центра по спирали расходятся автоматически управляемые перепонки. Точно так же, только размером поменьше, сделана «Паутина» Еврокосмоса. Присланный Марсианской республикой «Солнечный луч» представлял собой плоское кольцо с полумильным отверстием; кольцо медленно вращалось, и центробежная сила придавала ему устойчивость. Идея старая, но никому еще не удавалось успешно осуществить ее...

Кларк А. Солнечный ветер // Кларк А. Конец детства: Роман. — Рассказы. — М.: Книга, 1991. — С.224.

«Аппарат заимствует энергию из мирового пространства: а) использование силы тяготения, т. е. притяжения небесных тел для целесообразного направления полета межпланетного корабля; б) использование лучистой энергии солнца, которое дает тепловатые, световые и иные лучи. Тепловые лучи можно использовать для химических реакций и разложения разных веществ на газы, взрывая которые, получим требуемую отдачу. Световые лучи могут произвести лучевое давление на специальные громадные экраны, окружающие аппарат, и сообщить ему силу отталкивания; этот вопрос является сложным и технически трудно осуществимым; наконец, можно думать, что в мировом пространстве имеются другие виды лучистой энергии, еще нам неизвестные, может быть более могущественные, которые предстоит открыть, и тогда ими можно будет воспользоваться для межпланетных путешествий.»

Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.1: Мечты, легенды и первые фантазии. — Л., 1928. — С.VIII.

Лучевое давление см. также Давление света.

«Перейдем ко второму вопросу: как велико лучевое давление? Из теоретических расчетов и из опытов моих предшественников вытекало, что оно равняется $\frac{2}{3}$ дины на 1 кв. метр черной поверхности; для отражающей — вдвое больше, т. е. $\frac{4}{3}$ дины. Как показывают математические выкладки, это равносильно тому, что лучевое давление может поднять $2 \frac{3}{11}$ грамма какого-нибудь вещества, расплюснутых в зеркальную поверхность в 1 кв. метр и перенесенных в межпланетное пространство, где они подвергаются только солнечному притяжению. Величина эта не зависит от расстояния до Солнца, так как сила тяготения и лучевое давление изменяются пропорционально. При уменьшении веса нашего зеркала всего на $\frac{3}{11}$ грамма, т. е. до 2 граммов, оно помчится от Солнца со скоростью приблизительно 250 километров в секунду; быстрота, более чем достаточная, чтобы вырвать тело из сферы земного тяготения. Итак, подъемная сила лучевого давления при действии его на 1 кв.м. металлического зеркала равняется 2 граммам. Запомним это число».

Красногорский Б. По волнам эфира. — СПб., 1913. — С. 60-61.

Межпланетный ветер см. Солнечный ветер.

«...межпланетный ветер уже наполнил огромный круглый парус» // Кларк А. Солнечный ветер. — М., 1991. — С.221.

Отражающие листы — составная часть «солнечного зеркала».

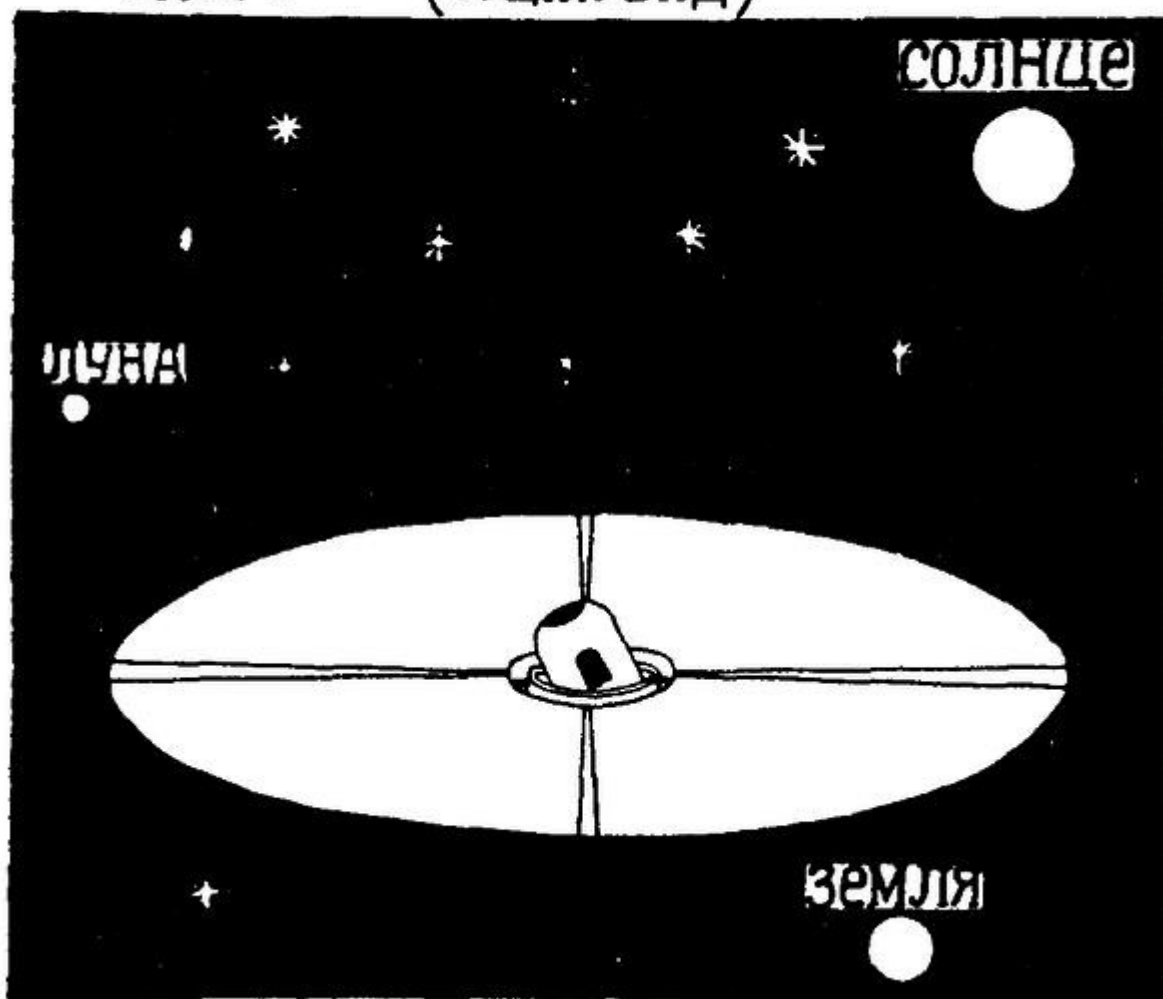
Красногорский Б. По волнам эфира. — СПб., 1913. — С.101.

Рама — составная часть «солнечного зеркала».

«Рама состояла из квадратов со сторонами в два метра, так что всего их на требующиеся 900 кв. метров приходилось 225. Большая часть этих „окон“ была уже затянута тончайшими листами того же серебристого сплава, и в общем получалось блестящее поле с поперечником в 35 метров в виде круга. Посередине оставалось круглое отверстие; несколько брусьев из рамы заходили в него и, очевидно, должны были служить для скрепления зеркала с вагоном, который займет срединное отверстие. Сложная система рычагов приводила рефлектор в движение и позволяла поворачивать его в разные стороны.»

Красногорский Б. По волнам эфира. — СПб., 1913. — С. 139.

Межпланетнй корабль Б.Красногор- ского (общий вид)

Солнечное зеркало

Красногорский Б., Святский Д. Острова эфирного океана. — Пг., 1914. — С.45.

Красногорский Б. По волнам эфира. — СПб., 1913. — С. 24-25, 60-65, 101.

«Он [аппарат] должен отвечать двум условиям: быть легким и обладать большой отражательной поверхностью. Главную часть моего аппарата составляет огромное зеркало из чрезвычайно тонких листов гладко отполированного металла. Листы будут наложены на прочную раму из особого легкого сплава, из которого будет сделан также вагон для пассажиров, прочно соединенный с рамой. Частицы эфира, ударяя в движущее зеркало, приведут аппарат в движение, и мы умчимся в межпланетное пространство. Для ясности прибавлю, что мы должны пуститься в путь утром или вечером; тогда косые лучи Солнца по наклонной линии поднимут аппарат и унесут его с Земли; если же мы вздумали бы начать путешествие в полдень, когда Солнце ярче и выше всего, то лучи его, падая на зеркало сверху, только еще плотнее пригвоздили бы его к Земле!»

Красногорский Б. По волнам эфира. — СПб., 1913. — С.24.

Солнечный ветер

Термин «солнечный ветер» был предложен американским физиком Е. Паркером в 1958 г. // БСЭ. — 3-е изд. — Т. 24. — С. 148-149.

Солнечный ветер — поток квазинейтральной плазмы, непрерывно испускаемой Солнцем.

Солнечный ветер представляет собой постоянное радиальное истечение плазмы солнечной короны в межпланетное пространство. Образование солнечного ветра связано с потоком энергии, поступающим в корону из более глубоких слоев Солнца. // Космонавтика: Энцикл. — М.: Сов. энцикл., 1985. — С. 365-366.

Солнечный парус

Солнечный парус, один из возможных движителей космического летательного аппарата (КЛА); представляет собой устанавливаемую на КЛА и развертываемую в полете непрозрачную пленку (напр., металлизированная полимерная) большой площади, способную сообщить КЛА значительную скорость за достаточно большое время благодаря действию на нее солнечного излучения. Ограничением в применении солнечного паруса является то, что КЛА с солнечным парусом может двигаться только в одном направлении (от Солнца), а сила солнечного давления мала и убывает пропорционально квадрату расстояния от Солнца. Может найти практическое применение в межпланетных полетах. // БСЭ. — 3-е изд. — Т.24. С.150.

Солнечный парус — устройство с тонкой пленкой — парусом для перемещения космического аппарата (КА) давлением солнечного излучения. На орбите Земли это давление составляет 4,5 мкПа (для абсолютно поглощающей поверхности) и уменьшается с удалением от Солнца пропорционально квадрату расстояния. Значение тяги солнечного паруса пропорционально его размерам и зависит также от его ориентации по отношению к солнечному излучению и отражательной способности поверхности. Ввиду частичного отражения излучения результирующий вектор тяги в общем случае не совпадает с направлением падающих

лучей. 4 солнечных стабилизатора в виде натянутых на каркасы алюминизированных полимерных пленок размером 0,65 м² использовались для точной стабилизации КА «Маринер-4» по тангажу и курсу. Допустимую рабочую температуру пленки и стойкость полимерного материала в условиях солнечной радиации на расстоянии от Солнца 1-0,25 а.е. предполагается обеспечить, покрыв пленку с освещенной стороны алюминием (коэф. отражения 0,85) и с теневой — хромом (коэф. излучения 0,40) // Космонавтика: Энцикл. — М.: Сов. энцикл., 1985. — С.366.

Солнечный парус — установленная на КЛА растянутая тонкая непрозрачная пленка (напр., металлизированная полимерная) с большой поверхностью, способная сообщить ему под действием давления солнечного излучения значительную скорость за достаточно большое время. Может найти практическое применение в космонавтике // Космонавтика: Маленьк. энцикл. — М.: Сов. энцикл., 1970. — С.420.

«Огромный парашют из селена гигантским кольцом окружал по экватору шар, служивший наружною оболочкою летательного аппарата. Крепкие канаты соединяли это изобретение г-на Сломки с каютою, назначенной для пребывания путешественникам. Весь аппарат был помещен в фокусе исполинского параболического рефлектора, окруженного селеновыми зеркалами: стоило лишь повернуть последние так, чтобы они отразили солнечные лучи на поверхность рефлектора, — и, повинувшись могучей силе света, аппарат быстрее молнии понесся бы в пространство».

Ле-Фор Ж., Графиньи А. де. Вокруг Солнца. — СПб., 1892. — С.52.

«Невесомо парящему у перископа Мертону казалось, что парус заслонил все небо. Ничего удивительного — пятьдесят миллионов квадратных футов соединено с его капсулой чуть не сотней миль такелажа. Если бы сшить вместе паруса всех клиперов, какие в прошлом белыми тучками летели над Индийским океаном, то и тогда они не сравнялись бы с парусом, в который „Диана“ ловила солнечный ветер. А вещества в нем чуть больше, чем в мыльном пузыре: толщина этих двух квадратных миль алюминированного пластика — всего лишь несколько миллионных дюйма. Такой огромный и вместе с тем такой хрупкий; уму непостижимо. Еще трудней освоиться с мыслью, что это тончайшее зеркало одной только силой уловленных им солнечных лучей может оторвать „Диану“ от Земли».

Кларк А. Солнечный ветер // Кларк А. Конец детства: Роман. — Рассказы. — М.: Книга, 1991. — С.222.

Фалы — узкие полосы непосеребренной пластиковой пленки.
Кларк А. Солнечный ветер. — М., 1991. — С.224.

Персоналии

Гюйгенс Христиан (1629-1695) — нидерландский механик, физик и математик, создатель волновой теории света // БСЭ. — 3-е изд. — Т.7. — С. 474-475.

Гюйгенс Х. Трактат о свете, в котором объяснены причины того, что с ним происходит при отражении и при преломлении...

/ Пер. Фредерикс Н.; Под ред. Фредерикса В. — М.; Л.: ОНТИ, 1935. — 172 с., ил.

Изложена волновая теория света.

РГБ; ИНИОН

Франкфурт У.И., Френк А.М., Христиан Гюйгенс: 1629-1695. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 328 с., ил. — Библиогр.:

С. 307-326.

РГБ; ИНИОН

Лебедев Петр Николаевич (1866-1912) — русский физик.

В 1901 г. впервые обнаружил и измерил давление света на твердое тело, подтвердив количественно теорию Максвелла. В 1909 г. Лебедеву удалось решить труднейшую экспериментальную задачу — установить и измерить давление света на газы // БСЭ. — 3-е изд. — Т.14. — С.228.

Лебедев П.Н. Давление света / Под ред. Лазарева П.П., Кравца Т.П. — М.: Госиздат, 1922. — 4,92 с., ил. — Библиогр.: С. 78-82.

Корнеева А.И. Философское значение физических открытий П.Н.Лебедева. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1959. - 152 с., ил.

РГБ

Максвелл Джеймс Кларк (1831-1879) — английский физик, открыл световое давление // БСЭ. — 3-е изд. — Т.15. — С.251-252.

Максвелл Дж. К. Избранные сочинения по теории электромагнитного поля / Пер. Цейтлина З.А.; Под ред. Кудрявцева П.С. М.: Гостехиздат, 1954. — 688 с., ил.

РГБ

Максвелл Дж. К. Трактат об электричестве и магнетизме: В 2-х т. — М.: Наука, 1989.

Карцев В.П. Максвелл: 1831-1879. — 2 изд., испр. — М.: Мол. гвардия, 1976. — 334 с., ил. — Библиогр.: с. 330-331.

РГБ

Рынин Николай Алексеевич (1877-1942) — советский ученый и популяризатор в области воздухоплавания, авиации, космонавтики.

В 1928-1932 гг. издал «Межпланетные сообщения»

(Вып. 1-9) — первый энциклопедический труд по истории и теории реактивного движения и космонавтики.

Именем Рынина назван кратер на Луне // Космонавтика: Энцикл. — М.: Сов. энцикл., 1985. — С.339.

Рынин Николай Алексеевич // БСЭ. — 3-е изд. — Т.22. — С.451.

Рынин Николай Алексеевич // Космонавтика: Маленьк. энцикл. — М.: Сов. энцикл., 1970. — С.395.

Рынин своими прекрасными работами... особенно способствовал распространению идей звездоплавания.

К.Э.Циолковский // Циолковский К.Э. Ракетные и летательные

аппараты. — М., 1964. — С.314.

«Николай Алексеевич Рынин. Его имя присвоено одному из кратеров. Профессор, доктор техн. наук, инженер, воздухоплаватель, авиатор. Начинал он как строитель. Окончил в начале 20 в. Петербургский институт путей сообщения. объездил чуть ли не весь свет. Проекты зданий и мостов были его первыми работами, а исследования по теоретической механике — диссертацией.

Решающую роль в его судьбе сыграла авиация. Авиация и воздухоплавание завладели воображением молодого ученого... Возвратившись на родину, Рынин принял активное участие в организации Всероссийского аэроклуба, где стал читать лекции по воздухоплаванию. С того же времени он начал собирать свою библиотеку, превратившуюся со временем в крупнейшее в нашей стране собрание литературы по технике и космонавтике. К сожалению, эта библиотека безвозвратно утрачена во время войны.

Страсть к собиранию книг нашла прямое отражение и в научной работе Н.А.Рынина. Он составил первую чрезвычайно подробную библиографию по теме межпланетных путешествий, которая отражала литературу на русском и иностранных языках».

Ляпунов Б.В. Энциклопедия межпланетных сообщений // Ляпунов Б.В. Люди, ракеты, книги. — М., 1972. — С. 40-50.

Об энциклопедии Рынина Н.А. «Межпланетные сообщения».
РГБ; ИНИОН

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Энциклопедии справочники, словари

Космонавтика: Энцикл./ Гл. ред.: Глушко В.П. — М.: Сов. энцикл., 1985. — 526 с., ил. — Библиогр.: с.464-476.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Космонавтика: Маленьк. энцикл. / Гл. ред. Глушко В.П. — 2 изд., доп. — М.: Сов. энцикл., 1970. — 592 с., ил. — Библиогр.: с.566-579; Указ.: с.580-591.

Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Л.: Изд-во АН СССР, 1928-1932.

Вып.1: Мечты, легенды и первые фантазии. — 1928. X, — 110 с., ил.

Вып.2: Космические корабли: Межпланет: сообщ. в фантазиях романистов. — 1928. — 160 с., ил.

Вып. 3: Лучистая энергия в фантазиях романистов и в проектах ученых, — 1930. — 154 с., ил.

Вып.4: Ракеты и двигатели прямой реакции: История, теория и техника. — 1929. — 216 с., ил.

Вып.5: Теория реактивного движения. — 1929. 64 с., — ил. Библиогр.: с.62-64.

Вып.6: Суперавиация и суперартиллерия. — 1929. 218 с., — ил.

Вып.7: Русский изобретатель и ученый Константин Эдуардович Циолковский: Его биография, работы и ракеты. — 1931. — 112 с., ил. — Библиогр. с.15-19.

Вып.8: Теория космического полета. — 1932. — 358 с., ил.

Вып.9: Астронавигация. Летопись и библиогр. — 1932. — 218, X с., ил. — Библиогр.: с.141-189.

Селешников С.И. Астрономия и космонавтика: Крат, хронол. справ, с древнейш. времен до наших дней. — К: Наук, думка, 1967. — 304 с., ил. — Библиогр.: с.235-259. — Указ.: с.275-302.

Angelo J.A. The extraterrestrial encyclopedia: Our search for life in outer space. — N Y.; Oxf.: FF, 1991. — XII, — 240 p., ill. — Bibliogr.: p.227-230. — Ind.: p.231-240.

Космические исследования. Энциклопедия.

РГБ

Encyclopedia of cosmology: Hist., philos., a.sci foundations of mod. cosmology / Ed. by Hetherington N.S. — N.Y.; L.: Garland, 1993. — XVI, 686 p. ill.

Энциклопедия по космологии. Исторические, философские, научные основы современной космологии.

РГБ

La Cotardiere Ph. de Penot J.P. Dictionnaire de l'Espace. — P.: Larousse, 1993. — 288 p., ill.

Космическое пространство и космонавтика. Словарь.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Бугров В., Халымбаджа И. Фантастика в дореволюционной русской литературе: Опыт библиогр. // Поиск — 83. — Свердловск: Сред. — Урал. кн. изд-во, 1983. — С.328-352.

Космический полет в литературе // Космонавтика: Маленьк. энцикл. — М.: Сов. энцикл., 1970. — С.218-219.

Большое место отведено научной фантастике.

РГБ; ИНИОН

Ляпунов Б.В. Люди, ракеты, книги. — М.: Книга, 1972. — 190 с., ил.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Рынин Н.А. Межпланетные сообщения.

Вып.9: Астронавигация: Летопись и библиогр. — Л.: Изд-во АН СССР, — 1932. — 218, X, 14 с., ил. — Библиогр.; с.141-189.

РГБ

Что идея межпланетных сообщений жизненна, показывает рост работ, относящихся к ней, по векам и годам. Так до начала нашей эры относится 32 указания, от начала нашей эры до XVII века — 18, в XVII веке — 30, в XVIII в. — 19, в XIX — 144 и в XX веке уже 1140.

Фантазии романистов на русском языке — 197; фантазии романистов на иностранных языках — 81; кинофильмы — 12. // Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.9: Астронавигация: Летопись и библиогр. — Л., 1932. — С.108.

РГБ

Особый интерес представляет летопись и библиография по

межпланетным сообщениям и ракетной технике. В летопись межпланетных сообщений включены важнейшие труды человечества, начиная от индийских манускриптов, китайских сказаний, мексиканских легенд, арабских сказок и русских былин до теоретических исследований ученых и реальных проектов инженеров начала 30-х годов XX в. Здесь приведено более 1300 наименований основных научных открытий, технических изобретений, патентов, теорий экспериментов и проектов. Библиография по межпланетным сообщениям насчитывает более 1200 монографий, статей, романов и кинофильмов на русском и иностранных языках.

Тарасов Б.Ф.// Тарасов Б.Ф. Николай Алексеевич Рынин. — Л.: Наука, 1990. — С.128-129.

РГБ; ИНИОН

Семибратова И.В. Фантастика в русской литературе XIX века: Метод, и библиогр. материалы для биб-тек в помощь пропаганде художлит. / Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. — М., 1974. — 32 с.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФАНТАСТОВ

Кларк А. Солнечный ветер // Кларк А. Конец детства: Роман. — Рассказы. — М.: Книга, 1991. — С.221-238.

РГБ; ИНИОН; ВГБИЛ

Clarke A. C. The Wind from the Sun; Stories of the space age. — London; Sydney: PB, 1983. — 188 p., ill. — Bibliogr.: p.2.

РГБ

Clarke A. C. The Wind from the Sun // Anatomy of wonder. — 3 ed. — N.Y.; L., 1987. — P.123-124.

РГБ

Красногорский Б. По волнам эфира: Астрономич. роман. — СПб.: Типо-Хромо-Литогр. В.В. Шварц, 1913. — 254 с., ил.

Полет на космическом корабле с солнечным зеркалом, позволившим использовать в качестве движущей силы световое давление. Выдвигается идея космического корабля с «солнечным парусом».

РГБ

Красногорский Б., Святский Д. Острова эфирного океана: Астрономия, роман: Оконч. романа «По волнам эфира». — Пг.: тип. «Рассвет», 1914. — 256 с., ил.

Рынин Н.А. Межпланетный корабль Б. Красногорского // Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.2: Космические корабли. — Л.: П.П. Сойкин, 1928. — С.56-65.

В астрономическом романе «По волнам эфира» Б. Красногорский описывает полет четырех человек из Ленинграда к Луне и обратное падение их аппарата в Ладожское озеро.

Заключение о проекте Б. Красногорского.

Автор проекта высказал ряд интересных мыслей, к сожалению, пока не осуществимых.

1. Сила лучевого давления Солнца взята весьма большой и

неоправданной попыткой.

2. Сплава, подобного максвеллию, из которого устроен корабль, еще не найдено.

3. Благополучное падение вагона на Землю совершенно невероятно.

4. Приборов, подобных описанным, вроде водородно-кислородных столь малого веса, и велосиметра, пока еще не изобретено.

5. Почти не разработан вопрос о навигации в мировом пространстве.

6. Неясен вопрос, как срывается корабль с платформы при подъеме в земной атмосфере. Если, как говорит автор, балки платформы лишь немного длиннее зеркала, а шары прикреплены к этим балкам на длинных цепях, то эти цепи и шары будут мешать слету корабля. Вероятно, под влиянием описания Красногорского был в 1924 г. составлен аналогичный другой проект корабля, рисунок которого появился в одном русском журнале. Снизу корабля находятся диски, на которые давят лучи Солнца, сообщая кораблю движение вперед, а по бокам сверху имеются другие, поворотные диски, которые, воспринимая одностороннее давление света, уравнивают корабль.

Ле-Фор Ж., Графиньи А. де. Вокруг Солнца: Необыкновен. прикл. рус. ученого. — СПб.: Изд. П.П.Сойкин, 1892. — 4, IV, 378 с., ил.

Красногорский Б., Святский Д. Острова эфирного океана: Астрономия, роман: Оконч. романа «По волнам эфира». — Пг.: тип. «Рассвет», 1914. — 256 с., ил.

Рынин Н.А. Межпланетный корабль Б. Красногорского // Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.2: Космические корабли. — Л.: П.П. Сойкин, 1928. — С.56-65.

В астрономическом романе «По волнам эфира» Б. Красногорский описывает полет четырех человек из Ленинграда к Луне и обратное падение их аппарата в Ладожское озеро.

Заключение о проекте Б. Красногорского.

Автор проекта высказал ряд интересных мыслей, к сожалению, пока не осуществимых.

1. Сила лучевого давления Солнца взята весьма большой и неоправданной попыткой.

2. Сплава, подобного максвеллию, из которого устроен корабль, еще не найдено.

3. Благополучное падение вагона на Землю совершенно невероятно.

4. Приборов, подобных описанным, вроде водородно-кислородных столь малого веса, и велосиметра, пока еще не изобретено.

5. Почти не разработан вопрос о навигации в мировом пространстве.

6. Неясен вопрос, как срывается корабль с платформы при подъеме в земной атмосфере. Если, как говорит автор, балки платформы лишь немного длиннее зеркала, а шары прикреплены к этим балкам на длинных цепях, то эти цепи и шары будут мешать слету корабля. Вероятно, под влиянием описания Красногорского был в 1924 г. составлен аналогичный другой проект корабля, рисунок которого появился в одном русском журнале. Снизу корабля находятся диски, на которые давят лучи Солнца, сообщая кораблю движение вперед, а по бокам сверху имеются другие, поворотные диски, которые, воспринимая одностороннее давление света, уравнивают корабль.

Ле-Фор Ж., Графиньи А. де. Вокруг Солнца: Необыкновен. прикл. рус. ученого. — СПб.: Изд. П.П.Сойкин, 1892. — 4, IV, 378с., ил.

Продолжение романа «Путешествие на Луну».

Ле-Фор Ж., Графиньи А. де. Путешествие на Луну: Необыкновен. приключ. рус. ученого. — СПб.: Изд. П.П.Сойкин, 1891. — 4, 420 с., ил.

РТБ

Межпланетный корабль Фора и Графиньи,двигающийся лучевым притяжением Солнца.

Аппарат, имеющий форму артиллерийского снаряда, покрывается снаружи особым составом, найденным на Луне, который притягивается лучами Солнца. Кроме того, вокруг аппарата устраивается особая широкая платформа, состоящая из 24 частей. Каждая часть может поворачиваться вокруг особой оси, проникающей в стенку аппарата. Одна поверхность платформы покрыта упомянутым составом, а другая зачернена. Поворачивая части платформы к Солнцу то одной, то другой стороной, можно менять направление движения и попасть не прямо на Солнце, а залететь на Меркурий и на Венеру. Скорость полета предполагается 20 км в секунду. Рынин Н.А. // Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.2: Космические корабли. — Л.: П.П. Сойкин, 1928. — С.71.

Рынин Н.А. Проект Фора и Графиньи // Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.2 Космические корабли. Л.: П.П.Сойкин, 1928. — С.54-56.

В романе Фора и Графиньи «Необыкновенные приключения русского ученого». Париж, 1889:—1896; рус. пер. — 1891.

Давление солнечного света, отраженного неподвижным большим экраном на корабль, обеспечило полет с Луны на Венеру и Меркурий.

«...озаряемая светом поверхность снаряда должна быть во столько же раз больше освещенной поверхности пылинки, во сколько раз вес снаряда больше веса этой пылинки. Автор одного астрономического романа перенес своих героев на Венеру и другие планеты именно в подобном снаряде. Его герои соорудили каюту из легчайшего материала, снабженную огромным, но легким зеркалом, которое можно было поворачивать наподобие паруса. Помещая зеркало под различными углами к солнечным лучам, пассажиры небесного корабля, смотря по желанию, либо усиливали, либо ослабляли отталкивающее действие света, либо же совсем сводили его на нет, всецело отдаваясь притягательной силе...

В романе все это выходит правдоподобно и заманчиво. Но увы! Точный учет безжалостно разрушает эту мечту, не оставляя и тени надежды на осуществление подобного проекта. Вычисление показывает, что зеркальная поверхность, площадью в один квадратный метр, должна весить всего два грамма, чтобы быть увлеченной в мировое пространство силою светового давления со скоростью сотен верст в секунду. Если бы этот металлический лист был сделан из серебра, то чтобы придать ему такой ничтожный вес — 2 грамма — нужно было бы расплющить его до толщины одной десятитысячной доли миллиметра. Огромный фолиант, содержащий десять тысяч таких страниц, имел бы в толщину всего один

миллиметр! Золото (но не серебро) мы можем, правда, расплющить именно до такой толщины, но беда в том, что столь тонкие металлические листочки становятся до некоторой степени прозрачными для лучей света, и, следовательно, лучевое давление на них значительно ослабевает...

Но допустим даже, что техника преодолела это препятствие. Пусть в нашем распоряжении имеется сплав даже вдесятеро легче золота, который расплющивается до толщины в одну десятитысячную миллиметра, сохраняя при том способность полностью отражать лучи света. Какой же величины понадобилось бы зеркало из этого металла, чтобы под ударами световых лучей оно могло унести в мировое пространство каюту с пассажирами и всеми необходимыми припасами. Оно должно было бы иметь поверхность в несколько квадратных верст! Даже фантазия романиста останавливается перед сооружением такого гигантского зеркала, — он предпочел допустить, что наука ошибается насчет истинной величины светового давления и что в действительности оно в 1000 раз более, чем мы полагаем. При таком допущении, — которое, к слову сказать, внесло бы изрядное расстройство в движение планет и особенно комет, — романисту удастся соорудить межпланетный дирижабль, вполне пригодный для фантастического романа, но, к сожалению, совершенно неосуществимый в реальной действительности».

Перельман Я.И. // Перельман Я.И. Межпланетные путешествия. — Пг.: Изд. П.П. Сойкин, 1915. — С.36-38.

Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.1: Мечты, легенды и первые фантазии. — Л., 1928. — 110 с., ил.

Содержание: Гл.1: Мечты о завоевании небесного пространства, С.1—15; Гл.2: Легенды и полеты на птицах, С.10-33; Гл.3. Полеты на Луну и на Солнце Сирано де Бержерака, С.34-41; Гл.4: Полеты на конях, С.42-50; Гл.5: Полеты на духах, С.50-54; Гл.6: Полеты по Библии и в оккультных сочинениях, С.55-77; Гл.7: Полеты на небесных телах, С.78-87; Гл.8: Полеты на воздухоплавательных аппаратах, С.87-97; Гл.9: Технические проекты, С.98—107.

РГБ

Вып.1 «Межпланетных сообщений» посвящен мечте человека подняться в небесные дали... В этой книге автор знакомит читателя со сказочными полетами человека в звездное пространство. Здесь и финские сказки о полете к Луне и звездам, и монгольские сказки о создании человеком звезд Большой Медведицы, и древнегреческий миф о Дедале — скульпторе и строителе знаменитого лабиринта на о. Крит, который вместе с сыном Икаром на искусственных крыльях поднялся в небо, и полеты Сирано де Бержерака, и русские народные сказки...

Рынин подробно описывает и анализирует первые наивные технические идеи и проекты космических полетов в фантастических и приключенческих романах, начиная с Ж.Верна...

Тарасов Б.Ф. // Тарасов Б.Ф. Николай Алексеевич Рынин. — Л.: Наука, 1990. — С.121-122.

Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.2: Космические корабли: Межпланет. сообщ. в фантазиях романистов. — Л.: Изд-во П.П.Сойкин, 1928. — 80 с., ил.

Р. вып.2 Н.А.Рынин дает описание различных фантастических

проектов космических полетов с подробным критическим анализом. Он рассматривает полеты из пушек и вулканов, метательные центробежные машины, полеты при помощи «плюс» и «минус» материи, лучевого давления, с использованием солнечной и атомной энергии, электрические и радиокорабли и, наконец, ракеты. Авторы научно-фантастических романов искусно переплетали реальные технические идеи с фантазией и воображением, предоставляя возможность читателю самому разгадать, где вымысел, а где реальность... Рынин... дает оценку фантастическим проектам межпланетных кораблей и космическим полетам с позиции ученого и инженера.

Он пытается в каждой фантастической и сказочной на первый взгляд идее найти реальные зерна, дать объяснения с научной точки зрения и обосновать возможность решения проблемы.

Тарасов Б.Ф. // Тарасов Б.Ф. Николай Алексеевич Рынин. — Л.: Наука, 1990. — С. 123.

РГБ; ИНИОН

Технические проекты, предложенные писателями-фантастами в своих романах для полета в мировое пространство:

1. Из пушки на планеты.
2. Из вулкана на планеты.
3. Метательные центробежные машины.
4. Разбег на Земле по рельсам.
5. Полеты при помощи минус и плюс материи.
6. Полеты при помощи лучевого давления.
7. Применение вибрационной силы эфира.
8. Использование солнечной энергии.
9. Электрические корабли.
10. Радио — корабли.
11. Использование внутриатомной энергии.
12. Ракетные корабли.

Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.2: Космические корабли. — Л., 1928. — С.4.

Рынин Н.А. Критика проекта межпланетного корабля, движущегося силою давления лучей Солнца // Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып.2: Космические корабли. — Л., — 1928. — С.66-70.

Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. — Вып. 3: Лучистая энергия в фантазиях романистов и в проектах ученых — Л.; Изд-во АН СССР, 1930. — 154 с., ил.

Содержание: Гл.1: Лучистая энергия в фантазиях романистов, С.7—24; Гл.2: Лучистая энергия в проектах ученых, С.25-52; Гл. 3: Межпланетная сигнализация в фантазиях романистов, С.53-86; Гл.4: Межпланетная сигнализация в проектах ученых, С.87—105; Гл.5: Искусственное изменение движения планет в фантазиях романистов, С.106-128; Гл.6: Когда человек полетит на планеты? С.129-152.

РГБ

Вып. 3 Рынин посвящает использованию лучистой энергии в научно-фантастических романах и проектах ученых. Писатели-фантасты Г. Уэллс, А. Толстой, Дж. Лондон, А. Беляев и др. широко использовали в своих

произведениях идею применения лучистой энергии в космических полетах и как разрушительное средство (лучи тепловые, космические и действующие на психику людей и пр.).

Тарасов Б.Ф. // Тарасов Б.Ф. Николай Алексеевич Рынин. — Л.: Наука, 1990. — С.123-124.

Его [Рынина Н.А.] монументальный труд «Межпланетные сообщения»... является выдающейся, оригинальной, непревзойденной, исчерпывающей девятитомной энциклопедией по вопросам теории и техники реактивного движения и возможностей межпланетных полетов, послужившей основным источником этих проблем современности, и положившей начало возникновению специальной литературы в этих проблемах...

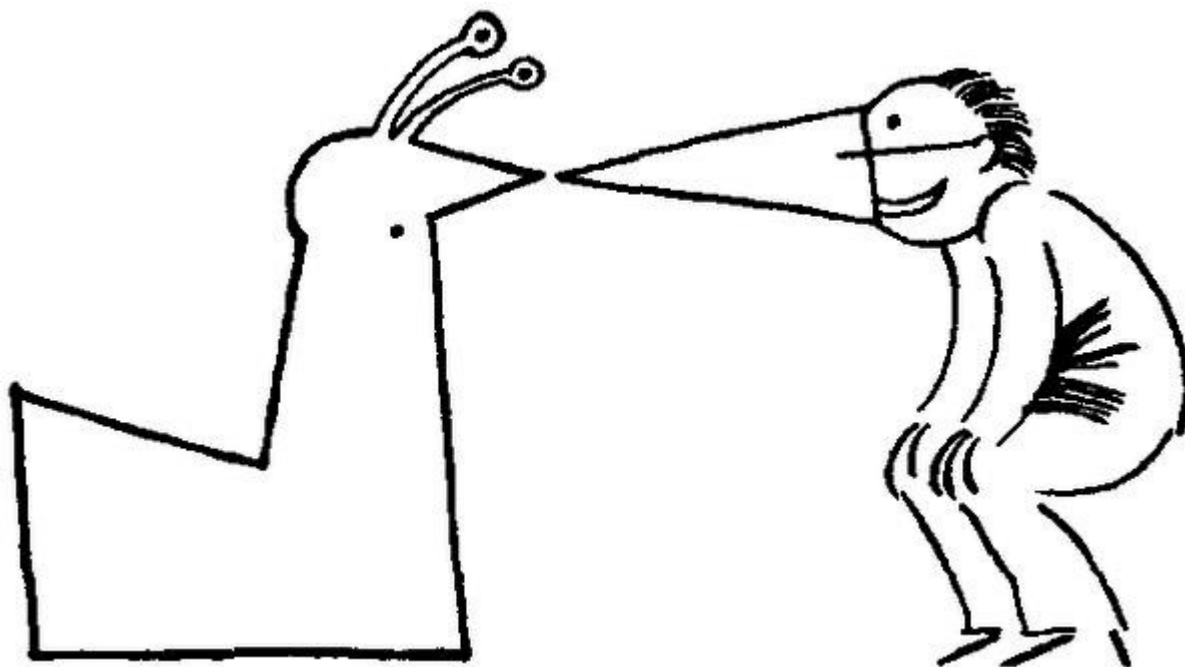
Известный пропагандист реактивной техники и космических полетов Фортиков И.П. // Фортиков И.П. Н.А. Рынин // Природа. — 1937. — № 1. — С.119.

Тарасов Б.Ф. Николай Алексеевич Рынин, 1877-1942 / Отв. ред. Воронин М.И. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. — 168 с., ил. — Библиогр. трудов Н.А.Рынина: с.156-166 (268 назв.).

Космическая энциклопедия Н.А.Рынина «Межпланетные сообщения» — уникальный труд 1928-1932 гг. общим объемом 1608 с. (976 рис.), С.121-130.

РГБ; ИНИОН

Опус №...

**Владимир Авинский, председатель самарского УФО-клуба
С какой Вы планеты, господа сенаторы?**

О серьезном с усмешкой

«В современной американской уфологии можно столкнуться с чем угодно. С одной стороны — серьезные исследования УФО-инцидентов и глубокий анализ реальных фактов, с другой — беспочвенные выдумки и просто глупости амбициозных микки-маусов от уфологии. Это следствие нашей свободы слова. Рекомендую не все принимать за чистую монету».

Это дружеский совет известного американского уфолога и научного обозревателя Антонио Хунеуса, с которым мы знакомы более пяти лет, очень полезен, особенно для легковверных. Да и всем нам не повредит иммунитет к «ошеломляющим», а на поверку легковесным, дутым УФО-сенсациям.

В сущности, похожая ситуация в последние год-два складывается и в России. Освободившись от всяческих запретов, практически любой желающий и умеющий связать пару слов может написать все, что угодно, об НЛО и своих контактах и послать в газету. Лично я склонен все-таки доверять людям, но анализировать обстоятельства и сопутствующие моменты данной истории, а также искать подтверждения из других источников. Вот тогда можно поверить и на слово и включать новое сообщение в банк УФО-данных.

Но вернемся к американской уфологии и познакомимся с одной сенсацией. Тем более, что момент самый подходящий для усмешки.

В июне прошлого года после интереснейшей конференции «Нью-Эйдж, космическая конспирация, УФО», проходившей в Сан-Диего, я на несколько дней заехал в Нью-Йорк. В один прекрасный день, действительно прекрасный, не омраченный, заметим, никакими потрясениями в жизни американцев, иду по тихой улочке Бруклина на деловую встречу. По пути заглянул в маленький магазинчик купить прохладительных напитков, печенья, чего-нибудь еще. У выхода задержался у стойки с газетами и блестящими глянец журналами. Мое внимание привлек свежий выпуск «Weekly News» с огромным заголовком через всю полосу: «12 СЕНАТОРОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ — КОСМИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ! ШОКИРУЮЩИЕ ОТКРОВЕНИЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ ПОТЯСАЮТ СТОЛИЦУ».

Пробегаю глазами заметку, которую подготовил специальный корреспондент НИК МЭН. «Вашингтон — Космический пришелец, который в 1992 году изумил мир откровением, что 5 сенаторов США были неземлянами, взорвал очередную бомбу. Несколько дней назад в Белом доме он... встретился с президентом Биллом Клинтон и назвал ему еще семерых сенаторов, которые родом с отдаленных планет».

Купол Белого дома. Президент Клинтон жмет руку лысому яйцеголовому космическому пришельцу. Пришелец белый, с длинными пальцами и почему-то голый до пояса, точнее до бедер. Ниже не показано. Не уместилось в кадре.

В заметке говорится, что сенаторы Фил Грэм, Деннис де Консини, Джон Д. Рокфеллер IV, Беннет Джонстон, Ховелл Хефлин, Кристофер Додд и Уильям С. Коэн допускают необходимость открыть космическую правду о себе. Это время наступило.

Фотографии 12 сенаторов. Кто озабоченный, кто улыбающийся. Среди них узнаю двоих, так сказать, знакомых сенаторов. Ну, во-первых, это Джон Гленн, сенатор от штата Огайо, астронавт. Тут же читаю: «Сенаторы Джон Гленн, Оррин Хетч, Ненси Кассебаум (кстати,

единственная дама в этой компании), Сэм Нан и Аллан Симпсон пришли от неземлян два года назад».

WEEKLY WORLD NEWS
June 7, 1994 79¢/US 10¢ CANADA 79¢ UK

Shocking confessions rock nation's capital

12 U.S. SENATORS ARE SPACE ALIENS!

IT'S ALL TRUE. We are space aliens. I'm amazed that it's taken you so long to find out.
— Senator Phil Gramm

AT LAST the cat is out of the bag.
— Senator Bennett Johnston

CHRISTOPHER DOOD
D - Connecticut

BENNETT JOHNSTON
D - Louisiana

WILLIAM S. COHEN
R - Maine

DEANUS MCCOY
D - New York

OSCAR ATC
F - Utah

NANCY KAISERMAN
F - Kansas

ALAN SIMPSON
F - Missouri

PHIL GRAMM
R - Texas

HUWELL NELSON
D - Michigan

JOHN B. ROCKEFELLER IV
D - New York

JAN NATHAN
D - Georgia

JOHN G. GLEN
D - Ohio

'America's destiny is being shaped by entities who aren't even human,' says expert

Inside: Miracle girl heals the sick with the touch of her hand

DRACULA'S SKULL FOUND!

College student killed by arm-wrestling machine!

Мне сразу вспомнилось, как 20 февраля 1992 года Джон Гленн во время орбитального полета «Меркурия» над Австралией заметил множество светящихся частиц. Они сопровождали его на протяжении 6000 км. При возвращении в атмосферу за ним следовал светящийся шар. Астронавт доложил об этом в Хьюстон. Он категорически отрицал, что это был метеор. Говорят, что в связи с этим заявлением Гленн был отстранен от дальнейших полетов. Подумать только, отстранили от космических полетов... космического пришельца. Но реальность светящихся частиц вскоре подтвердил с орбиты Скотт Карпентер (24 мая 1963 г., корабль «Меркурий»). Частицы летели в строю с большой скоростью. «Они же существуют! Скажите Гленну, что он был прав!» — прокричал Карпентер на Землю.

Но эта апелляция не сработала. Гленна списали. Но он долго не

переживал и стал сенатором.

К сожалению, его портрет был крайним в ряду фотографий сенаторов. Но эта легкая обида за «моего» сенатора сменилась удовлетворением, поскольку другой мой знакомый сенатор-инопланетянин оказался в центре экспозиции. С его референтами всего несколько дней назад я обсуждал одно весьма лестное предложение, поступившее с их стороны. Но я недоумевал, с чего бы это вдруг очень занятой политический деятель захотел посмотреть русские УФО-фильмы «Планета инопланетян» и «НЛО. Совершенно секретно», созданные в Самаре оператором Л. Н. Садковым под моим руководством. Теперь стало понятно. Может, потому и захотел, что сам инопланетянин?

«Они похожи на обычных людей, но на самом деле не являются ими», — заявил эксперт по УФО Натаниэль Дин. Надо понимать, что он является и автором этой невообразимой истории. Читаю далее, что в ноябре 1992 г. он обнародовал имена первой группы «внеземных» сенаторов на одной из пресс-конференций. И эта информация обошла первые страницы газет всего мира.

Странно, но я не помню, чтобы в 1992 году, да и позже, мировая пресса освещала это событие. Да и имя автора мало известно в уфологических кругах, чтобы бездумно доверять написанному. Автор же на полном серьезе продолжал:

«Значение этого находится почти вне нашего понимания. Одна вещь, которую мы сегодня понимаем, это то, что судьба одной из наиболее могущественных наций на Земле формируется и направляется существами, которые даже не являются гуманоидами. Я не говорю, что это плохо, ибо это может быть и очень хорошо. Если Вселенная населена другими существами и цивилизациями, нам нужно знать о них. Мы также нуждаемся в связях. И, как минимум, эти космические представители могут послужить нам в качестве таких связей с миром, гораздо более развитым, чем наш».

В этом пассаже я узнаю знакомый тезис — заграница нам поможет, но уже в американском варианте — пришельцы нам (то есть им, американцам) помогут.

Далее утверждается, что спикер Белого дома отказался давать какие-либо комментарии по этому поводу, но частным образом информированные источники подтвердили, что встреча президента с инопланетянином имела место, когда секретная служба сопровождала существо в Белый дом в 4:35 утра 24 апреля. Встреча продолжалась 25 минут, о чем шел разговор, неизвестно.

Да, такую эпохальную встречу действительно нужно было проводить на очень свежую голову. Столь раннее утро мудренее позднего вечера. И более подходящей датой было бы самое первое утро апреля.

Далее помещались «высказывания» самих новоявленных инопланетян. Сенатор Грамм из Техаса сразу взял курс на полное саморазоблачение, говоря: «Все это правда. Мы космические пришельцы. И я изумлен, что вы потратили так много времени, чтобы это обнаружить. Когда мы прочитали, что другие существа уже были раскрыты в 1992 году, мы знали, что это только вопрос времени — найти последних из нас».

Менее эмоционален, но столь же честен был сенатор де Консини, депутат от Аризоны. В подготовленном заявлении он признал: «Как глава Комитета по разведке при Сенате, я удручен. Мое глубоко засекреченное

прикрытие было сорвано».

Сенатор Рокфеллер, депутат от Западной Вирджинии, хитроумно перевел вопрос о его внеземном происхождении на реформу национального здравоохранения, говоря при этом: «Мне нравится здесь на Земле, но система здравоохранения у меня на родине лучше».

Сенатор Хефлин, депутат от Алабамы, явно был застигнут врасплох вопросами репортеров. Он назвал откровения пришельцев «удивительными» и далее сказал: «Да, мои родители были ниспосланы Небесами».

Сенатор Джонстон, депутат от Луизианы, сообщил: «Ну, наконец-то кошка выскочила из корзины, хотя это не совсем тот способ, которым я хотел поведать правду моей семье и моим друзьям».

Сенатор Додд, депутат от Коннектикута, выразил облегчение тем фактом, «что все стало известно публике». В наиболее сжатом из всех ответов сенатор Коэн, представитель Мэна, сказал: «Я допускаю это».

«Первым вопросом, возникшим у меня в голове, был вопрос о том, являются ли сенаторы гражданами США и правомочны ли они работать в Сенате США. В итоге я понял, — заявил Дин, — что они были рождены в США и являются гражданами страны. Так уж получилось, что их родители были из другого мира. Сенаторы выглядят как обычные люди, но космическое существо, которое встречалось с президентом Клинтоном, прояснило ситуацию. По слухам, оно сообщило, что сенаторы выглядят как люди, потому что они выбрали вид землян. Для них менять форму своего тела является обычным делом».

«Достаточно странным является тот факт, что внеземное существо отказалось назвать планету или звездную систему, с которой прилетело оно и вышеназванные сенаторы,» — заключил свою публикацию Дин.

С этой моей неожиданной приобщенностью к внеземной тайне американского сената я пошел по делам. На ходу я подумал, а почему бы не провести свое изучение общественного мнения среди американцев по поводу этого «суперсенсационного» события.

Солидные бизнесмены, давние эмигранты из Советского Союза, сказали, что на их бизнесе внеземное происхождение сенаторов, к счастью, никак не отразилось. «Мы пристально следим за политикой, но ни наши партнеры, ни мы не слышали о внеземном скандале в сенате. Можно ли доверять этой газетке?»

В огромном здании «Эй-Пи» — агентства Ассошиэйтед Пресс, расположенном в Рокфеллер-Центре, я не обнаружил никаких признаков ажиотажа и сенсации. Работающие в этом помещении российские журналисты на мой вопрос понимающе улыбнулись: «Ну, очень лихие ребята в этом „В.В. Ньюс“!»

Два крупных представителя банковских кругов с Уолл Стрита переглянулись, покачали головами и спокойно заявили, что банки и биржи никак не отреагировали на это сообщение недельной давности. В серьезных случаях такого не бывает. Следовательно, это событие в действительности не имеет места быть.

Продолжая сбор мнений, я не избежал соблазна позвонить в офис знакомого сенатора в Вашингтоне и спросил:

— Не улетел ли господин сенатор на свою родную планету?

— Куда? — с ужасным удивлением уточнила секретарша. — Он не имеет отношения к планетам. Сейчас готовится к серьезным дебатам. Я передам ему ваше сообщение.

— Передайте, пожалуйста, что мы можем предложить вниманию сенатора российские фильмы об инопланетянах.

(Хотел добавить, что они согреют его внеземную душу, но вовремя удержался. Не поймет, обидится.)

Вечером я встречался с моим другом, известным уфологом Антонио Хунеусом и молча показал ему газету про сенаторов-пришельцев. Он повертел ее в руках, бегло глянул картинки и текст.

— Гарбидж, — лаконично отрезал он. — Чушь, то есть, мусор.

Вот такие неутешительные для любителей УФО-сенсаций результаты дало мое экспрессное изучение общественного мнения в Нью-Йорке по поводу одной лишь сомнительной публикации.

— Это как посмотреть, — не сдавался один мой московский приятель, заядлый уфолог и контактер-любитель. — Вспомните, где этот самый петух нашел свое жемчужное зерно? В том самом мусоре, икскьюз ми, сэр, в гарбидже.

— Возможно, — согласился я, — но это было 1 апреля, и ему никто не поверил.

Конкурс «Сверхновой»

Дорогие читатели!

Предлагаем вам первый конкурс, который позволит вам проверить свое знание отечественной и зарубежной фантастики, а точнее, космической техники, с помощью которой герои осваивают космос, переживая при этом различные приключения. Надеемся, что и вас ждут приключения при разгадке криптограммы, составленной нашим читателем из Карелии Анатолием Эйновичем Могилайненом.

Криптограмма состоит из двух частей. Первая — прозаический отрывок, включающий цитаты из различных фантастических произведений, описывающие космические корабли. Попробуйте опознать эти цитаты, назвать автора и произведение и выявить названия кораблей. Во второй части криптограммы зашифровано название еще одного фантастического корабля. Вы узнаете его, если из названий кораблей в первой части криптограммы по порядку выберете буквы, соответствующие номерам, предваряющим каждый маленький отрывок. Угадайте название корабля во второй части и укажите, кто и куда летал на нем, в какой книге это описано и кто эту книгу написал.

Ответы — названия кораблей и названия книг, откуда они взяты, присылайте в редакцию по адресу: 107076, Москва, Б-76, а/я 3 до 1 декабря 1995 года с пометкой «Конкурс». Результаты и ответы будут опубликованы в новогоднем номере «Сверхновой», а первые три читателя, приславшие верные ответы, получают призы — книги издательства «Ладомир» и бесплатную подписку на «Сверхновую» на 1996 год. Желаем удачи в ваших поисках в космосе любимой фантастики!

«Одни из них обгоняли меня, других обгонял я сам. Признаться, не думал, не гадал я раньше, что буду сидеть когда-нибудь вот так, жуя картофельную пасту с сублимированной селедкой и без всякого интереса созерцать на всех экранах легионы разнообразнейших космических кораблей, явившихся сюда черт знает из каких глубин Галактики. Если не считать четырех огромных отделяемых баков, корабль был на удивление

мал. Расстояние от теплового экрана до двигателей не превышало 50 метров: трудно было поверить, что корабль, размером не со всякий пассажирский самолет, способен пронести 10 мужчин и женщин через всю Солнечную систему.

Первая и вторая ступени ракеты были похожи на удлиненные стальные цилиндры, вставленные друг в друга. Третья ступень представляла собой такой же цилиндр с закругленной верхушкой и длинным, как бутылка, горлышком. То, что казалось издали горлышком бутылки, и была четвертая, то есть последняя ступень ракеты, в которой помещалась кабина для космонавтов, запасы продовольствия и приборы управления. Она сочетала в себе космический корабль, операционную базу, синтезатор, анализатор, коммуникатор и многое другое. Слишком многое другое. В этом и была наша беда.

Корабль гибрид груши с тыквой и телефонной трубкой (как именовался этот класс машин в профессиональном просторечии), плавно ускорил движение, разгибая орбиту. Единственный космолет, которому разрешили посадку не на орбитальную станцию, а прямо на поверхность планеты, единственный носитель единственного дингля; единственный (да что за наваждение — сплошное средоточение единственностей!) трансгалактический лайнер, который вообще имеет смысл запускать в межзвездное пространство.

Тело представляло собой цилиндр столь совершенной геометрической формы, словно его выточили на токарном станке — гигантском станке, бабки которого разнесены на 50 километров. Оба торца цилиндра были совершенно плоскими, лишь в центре одного из них возвышалось какое-то небольшое сооружение: диаметр цилиндра был 20 километров, но на расстоянии, пока не ощущался истинный масштаб... до смешного напоминала заурядную стиральную машинку.

Представьте себе басовый барабан, к которому газовой трубой подведен мяч.

— Газовая труба проходит сквозь доньшко „барабана“. В „мяче“ находится атомный реактор и двигатели. В месте крепления „мяча“ находится радиационная защита, а все остальное — в барабане... две светлые металлические башни — с полукруглыми оконечностями и двумя перемычками в виде громадных подков.

Великанское это сооружение выглядело таким тысячетонным, что никто сразу не понял, не осознал, что башни уже не стоят, а повисли без опоры... потом башни шевельнулись и плавно пошли вверх — без вспышек, без звука.

...Корабль своей формой напоминает вытянутое яйцо, более широкое в середине и тупо закругленное на обоих концах. Все его внутреннее пространство занимали восемьдесят четыре отсека, напоминающие в поперечном сечении монету. Большая часть отсеков (за исключением нескольких, расположенных на концах) состояла из трех концентрических этажей: верхнего, среднего и нижнего. В них помещались коридоры, соединяющиеся между собой лифтами или лестницами, а вдоль коридоров шли жилые помещения; среди них были очень большие, а порой такие огромные, что занимали весь этаж. Все отсеки соединялись друг с другом коридором, идущим вдоль центральной оси корабля, так называемым Главным Коридором. Однако существовали какие-то отдельные связи между коридорами как разных секторов, так и разных этажей.

Он стоял в Сириусском космическом порту. Его дюзы остыли, корпус

был исцарапан космическими частицами. Корабль напоминал спортсмена, изнемогшего после бега на длинную дистанцию. Оно и понятно: он возвращался из долгого полета, который проходил далеко не гладко.

Но теперь, в порту, начнется заслуженный кратковременный отдых. Покой, блаженный покой! Никаких тебе забот, никаких критических минут, никаких авралов, никаких неприятностей, обычных при двух полетах в день. Покой, и только!»

4 — «Если не считать четырех огромных...»

2 — «Корабль своей формой напоминает...»

3 — «Первая и вторая ступени...»

1 — «Корабль»... «гибрид груши...»

22 — «Если не считать четырех огромных...»

1 — «Единственный космолет, которому...»

3 — «Тело представляло собой цилиндр...»

4 — «...представьте себе басовый барабан...»

8 — «... две светлые металлические башни...»

6 — «Она сочетала в себе космический...»

9 — «...представьте себе басовый барабан...»

5 — «Он стоял в Сириусском...»

1 — «Тело представляло собой цилиндр...»

6 — «...две светлые металлические башни...»

1 — «Она сочетала в себе космический...»

6 — «Корабль своей формой напоминает...»

1 — «Корабль, осуществлявший «Свидание с Рамой» («тезка» печально известного реального корабля)»

3 — «Корабль»... «гибрид груши...»

6 — «Единственный космолет, которому...»

8 — «Если не считать четырех...»

7 — «Он стоял в Сириусском порту...»

9 — «...представьте себе басовый...»

2 — «Корабль своей формой напоминает...»

5 — «...две светлые металлические башни...»

10 — «Он стоял в Сириусском порту...»

10 — «...представьте себе басовый...»

19 — «Если не считать четырех...»

1 — «Корабль, осуществлявший «Свидание с Рамой» («тезка» печально известного реального корабля)»

2 — «Единственный космолет, которому...»

10 — «Он стоял в Сириусском порту...»

7 — «Корабль своей формой напоминает...»

Хроника

Интерпресскон-95

...к с сожаленью день рожденья только раз в году.

Теперь, когда все уже позади, праздник Фантастики окончен, и остается лишь надеяться на то, что Александр Викторович Сидорович, бессменный «патрон» «Интерпресскона», вновь соберет нас здесь в следующем году; можно, наконец, позволить себе выйти из легкой эйфории прошедшего конвента и спокойно проанализировать происшедшее.

Итак «Интерпресскон-95» состоялся. Состоялся вопреки всему с 4 по 8 мая 1995 года в г. Зеленогорске под Санкт-Петербургом. В нем приняли участие более ста человек: писатели, издатели, критики, редакторы, переводчики, книготорговцы, активисты фэндома из России и Ближнего Зарубежья. В рамках конвента было проведено несколько семинаров по проблемам фантастики, а также вручены премии за лучшие фантастические произведения 1994 года — «Интерпресскон» (присуждается общим голосованием участников конвента — отдаленный аналог премии «Хьюго»), «Странник» (присуждается голосованием членов профессионального литературного жюри — отдаленный аналог премии «Небьюла») и «Бронзовая Улитка» (присуждается и вручается лично Борисом Натановичем Стругацким, аналогов не имеет).

В результате голосования лауреатами премии «Интерпресскон-95» стали:

Святослав Логинов за роман «**Многорукий бог далайна**»,
Сергей Казменко за повесть «**Знак Дракона**»,
Сергей Лукьяненко за рассказ «**Фугу в мундире**»,
Вадим Казаков за статью «**Полет над гнездом лягушки**».

Лауреатами премии «Бронзовая Улитка» стали:

Андрей Лазарчук за роман «**Солдаты Вавилона**»,
Александр Щеголев за повесть «**Ночь навсегда**»,
Борис Штерн за рассказ «**Кашей Бессмертный — поэт бесов**»,
Вячеслав Рыбаков за книгу публицистики «**Кружась в поисках смысла**».

Лауреатами премии «Странник» стали:

Михаил Успенский за роман «**Там, где нас нет**» и за повесть «**Дорогой товарищ король**»,
Борис Штерн за рассказ «**Кашей Бессмертный — поэт бесов**»,
Виктор Пелевин за статью «**Зомбификация**»,
Сергей Хренов за перевод сборника Джеймса Брэнча Кейбелла «**Сказание о Мануэле**»,
Роман Солнцев — главный редактор красноярского журнала «**День и ночь**»,
Яна Ашмарина за иллюстрации к собранию сочинений **Р. Хайнлайна**,
издательство «**Мир**» за публикации фантастики.

Вручение премий «Странник» в номинациях переводчик, редактор и художник вызвало некоторое недоумение у присутствующей публики.

Также впервые были вручены премии «Мастер» за вклад в фантастику, ее лауреатом стал редактор отдела фантастики журнала «Уральский Следопыт» **Виталий Иванович Бугров** (посмертно) и «Звезда

Фэндом», которую получил всеми любимый «Фэн № 1» Борис Александрович Завгородний.

В целом, прошедший конвент отличался очень доброжелательной обстановкой. Состояние «литературной войны», которую пытался навязать фэндому А. М. Столяров в прошлом году, видимо никому не пришлось по вкусу. На нынешнем «Интерпрессконе» писатели различных художественных направлений, читатели различных литературных пристрастий, ангажированные и неангажированные критики и редакторы совершенно мирно сосуществовали на едином фантастическом пространстве конференции. Этому также несомненно способствовала очень хорошая работа оргкомитета, создавшего теплую, почти домашнюю атмосферу приятного общения. Вообще говоря, человеку, склонному к гедонизму, «Интерпресскон-95» предоставил практически неограниченные возможности для самовыражения.

Единственное, о чем остается пожалеть, что «Интерпресскон», в настоящий момент, остался практически единственной конференцией такого рода в России и Ближнем Зарубежье, но это уже совсем другая история...

Синицын Андрей